

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

**VI МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ЭПОХ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РУСИСТИКЕ**

12-14 октября 2023 г.

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Часть 1

**ЕРЕВАН
Издательство РАУ
2025**

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

Р 894

Печатается по решению Ученого и Редакционно-издательского советов РАУ

Ответственный редактор: К.С. Акопян, к.ф.н., доцент; профессор, зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации, руководитель Центра русистики ИГН РАУ.

Рецензент: А.Г. Саркисян, к.ф.н., доцент; профессор honoris causa Российско-Армянского (Славянского) университета, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации ИГН РАУ, Исполнительный секретарь Армянской ассоциации русистов.

Редакционная коллегия: С.Т. Золян, д.ф.н., профессор; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации ИГН РАУ; профессор ИГН БФУ им. И. Канта; Л.В. Петросян, к.ф.н., доцент; доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации ИГН РАУ.

Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике:
P 894 VI Международная научно-практическая конференция (12-14 октября
2023 г.). Сборник научных статей. Часть 1. – Ер.: РАУ, 2025. – 276 с.

Сборник печатается по материалам VI Международной научно-практической конференции "Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике", проведенной в Российской-Армянском (Славянском) университете 12-14 октября 2023 г. Статьи публикуются в алфавитном порядке.

Публикация сборника осуществлена в соответствии с требованиями ВАК РА к сборникам научных трудов. Сборник зарегистрирован в базе данных РИНЦ. Все статьи публикуются под авторскую ответственность.

УДК 811.161.1(082)

ББК 81.411.2я43

ISBN 978-9939-67-387-5

© Российско-Армянский университет, 2025

© Карен Акопян, 2025

КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Председатель:

Э.М. Сандоян – д.экон.н. РА и РФ, профессор, ректор Российско-Армянского (Славянского) университета, действительный член Академии педагогических и психологических наук Армении.

Сопредседатели:

П.С. Аветисян – д.филос.н., к.физ.-мат.н., профессор, проректор по науке Российско-Армянского (Славянского) университета, действительный член Академии педагогических и социальных наук России;

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., профессор, директор Института гуманитарных наук Российско-Армянского (Славянского) университета;

К.С. Акопян – к.ф.н., доцент; профессор, зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации, руководитель Центра русистики Института гуманитарных наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

Международный научный комитет:

В.А. Плунгян – д.ф.н., профессор, академик Российской академии наук, зам. директора Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук;

Е.В. Рахилина – д.ф.н., профессор, руководитель Школы лингвистики Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики";

М.А. Кронгауз – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, зав. лабораторией социолингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

В.И. Карасик – д.ф.н., профессор; профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;

Е.Н. Ильина – д.ф.н., профессор; профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета;

С.Т. Золян – д.ф.н., профессор; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российско-Армянского (Славянского) университета; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта;

Д. Вайс – д.филос.н., профессор, профессор-эмеритус Цюрихского университета;

П. Коста – д.ф.н., профессор, хабilitированный доктор; профессор кафедры славянского языкознания Института славянских языков и литературы философского факультета Потсдамского университета; профессор honoris causa

Российско-Армянского (Славянского) университета.

Организационный комитет:

И.Р. Саркисян – д.п.н., профессор; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российско-Армянского (Славянского) университета; профессор кафедры русского языка Государственного университета им. В.Я. Брюсова;

А.Г. Саркисян – к.ф.н., доцент; профессор honoris causa Российско-Армянского (Славянского) университета, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российской-Армянского (Славянского) университета;

В.А. Григорян – к.п.н., доцент; доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российской-Армянского (Славянского) университета;

Т.А. Оганисян – к.ф.н., доцент; и.о. профессора кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российской-Армянского (Славянского) университета;

Л.В. Петросян – к.ф.н., доцент; доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российской-Армянского (Славянского) университета;

Н.Г. Брагина – д.ф.н., профессор; профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; профессор кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета;

И.А. Шаронов – д.ф.н., доцент; профессор, зав. кафедрой русского языка Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета;

Н.И. Таткало – д.п.н., профессор; профессор кафедры педагогики и методики преподавания иностранных языков Государственного университета им. В.Я. Брюсова.

Секретарь:

В.В. Акопян – преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Российской-Армянского (Славянского) университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Акопян К.С., Акопян В.В. Русистика в РАУ: достижения и перспективы.....	11
Вайс Д. Грамматикализация миративных конструкций типа "Взял да и вспомнил отца" в зеркале НКРЯ	24
Дымарский М.Я. Об объеме понятия инфинитивного предложения	30
Золян С.Т. О семантической двулиности "я" и его переносном употреблении	37
Карасик В.И. Новые коммуникативные табу в современной русской лингвокультуре.....	42
Коста П. Рекурсивность какrudиментарное свойство универсальной грамматики во всех естественных языках мира. Сравнение грамматики экзотического инкорпорирующего языка <i>pirahã</i> с флексивным индоевропейским языком (= русским).....	53
Кронгауз М.А. Выбор формы личного имени и категория лица.....	58

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

Бурцева А.В. К проблеме методологии судебной психолингвистической экспертизы	65
Ваулина Е.Ю. Интердисциплинарные и трансдисциплинарные значения в структуре терминологического полисеманта и лексической системе языка	70
Журова А.В. Вежливость и ее проявления в современной публичной коммуникации	76
Замальдинов В.Е. Активные процессы в словообразовании русского языка новейшего времени	80
Згировская О.Г. <i>Редактор, редакторша, редактриса...</i> номинации лица с основой "редактор"	85

Иссерс О.С. Границы такта в публичном интервью и маркеры их нарушения	91
Копосова М.Р. К функциональной характеристике предложений типа <i>Наступила весна</i>	96
Короткевич И.И. Русский язык как транслятор этнографических и лексикографических сведений о Беларуси в XIX в.	102
Лашина К.С. Мотивация окказиональных именований лиц женского пола с суффиксом -ин(я) как один из активных процессов в словообразовании русского языка.....	107
Новосельцева И.И. Игровой медиазаголовок как средство выражения оценки	113
Плесник Л. Словообразовательная активность лексического компонента <i>веб</i> в современном русском языке.....	119
Саркисян А.Г. Оттопонимические субстантиваты в современном русском языке.....	125
Саямова В.И., Олешко Т.В. К вопросу о понятиях "текст" и "дискурс" в лингвистике	131
Трубина О.Б. К вопросу об эвфемизмах со значением намеренного преуменьшения.....	137
Тунян С.А. Коммуникативное смягчение. Анализ митигативных приемов оформления речи российских политиков	141
Щекин А.С. О слове <i>баил</i> (<i>байло</i>) в русском языке XVIII века.....	148

РУССКИЙ ЯЗЫК В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Акопян Л.В. Применение фитоморфной метафоры в русскоязычном массмедиийном дискурсе Армении.....	157
Акопян Л.С. Языковые средства трактовки образа советской интеллигенции в контексте эволюционного развития лингвокультурного концепта "интеллигенция".....	162

Асташова О.И. Один день из жизни города: дискурсивно-семантический анализ урбанистического медиадискурса Екатеринбурга	169
Бральгин Д.О. Понятийный компонент концепта "классик" на материале Национального корпуса русского языка	175
Вертинская О.М., Рыбакова Е.М. Новое осмысление концепта "дом" в советскую эпоху (на примере анализа повести Н. Абгарян "Манюня").....	181
Выровцева Е.В. Концепт "знание" в научно-популярной коммуникации: когнитивный аспект	186
Гадомский А.К. Подход и метод в современной теолингвистике	191
Горина И.И. Трансформационные свойства средств обозначения категории времени в современном русском языке	197
Деккер Э.Т. Лингводидактический потенциал малых жанров фольклора в практике преподавания русского языка как иностранного	203
Ильина Е.Н. Медиаобраз Армении в партворке.....	207
Коняева Ю.М. Искусственный интеллект как объект возражения: речевые аспекты репрезентации	212
Кувшинникова О.А. Фрагменты виртуальной картины мира в "зеркале" неологической деривации	216
Новикова А.А. Микрокомпоненты в структуре концепта	222
Оганесян Д.Г., Акопян К.С. Безличные предложения как форма отражения национального менталитета.....	227
Попова О.И., Зиновьева Е.В. Когнитивный подход при изучении культуры стран ИВС на занятиях по иностранному (русскому) языку	234
Секерина М.А. Социальная коммуникация: объекты исследования и настройки лингвистической оптики	242
Стрельникова Л.Ю. Язык произведений В.В. Набокова как объект философского анализа	248

Оглавление

Теуш О.А. Историко-этнографические истоки кулинарной традиции Вилегодского района Архангельской области (по лингвистическим данным).....	253
Токарев Г.В. Стереотипные представления о Туле: по результатам психолингвистического эксперимента.....	258
Флянтикова Е.В. "Мир вещей" в метафорическом значении лексем группы "крупяные и хлебобулочные изделия" (на материале данных Национального корпуса русского языка)	261
Чернова Л.В., Дорофеева О.А. Ресурсность экранализаций сказок О. Туманяна при изучении русского языка как иностранного	267

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

РУСИСТИКА В РАУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Карен Суренович Акопян

karen.hakobyan@rau.am

К.ф.н., доцент

Профессор, зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации

Руководитель Центра русистики

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет

Ереван, Армения

Виктория Владимировна Акопян

viktoria.hakobyan@rau.am

Преподаватель

Кафедра русского языка и профессиональной коммуникации

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет

Ереван, Армения

Аннотация. Российско-Армянский (Славянский) университет представляет собой успешный проект гуманитарного сотрудничества между Россией и Арменией. Основанный в 1997 году, вуз реализует лучшие традиции российского и армянского образования, выпуская билингвальных специалистов. Университет играет ключевую роль в интеграции армянской диаспоры, привлекая студентов из СНГ и дальнего зарубежья.

Кафедра русского языка и профессиональной коммуникации совместно с Центром русистики реализует научные и образовательные проекты, включая исследование функционирования русского языка в Армении, создание корпусных и лексикографических ресурсов, а также образовательные программы для иностранных студентов и курсы повышения квалификации русистов.

РАУ проводит международные конференции, объединяя русистов, филологов и лингвистов разных стран для обмена научными достижениями и укрепления сотрудничества. Эти мероприятия стали знаковыми для русистов Армении и всего региона. Центр русистики РАУ укрепляет связи с российскими и международными партнерами, открывая новые перспективы для научного и образовательного взаимодействия.

Ключевые слова: Российско-Армянский (Славянский) университет, Центр русистики, русский язык в Армении.

RUSSIAN STUDIES AT RAU: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

Karen Hakobyan

karen.hakobyan@rau.am

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Professor, Head of the Department of the Russian Language and
Professional Communication
Head of the Russian Studies Center
Institute of Humanities
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Viktoria Hakobyan

viktoria.hakobyan@rau.am

Lecturer

*Department of the Russian Language and Professional Communication
Institute of Humanities
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Abstract. Russian-Armenian (Slavonic) University is a successful project of humanitarian cooperation between Russia and Armenia. Founded in 1997, the university implements the best traditions of Russian and Armenian education, graduating bilingual specialists. The university plays a key role in the integration of the Armenian diaspora, attracting students from the CIS and far abroad.

The Department of the Russian Language and Professional Communication, along with the Russian Studies Center, implements scientific and educational projects, including research into the functioning of the Russian language in Armenia, the creation of corpus and lexicographic resources, as well as educational programs for foreign students and advanced training courses for Russian language specialists.

RAU holds international conferences, bringing together Russian language specialists, philologists and linguists from different countries to exchange scientific achievements and strengthen cooperation. These events have become significant for Russian language specialists in Armenia and the entire region. The Russian Studies Center of the Russian-Armenian (Slavonic) University strengthens ties with Russian

and international partners, opening up new prospects for scientific and educational cooperation.

Keywords: Russian-Armenian (Slavonic) University, Russian Studies Center, Russian language in Armenia.

Российско-Армянский (Славянский) университет является, сейчас это можно смело утверждать, успешным проектом гуманитарного сотрудничества и эффективного взаимодействия России и Армении.

Вуз был учрежден Межправительственным соглашением от 29 августа 1997 году с целью создания в Армении классического многопрофильного университета высокого качества, который смог бы реализовать лучшие традиции российского и армянского образования и науки [1].

РАУ является прекрасным образцом экспорта российского образования, поскольку обучение у нас ведется по российским образовательным стандартам, на русском языке, с выдачей дипломов государственного образца Российской Федерации и Республики Армения. Университет выпускает высококвалифицированных специалистов-билингвов (с родным (материнским) армянским и вторым родным русским), владеющих к тому же иностранными языками. Таким образом, расширение спектра российского образования – одна из важнейших миссий РАУ.

Сегодня, когда три четверти этнических армян проживают за рубежом, одной из важнейших задач РАУ является интеграция диаспоры. Наш университет становится (фактически – стал) еще и центром притяжения армянской русскоязычной молодежи, одним из каналов миграции в страну. Ведь порядка 25% (до 30 %) ежегодного набора РАУ составляют студенты из стран СНГ (в первую очередь, конечно, из России, где находится самая многочисленная армянская диасpora, а также из Грузии, Средней Азии) и дальнего зарубежья. Наряду с ролью очага российской культуры в регионе, РАУ видит свою задачу в приобщении армян диаспоры к собственной культуре, в обеспечении связей с родиной у младшего поколения эмигрантов.

За четверть века РАУ действительно стал лучшим классическим вузом не только в Армении, но и в регионе, занимая лидирующие места в рейтингах и получив признание как среди населения страны, так и в диаспоре. Так, в 2021 году, согласно рейтингу QS EECA (Emerging Europe and Central Asia), РАУ был признан лучшим армянским вузом. В рейтинг вошли лучшие университеты (ТОП 450) из 30 стран Восточной и Южной Европы, Центральной Азии, Южного Кавказа и Балтии, и среди них 5 армянских вузов [2]. (Рисунок 1.)

А уже в 2022 году Российско-Армянский (Славянский) университет впервые вошел в престижный глобальный рейтинг лучших университетов мира "QS World University Ranking 2023". В рейтинг вошли около 1500 вузов из Европы, Азии и Северной Америки [3]. (Рисунок 2.)

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Говоря о признании среди населения страны и в диаспоре, я вовсе не преувеличивал. В 2022 году в системе высшего образования Армении был зафиксирован небывалый спад активности абитуриентов – вузы объявили о колоссальном недоборе. Сам премьер-министр РА на заседании Правительства 01 сентября

2022 г. заявил, что около 60% вузовских мест остались вакантными, и в государственных вузах этот показатель составил целых 40% [4]. В то же самое время РАУ фиксирует небывалый приток абитуриентов – более 1320 заявок на поступление в русский и армянский секторы, на очную и заочную формы обучения. Аналогичный небывалый поток заявок наш вуз зарегистрировал и в 2023 году – порядка 1200 поступивших при 1600 заявках!

В РАУ русистику представляет кафедра русского языка и профессиональной коммуникации (конечно, совместно с кафедрой русской и мировой литературы и культуры). И одним из важнейших наших достижений явилось открытие летом 2023 г. в нашем университете Центра русистики. Мы, несомненно, и раньше занимались научными, образовательными и просветительскими проектами, однако теперь у нас появились новые возможности – например, привлекать к реализации наших проектов ведущих русистов Армении, наших российских партнёров и специалистов из зарубежных центров русистики!

Основная цель нашего Центра – стать региональной и международной научно-исследовательской, образовательной и организационно-методической площадкой для реализации программ исследования, преподавания и популяризации русского языка, всестороннего развития научных и культурных связей между Россией и Арменией [5]. И дальнейшее изложение наших достижений и перспектив будет вестись с точки зрения ключевых направлений деятельности Центра.

1. Научно-исследовательский проект "Русский язык в Армении". Одним из важнейших научных направлений деятельности Центра русистики является исследование функционирования русского языка в Армении.

В 2017 г. под руководством д.ф.н., профессора С.Т. Золяна был осуществлен 1-ый этап научного проекта, посвященного исследованию данной проблемы. Основным итогом деятельности научной группы явилась публикация пособия "Русский язык в Армении в контексте его функционирования в мире: Опыт междисциплинарного исследования. Часть I: Правовые инструменты развития и защиты" (2018) [6]. К результатам данного проекта проявили большой интерес коллеги из России, Болгарии, Польши, Венгрии и Финляндии. Благодаря ему научная группа участвовала в международном проекте, посвященном исследованию функционирования русского языка в мире: речь идет о совместной статье Золяна С.Т. и Акопяна К.С. "Russian in Armenia. Between thriving and surviving" в международной коллективной монографии "The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies", изданной в Routledge, London and New York, 2020 [7].

Полученные результаты стали необходимым фундаментом, отправной точкой для реализации 2-го этапа предложенного нами научно-исследовательского проекта "Русский язык в Армении: статус, социолингвистические функции и функционирование в образовательной системе" [8].

2. Одним из приоритетных направлений деятельности Центра являются корпусные исследования русского языка в Армении. Об этом направлении пока можно говорить только в оптативе, а если уже в индикативе – то в ближайшем будущем времени (*futur proche*)). Корпусные исследования являются одним из наиболее актуальных и активно развивающихся направлений русистики. Они позволяют изучать различные языковые процессы, явления и даже конкретные единицы – в синхроническом и диахроническом аспектах – на базе больших массивов текстов и на больших временных отрезках.

В рамках данного направления чрезвычайно важной и актуальной является реализация следующих проектов:

1) создание "армянского" подкорпуса Русского учебного корпуса (RLC). Русский учебный корпус – ценнейший ресурс для исследований в области преподавания русского языка как иностранного [9]. В данном случае речь идет о создании "корпуса ошибок" – от орфографических до лексических, морфологических и синтаксических – в русской речи студентов РАУ (и шире – студентов вузов Армении).

2) работа над параллельным русско-армянским корпусом в рамках Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [10],

3) возобновление работы над Восточноармянским национальным корпусом.

Реализация данных проектов позволит эффективно решать различные учебно-методические и научные задачи:

а) решить многие наболевшие проблемы в методике преподавания русского языка армянским школьникам и студентам, поскольку даст возможность не просто фиксировать разнородные ошибки, но и определять их частотность и дифференцировать зону интерференции;

б) проводить сравнительно-сопоставительные и типологические исследования;

в) проводить исследования в сфере теории и практики перевода.

3. Создание лексикографических трудов.

Важно отметить и такое активно развивающееся у нас направление прикладной русистики, как лексикография. Так, к.ф.н., доцент, заслуженный профессор РАУ А.Г. Саркисян участвовал в межъевропейском проекте "Лепта библейской мудрости..." Итогом работы явилась публикация двухтомного словаря "Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках" (на 18 языках!) (Могилев, 2019) [11; 12]. В рамках данного направления планируется создание русско-армянских узкоспециальных учебных словарей активного типа для всех, конечно в перспективе, направлений специализаций нашего университета. В словарях будут зафиксированы частотные термины, которые ис-

пользуются в вузовской учебной литературе и которые наиболее распространены в русскоязычных изданиях – научных монографиях, статьях и пр.

4. Образовательные курсы.

4.1. Курсы по русскому языку как иностранному. Уже несколько лет на базе кафедры успешно реализуется дополнительная образовательная программа "Русский язык и культура" [13]. Она состоит из следующих курсов: "Русский язык как иностранный", "Лингвокультурологические аспекты изучения русского языка" и "Основные вехи русской литературы сквозь призму истории и культуры России". В зависимости от уровня владения языком обучающихся мы предлагаем им различные варианты прохождения данной программы.

С 2017 г. по 2023 г. 40 обучающихся из 10 стран – Армении, Великобритании, Дании, Индии, Ирана, Китая, Франции, Чехии, Швеции и Японии – успешно прошли обучение по данной образовательной программе.

Вообще, необходимо заметить, что РАУ является уникальной научной и образовательной площадкой, где проходят обучение студенты с разным уровнем владения русским языком. У нас существуют формы с русским и армянским языками обучения, кроме того, активно приезжают иностранные студенты изучать русский язык. Это позволяет нам, русистам, ставить вопросы изучения, разработки и внедрения различных методик преподавания русского языка, эффективных для студентов с разным языком обучения, с разным уровнем владения русским языком.

4.2. Курсы повышения квалификации. В РАУ регулярно проводятся курсы повышения квалификации русистов – учителей школ и преподавателей вузов [14]. Кроме того, мы проводим и краткосрочные курсы повышения квалификации. Так, с 2020 г. мы выступаем в качестве соорганизаторов в международных проектах по повышению квалификации русистов. Организаторами проекта выступают Ассоциация дополнительного профессионального образования "Институт непрерывного образования" (г. Тула) и Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (г. Москва). За 3 года сотрудничества было подготовлено и реализовано 3 международных проекта, в которых приняли участие более 1000 преподавателей и учителей русского языка и литературы, студентов и магистрантов гуманитарных направлений подготовки из 25 стран [15].

5. Международные конференции.

5.1. Международная научно-практическая конференция "Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике".

Одно из важных достижений нашей кафедры – ставшая традиционной Международная научно-практическая конференция "Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике". В этом году мы проводим ее уже в шестой раз. Организатором Конференции, как и раньше, выступила кафедра русско-

го языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук РАУ, правда, проводится она в рамках деятельности Центра русистики. В очередной раз Конференция объединила филологов-руристов, славистов, лингвистов-типологов, переводчиков, специалистов других гуманитарных направлений для того, чтобы обменяться новейшими научными и научно-методическими идеями в русистике, обсудить достижения в сфере традиционных и инновационных методов преподавания русского языка, исследований актуальных процессов в СРЯ, а также русского языка в свете когнитивистики и лингвокультурологии, сопоставительно-типологических исследований и теории и практики перевода.

Прошлая, пятая, юбилейная, Конференция состоялась в 2021 году – вопреки и несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию как в Армении, так и во всем мире [16]. В этом – воистину трагическом для нас – году мы не нарушили нашей традиции – несмотря на всю сложность ситуации. После ковида формат Конференции стал очно-дистанционным. Это позволит выступить со своими докладами и презентациями участникам из 64 высших учебных заведений и научных и образовательных центров 13 стран: Армении, Беларуси, Германии, Индии, Казахстана, Китая, Молдовы, Польши, России, Узбекистана, Финляндии, Чехии и Швейцарии. На ней выступили и еще выступят известные всему российскому и – шире – мировому лингвистическому сообществу русисты: В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, М.А. Кронгауз, В.И. Карасик, С.Т. Золян, П. Коста, Д. Вайс, М.Я. Дымарский, Н.Г. Брагина, И.А. Шаронов, О.С. Иссерс и мн. др.

Конференция, впервые проведенная в 2014 г., уже давно стала масштабным научным мероприятием, знаковым для сообщества русистов Армении и всего региона не только и не столько по количеству участников из различных стран, сколько по уровню научной мысли, духу, энергетике, средоточию и консолидации идей.

Динамику роста числа участников конференции вы можете видеть ниже.

(В этом году более 150 русистов подали свои заявки для участия в конференции, однако после достаточно строго отбора их число сократилось до 121). Как видите, расширилась и "география" стран-участников конференции – их 20.

По материалам конференции издаются сборники научных статей. Все сборники зарегистрированы в научометрической базе данных РИНЦ [17].

5.2. Международная студенческая онлайн-конференция "Лингвострановедение: родина глазами студента".

Чрезвычайно важны для нас и студенческие конференции – республиканские и международные.

Тут я бы хотел особо подчеркнуть наше многолетнее сотрудничество с Российским университетом дружбы народов в организации Международной студенческой онлайн-конференции "Лингвострановедение: родина глазами студента".

1 апреля 2021 года и 1 же апреля 2022 года наша кафедра в партнерстве с РУДН и Центром русских исследований Университета им. Джавахарлала Неру в Дели провела III и соответственно IV Международную конференцию.

Основная цель конференции – предоставление возможности студентам-иностранцам общаться на русском языке (в полном соответствии с его международным статусом) для установления межкультурного взаимодействия.

Участниками онлайн-проекта в 2021 и 2022 годах в общей сложности стали более 90 студентов и преподавателей (научных руководителей) из 16 стран: Армении, Вьетнама, Гаити, Гвинеи, Грузии, Доминиканы, Египта, Индии, Китая, Кот-Д'Ивуара, Мозамбика, России, Сан-Томе и Принсипи, Судана, Сирии и Эквадора [18], [19].

В ноябре тек. года состоится V, юбилейная, конференция.

6. Международное сотрудничество. Диалог и сотрудничество – центральный концепт развития Центра русистики. Кафедра активно сотрудничает с ГИРЯ им. А.С. Пушкина, РУДН, НИУ ВШЭ, РГГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, ПГУ, Вологодским государственным университетом, Казанским федеральным университетом, Балтийским федеральным университетом им. И. Канта, Университетом им. Джавахарлала Неру (Дели, Индия), Хельсинкским университетом (Хельсинки, Финляндия), Великотырновским университетом (Велико Тырново, Болгария), Потсдамским университетом (Потсдам, Германия) и рядом других вузов.

Наиболее активными сферами сотрудничества являются участие в международных конференциях и курсах повышения квалификации, организуемых вузами-партнерами, научные командировки, совместные проекты и содействие в реализации международных образовательных акций (например, образовательно-просветительской экспедиции "Послы русского языка в мире", организуемой Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина).

Международная волонтерская программа "Послы русского языка в мире"

реализуется с 2015 года. И первая экспедиция была направлена именно в Армению, поскольку именно армянская делегация предложила еще на I заседании Общественного совета Базовой организации государств – участников СНГ по преподаванию русского языка создать молодежное волонтерское движение, направленное на популяризацию русского языка в странах СНГ и – шире – во всем мире.

Ежегодные экспедиции послов в сельские армянские школы или городские (но не столичные) школы становятся настоящим праздником как для детей, так и для учителей. Послы русского языка с помощью игровых приемов и интерактивных форм знакомят школьников с русским языком, культурой и литературой, а также, в свою очередь, знакомятся с традициями принимающей стороны.

Замечу, что в настоящее время в РАУ действует штаб-квартира волонтерской программы, открытая в декабре 2021 года [20]. Последняя же экспедиция состоялась в сентябре 2022 года, с завершением программы в стенах РАУ и школы "Усмунк".

7. Просветительская деятельность. Одной из важных сфер деятельности Центра является подготовка и реализация мероприятий просветительского характера по поддержке, продвижению и популяризации русского языка и культуры. Это:

и музикально-поэтический вечер, посвященный Дню славянской письменности и культуры (24 мая 2023);

и, несомненно, мероприятия, приуроченные ко Дню русского языка и посвященные дню рождения А.С. Пушкина: тут и флешмоб "Поэтический полет" (06 июня 2022) [21], и творческие мероприятия "Живой Пушкин" (07 июня 2019) и "А.С. Пушкин и дар бессмертный – речь" (07 июня 2022) [22], и совершенно новое замечательное театрально-музыкально-поэтическое мероприятие "Я тень зову...", организованное 08 июня 2023г. совместно кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации, кафедрой русской и мировой литературы и культуры и театром РАУ "БЭМ" [23];

и культурно-просветительские мероприятия, посвященные Дню Святых переводчиков, – "Перевод: мост к иным культурам" (13 октября 2022) [24] и "Лирика нас связала..." (10 ноября 2022) [25];

и чрезвычайно важное мероприятие – участие в организации и проведении студенческой олимпиады по русскому языку (28 апреля 2023) [26]. Организаторами Олимпиады выступили Представительство Россотрудничества в РА, Ассоциация выпускников вузов СССР (России) при поддержке РАУ и ИП. И в качестве поощрения победители Олимпиады были приглашены Институтом Пушкина в Москву для участия в работе Костомаровского форума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерк истории РАУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/content/ocherk-istorii> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
2. РАУ возглавил список армянских вузов в престижном рейтинге QS ЕЕСА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rau.am/news/QS_2022 (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
3. Топ-1000: РАУ признан одним из лучших университетов мира! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/qs-world-university-rankings> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
4. Правительство намерено пойти на укрупнение государственных вузов: в Армении будет 8 государственных вузов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.1in.am/1355343.html> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
5. Концепция Центра русистики РАУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusistika.rau.am/about> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
6. Золян С.Т. Русский язык в Армении в контексте его функционирования в мире. Опыт междисциплинарного исследования. Часть 1. Правовые инструменты развития и защиты. – Ер.: Изд-во РАУ, 2018.
7. Zolyan, S.T., Hakobyan, K.S. Russian in Armenia. Between thriving and surviving. –In: Mustajoki, A., Protassova, E., & Yelenevskaya, M. (Eds.). (2019). The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies (1st ed.). Routledge. – PP. 46-54. <https://doi.org/10.4324/9780429061110>; – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9780429061110/soft-power-russian-language-arto-mustajoki-ekaterina-protassova-maria-yelenevskaya> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
8. Научная деятельность Центра русистики РАУ. "Русский язык в Армении". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusistika.rau.am/activity/1650026157-nauchnaya-deyatelnost> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
9. Русский учебный корпус. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.web-corpora.net/RLC/> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
10. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
11. "Лепта библейской мудрости". Русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 томах. / Под общей редакцией Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Том. 1. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38169201> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
12. "Лепта библейской мудрости". Русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, ар-

- мянском и грузинском языках: в 2 томах. / Под общей редакцией Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Том. 2. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38169197> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
13. "Русский язык и культура". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusistika.rau.am/activity/7151317795-programma-russkii-yazyk> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
14. Свыше 100 слушателей прошли в РАУ курс повышения квалификации по методике преподавания русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/kurs-povish-kval-rus> (Дата обращения: 10.10.2023 г.); Более 110 человек из 9 стран прослушали курс повышения квалификации от РАУ по методике преподавания РКИ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/kurs-povish-kvalifikacii-rki> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
15. РАУ выступил партнером проекта "Язык и время: пути профессионального развития". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/proekt-yazik-i-vremya> (Дата обращения: 10.10.2023 г.); РАУ – партнер мероприятия "Искусство слова: важные концепты русской культуры". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/rau-partner-iskusstvo-slova> (Дата обращения: 10.10.2023 г.); РАУ выступил партнером в реализации проекта "Культурно-просветительский навигатор в мире русского слова". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/navigator-v-mire-rus.yaz> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
16. В РАУ прошла конференция "Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/rus-yazik-na-perekrestke-epoch> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
17. Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Часть 1. – Ер.: Изд-во РАУ, 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54078809> (Дата обращения: 10.10.2023 г.); Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Часть 2. – Ер.: Изд-во РАУ, 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54078765> (Дата обращения: 10.10.2023 г.); Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. Часть 1. – Ер.: Изд-во РАУ, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41230363> (Дата обращения: 10.10.2023 г.); Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. Часть 2. – Ер.:

- Изд-во РАУ, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41230381> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
18. Состоялась III Международная студенческая онлайн-конференция "Лингвострановедение: родина глазами студента". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/lingvostranovedenie-konf> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
19. Конференция "Лингвострановедение: родина глазами студента" собрала студентов из 9 стран мира. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/lingvostranovedenie-4konf> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
20. В РАУ открыта штаб-квартира "Послов русского языка в мире". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/posli-rus.yaz> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
21. День рождения А.С. Пушкина студенты РАУ отметили флешмобом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/Pushkin-flashmob> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
22. В РАУ отметили День русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/den-rus-yazika> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
23. "Я тень зову...": в РАУ отметили Пушкинский день. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/Pushkin-vecher> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
24. В РАУ отметили День переводчиков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/den-perevodchikov> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
25. Вечер поэзии "Лирика нас связала". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=8jeZ_G3nmkQ&t=31s (Дата обращения: 10.10.2023 г.).
26. "Русский язык – связующая нить культур и поколений стран СНГ": в РАУ прошла Республиканская студенческая олимпиада "Год русского языка в странах СНГ". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rau.am/news/olimp-rus> (Дата обращения: 10.10.2023 г.).

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ МИРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА "ВЗЯЛ ДА И ВСПОМНИЛ ОТЦА" В ЗЕРКАЛЕ НКРЯ

Даниэль Вайс
daniel.weiss@uzh.ch

Д.ф.н., профессор
Профессор-емеритус
Институт славянской филологии
Университет Цюриха
Цюрих, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается поэтапно процесс грамматикализации русских миративных псевдосочинительных конструкций *взять да/и/да и X-овать* и их сериального эквивалента *взять X-овать* на материале данных НКРЯ. При этом учитываются количественное распределение данных конструкций и различные синтаксические, семантические и прагматические критерии, указывающие на их поступающую грамматикаизацию.

Ключевые слова: псевдосочинение, миративные конструкции, разговорный синтаксис, глагольная сериализация, отрицание, imperativus dramaticus.

THE GRAMMATICALIZATION OF MIRATIVE CONSTRUCTIONS OF THE TYPE "HE TOOK (lit) AND REMEMBERED HIS FATHER" IN THE LIGHT OF THE RNC

Daniel Weiss
daniel.weiss@uzh.ch

Doctor of Philological Sciences, Professor
Professor Emeritus
Slavic Department
University of Zurich
Zurich, Switzerland

Abstract. In my paper, the ongoing grammaticalization of the Russian mirative pseudo-coordinative constructions *vzjat' da/i/da i X-ovat'* and their serialized equivalent *vzjat' X-ovat'* will be examined on the basis of data from the RNC. The analysis encompasses the quantitative distribution of these four constructions as well as the

different syntactic, semantic and pragmatic criteria that mark their respective stages of the grammaticalization process.

Keywords: pseudo-coordination, mirative constructions, colloquial syntax, verb serialization, negation, imperativus dramaticus.

Введение. Статья посвящена разбору четырех разговорных конструкций с первым глаголом *взять* и вторым присоединенным к нему псевдосочинительной [2] или бессоюзной связью глаголом, ср.:

$X V_1 [= \text{взял}] (u/\text{да}/\text{да } u/\theta) V_2 [= \text{сделал}]$

1. Оба глагола представлены в той же грамматической форме (за возможным исключением времени и вида) и согласованы с X-ом.

2. Событие, обозначаемое V_2 и касающееся субъекта X, было быстро и неожиданно для X-а, говорящего, собеседника или рассказчика.

Данное определение отличается от всех существующих словарных определений от [12] вплоть до [3]. Термин ‘событие’ понимается в самом широком виде, охватывая не только самые частотные точечные achievements, но и accomplishments или actions по известной классификации Вендлера; тем самым, лишь стативы (generic states) не входят в этот класс.

Синтаксическое моделирование обсуждаемых конструкций в рамках теории “Смысл ↔ Текст” предлагается в [10]. Здесь нет места для учёта этого анализа.

Особого рассмотрения требует императив в своем первичном, директивном значении. Его, по-видимому, следует считать отдельной конструкцией, поскольку он не укладывается в рамки вышеприведенного определения. Ввиду своей маргинальной употребительности он здесь не будет обсуждаться (подробнее см.: [11]); отметим лишь, что встречаются также производные употребления русского императива, такие как условно-следственное с частицей *хоть* [4: 112].

Этапы грамматикализации в XIX веке. Начиная с первого засвидетельствованного примера (1827 г.), на материале данных НКРЯ в [7] иллюстрируются: а) переменное количественное распределение вышеназванных четырех конструкций, б) постепенная утрата валентностных и семантических свойств первоначального глагола *взять* [9], в) возникающие при этом двузначности, г) хронология отдельных этапов грамматикализации, д) взаимодействие миративных конструкций [1] с другими миративными маркерами. В предмет анализа также входят разные pragmatische эффекты, вызванные отдельными употреблениями.

Исторический разрез выявляет как сдвиги, так и константу в распределении четырех конструкций. Если в XIX веке преобладал вариант *взять да и X-овать* [65% всего массива], то в XX веке он почти полностью вытесняется конструкцией

с и. Это отражает общую тенденцию к максимальному насыщению мириативных показателей, характерную для начальных этапов развития: в отличие от других конкурентов, союз *да и* уже сам собой выражает неожиданность, т.е. дублирует мириативное значение. К тому же вся конструкция часто выступает в *imperativus dramaticus*, который опять подчеркивает неожиданность данного события. И наконец, мириативное предложение может еще содержать наречие *вдруг* или *ни с того ни с сего* как четвертый маркер мириативности. Такое накопление всех четырех маркеров представлено в следующем примере:

(1) Странная игра случая занесла меня наконец в дом одного из моих профессоров; а именно вот как: я пришёл к нему записаться на курс, а он *вдруг возьми да и пригласи* меня к себе на вечер. [И.С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)]

Подобное насыщение характерно для первых десятилетий, после 1880 г. оно исчезает.

Исторической константой оказывается маргинализация serialной модели, которая с самого начала и до сих пор занимает периферийную позицию (XIX в.: 5,7%) и отстает по всем критериям грамматикализации.

Таблица 1. Развитие всех мириативных конструкций в XIX веке
(по данным НКРЯ) [7]

	Первый пример	Кол-во	Imperativus dramaticus	Двузначные случаи	Дополнительные маркеры неожиданности
взять да V ₂	1827	81	7	18	7
взять да и V ₂	1839	416	47	26	29
взять и V ₂	1851	147	9	12	12
взять (,) V ₂	1844	39	—	6	1
итого		685	63	64	49

Хронология этапов грамматикализации по НКРЯ выглядит следующим образом (везде отмечены первые вхождения):

1827 г. – утрата дополнения глагола *взять*

1837 г. – *imperativus dramaticus*

1847 г. – неканонический субъект: *собака взяла да и шмыгнула...*

1849 г. – неконтролируемое V₂: *взять да удавиться*

1869 г. – отрицание V₂: как *вдруг этот Повилиянский возьмет да и не придет*

1897 нсв вид V₁: ... *берет и бросает это купание*

Из критериев, указывающих на продолжающую грамматикализацию в XIX веке, заслуживают нашего внимания "неканонические" (неодушевленные) субъекты и предикаты (V_2), обозначающие неконтролируемые события. В обоих случаях значение данного члена несовместимо с глаголом *взять* в своем первоначальном, физическом значении. Оба эффекта могут сочетаться, как это происходит в следующем примере:

(2) Только не рассчитал, что материца-то гнилая была. Как только он на нееступил, она *возьми да и провались*. Повис майор на воздухе; видит, что неминуемое дело об землю грохнуться, а ему не хочется. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Медведь на воеводстве (1869-1886)]

Среди неканонических субъектов нашлось 14 названий животных и столько же названий неодушевленных понятий, например, *солнце, материца, лодка, место, разговор, общество, натура, чувство, идея, болезнь, сплетни, Англия* (частично они обусловлены эффектом метонимии или метафоры). Неконтролируемые события, обозначаемые вторым глаголом, составляют 51 случай, например: *родить, рассердиться, покраснеть, вспыхнуть, забыть, вспомнить, перепутать, заснуть, провалиться, захиреть, ожисть, отжисть*. Иногда наблюдается ироническое употребление таких глаголов, придающее им смысл сознательного действия, см. пример в заглавии этой статьи ("*взял да и вспомнил*"). Интересно отметить, что семантическое поле "*умереть*" (включающее и *издохнуть, отравиться, удавиться, утопиться* и др.) составляет 55% всех неконтролируемых событий; отсюда и частые прагматические переосмыслиния типа "*возьму да и умру!*"

Дальнейшая грамматикализация в XX веке. Ввиду приведенного в таблице 1 массива вхождений из XIX века, число примеров с отрицанием при втором глаголе выглядит весьма скромно [8]: начиная с 1869 г. до сегодняшнего дня собралось 83 вхождения, причём львиная доля (53) приходится на конструкцию с *и*. Сериальные примеры отсутствуют полностью, что лишний раз свидетельствует об общем отставании этой конструкции в процессе грамматикализации. *Imperativus dramaticus* представлен в 9 примерах, из дополнительных маркеров неожиданности встречается только *вдруг*. Неканонические субъекты попадаются довольно часто, ср. *вечер, железная дорога, лужа, Святой Дух, наркоз, КГБ и сердце*. У неконтролируемых событий, обозначаемых вторым глаголом, болезненное увлечение смертью значительно ослабло (3 примера): здесь мы находим, например, глаголы *заснуть, проснуться, родиться, высохнуть, знать, с ума сойти, получиться*. Зато наблюдается известная монотонность в наборе отрицаемых глаголов: 28% всего количества составляют глаголы движения типа *пойти, поехать*.

В большинстве случаев неожиданность заключается в отсутствии события, которое в предшествующем контексте как-то предсказывалось. В шести примерах, однако, отрицание лишь повторяет предыдущее отрицательное высказывание, ср.:

(3) А вдруг вечер вообще не наступит? Всегда наступает, а конкретно се-

годня – возьмёт и не наступит. [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)]

В таких контекстах миративная конструкция просто усиливает уже прежде установленную неожиданность события и тем самым добавляет только эмфазу. То же самое верно для тех редких случаев (в моем материале их лишь два), где миративная конструкция содержит и отрицание глагола *взять*, ср. "чтобы не взять и не оторвать ее уши от ее головы". Все остальные употребления отрицания при первом глаголе объясняются иначе, например, воздействием предикатива *нельзя* или потенциальным значением совершенного презенса, ср. "Но просто так не возьмешь и не позвонишь..."

Для полноты картины следует еще указать на появление аспектуально несогласованных пар вроде *возьму и не буду делать*, что открывает также возможность употребления раньше "запретных" стативных глаголов *знать* или *любить*.

Последний этап грамматикализации миративных конструкций заключается в введении нсв глагола *брать* в качестве V₁. Происходит это в XX в., причём в медленном темпе: в НКРЯ нашлись лишь 64 вхождения презенса и 4 вхождения претерита, к тому же 35 вхождений императива и 7 – инфинитива. Подавляющее большинство (57) примеров относится к конструкции с союзом *и*. Встречаются и сериальные цепочки, зато *imperativus dramaticus* отсутствует, поскольку он выступает лишь в совершенном виде. Смыловой потенциал новой конструкции в несовершенном виде лучше всего учитывается ее аспектуальной характеристикой. Актуально-длительное значение нсв по определению невозможно, поскольку оно несовместимо с аспектуальной характеристикой миративных конструкций (пунктуальное событие). Преобладает неактуальная темпоральная соотнесенность: она представлена либо в многократных действиях, ср. "Каждая третья московская брачная пара берет и разводится", либо в генеричных (родовых) высказываниях, ср. "Берешь звонишь своему маклеру и велишь продать три тысячи акций" (отметим, что адресатом здесь является генеричное *ты*). К этому примыкает третий тип, назовем его условно фиктивным, ср. "...допустим, беру и продаю тебя за копейку". Наряду с этими неактуальными употреблениями встречается исторический презенс, ср. "отпуск проходит, тогда я беру и еду к сестре в Херсон". Удивляет крайне низкая частотность примеров в претерите. Они все относятся к неактуальному плану, ср. "уже несколько раз брала выступала перед сотрудниками на совещаниях". Маргинальная позиция объясняется, по-видимому, тем, что большинство характерных для презенса употреблений в претерите отпадает: это верно не только для исторического настоящего, но и для генеричных и скорее всего также для фиктивных высказываний. Исключено также общефактическое значение [11, 6].

Ареальная картина миративных конструкций данного типа выявляет как параллели, так и значительные различия между русским, польским, литовским и латышским языками [2]. Так, в отличие от русских соответствий, польская конструкция с V₁ *wziąć* тяготеет скорее к сериальной модели. С другой стороны, она

также допускает нсв *V₁ brać*, но, как и у русских конструкций, в маргинальном объеме и с крохотной долей форм претерита. Для балтийских языков предпочтение св *V₁* не характерно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aikhenvald A.* The essence of mirativity. *Linguistic Typology* Vol. 16. 2012. No 3. – PP. 435–485.
2. *Andrason A., Aikhenvald A.* (eds.) 2: The Rise and Fall of Serial Verb Constructions. Special Issue of Selected Papers in Linguistics PLUS. – Stellenbosch, 2022.
3. Russian Construction. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constructicon.github.io/russian/> (Дата обращения 5.12.2022 г.).
4. *Fortuin E.* Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-in infinitive construction in Russian. – Institute for Logic, Language and Computation Amsterdam, 2000.
5. *Ross D.* Between coordination and subordination: typological, structural and diachronic perspectives on pseudocoordination, in F. Pratas, S. Pereira, C. Pinto eds., Coordination and Subordination: Form and Meaning. Selected Papers from CSI Lisbon 2014, Newcastle upon Tyne, 2016. – PP. 209–243.
6. *Weiss D.* Voz'mu i ne budu! Zum Inexspektativ im modernen Russischen, in: Kosta P., Weiss D. (eds.). – Slavistische Linguistik 2006-7. – München, 2008. – PP. 474–504.
7. *Weiss D.* Russian constructions with ‘take’ expressing an unexpected event: their historical origin and development in the 19th century, in: Andrason A., Aikhenvald A. (eds.), The Rise and Fall of Serial Verb Constructions. Special Issue of Selected Papers in Linguistics PLUS. – Stellenbosch, 2022a. – PP. 37–54.
8. *Weiss D.* Mirative ‘take and do’ constructions in Russian. The impact of negation, in: Iomdin L., Miličević J., Polguère A. (eds.), Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday. – Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 101, 2022b. – PP. 443–453.
9. *Кор-Шахин И.* О возможном пути грамматикализации русского *взять*. // *Russian Linguistics*, 2007. – СС. 231–248.
10. *Мельчук И.* Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ² [и Y-нуть]. – Неопубл. 2023.
11. *Стойнова Н.* Конструкция *взять* и *сделать* в русском языке. // Дудчук Ф., Ивлиева Н. Подобряев А. (ред.), Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. – М., 2007. – СС. 144–171.
12. *Ушаков Д.* Толковый словарь русского языка. Т. 1. – М., 1935.

ОБ ОБЪЕМЕ ПОНЯТИЯ ИНФИНТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Михаил Яковлевич Дымарский

dym2005@list.ru

Д.ф.н., профессор

Профессор кафедры русского языка

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;

ст. научный сотрудник отдела теории грамматики

Институт лингвистических исследований

Российская академия наук

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Некоторые инфинитивные конструкции, которые обычно трактуют как инфинитивные предложения, на самом деле таковыми не являются: инфинитив темы, инфинитивная группа в роли подлежащего или сказуемого при эlimинированном втором главном члене, инфинитивная группа в роли приложения к местоименному актанту. К ИП примыкает "лирическое" ИП, в котором позиция дативного субъекта закрыта, но субъект, тем не менее, однозначно задан жанром.

Ключевые слова: инфинитивное предложение, инфинитив темы, инфинитивная группа, "инфчинитивное письмо", "лирическое" инфинитивное предложение.

ON THE SCOPE OF THE CONCEPT OF AN INFINITIVE CLAUSE

Mikhail Dymarsky

dym2005@list.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor

Professor at the Department of the Russian Language

Herzen State Pedagogical University of Russia;

Senior Researcher at the Department of the Theory of Grammar

Institute for Linguistic Studies

Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

Abstract. Some infinitive constructions, which are usually treated as infinitive clauses, in fact are not such: topic infinitive, the infinitive group as a subject or predicate

with the second main part of the sentence eliminated, the infinitive group as an apposition to the pronominal actant. The "lyrical" infinitive clause is adjacent to the "true" one, in which the position of the dative subject is closed, but the subject, nevertheless, is unambiguously specified by the genre.

Keywords: infinitive clause, topic infinitive, infinitive group, "infinitive writing", "lyrical" infinitive clause.

Цель работы состоит в уточнении круга конструкций, квалифицируемых в качестве инфинитивного предложения (*ИП*). Обязательными признаками ИП считают 1) независимый инфинитив в роли главного члена, 2) представленность субъекта формой дательного падежа существительного или местоимения. Однако о втором признаке иногда упоминают, ср. [9: 373; 7: 104], а иногда нет, ср. [1: 167]. Наиболее полная характеристика: "субъект может выражаться формой дательного падежа: *Тебе дежурить*; может быть понятен из ситуации: *Встать!* (требование к присутствующим); может иметь обобщенное значение: *Как варить грибной суп (рецепт)*" [8: 82–83].

Упоминание о субъекте при характеристике ИП обязательно. Еще в классической работе, заложившей основы систематического изучения ИП, выражению субъекта действия в ИП был посвящен особый параграф, где указывалось на то, что "значение субъекта в инфинитивном предложении... связано с присущим последнему модальным значением долженствования" [10: 263]. Это можно сформулировать в виде более сильного тезиса: предикативное значение ИП, в котором ведущую роль играет модальность, возникает только при условии наличия субъекта и ясной соотнесенности с ним действия / состояния, обозначаемого инфинитивом. Неназванность субъекта может означать или 1) его совпадение с говорящим, или 2) его совпадение с адресатом, или 3) его обобщенность. Второй и третий случаи проиллюстрированы выше в цитате из курса лекций Г.И. Кустовой, первый же может быть проиллюстрирован примером, приведенным в [7: 107]:

(1) *Отложена дузль. От переспелой вишни
на пальцах алый сок. В ту пору без труда
ссужали время мне – но амба, годы вышли,
платить или бежать. Еще бы знать куда* (Б. Кенжеев).

В этих трех случаях отсутствие лексически выраженного субъекта не означает отсутствия открытой для него позиции: в ИП такая позиция обязательна; если же обнаружить ее невозможно, то перед нами не ИП.

Недостатком существующих в учебной литературе описаний ИП является отсутствие упоминаний о явлениях, почти неотличимых от ИП и регулярно воспринимаемых именно в этом качестве, в том числе и потому, что наличие открытой позиции для дативного субъекта не рассматривается в качестве обязательного критерия. Ниже, оставляя в стороне вопрос о принадлежности к ИП некоторых типов

придаточных, рассмотрим случаи самостоятельных предложений (или явлений, похожих на них), которые ошибочно характеризуются как ИП.

В раздел "Инфинитивные предложения" Грамматики-54, в отличие от статьи того же автора [10], была введена небольшая глава "Инфинитивно-назывные предложения", в которой описаны "предложения, которые содержат в себе название какого-либо действия и выраженную интонацией оценку действия со стороны говорящего" [2: 54]. Подчеркиваются – в качестве специфических особенностей – обязательная для них восклицательная интонация и отсутствие значений долженствования или необходимости [2: 55], но ничего не говорится о субъекте.

Характеристика "инфинитивно-назывных предложений" противоречива. Верно, что инфинитив используется в этих конструкциях в номинативной функции. Но это означает, что он не обладает предикативной функцией; следовательно, это не предложения. Из 16 приводимых в этой главе примеров лишь один отвечает исходному определению ИП (см. о нем ниже). Среди остальных 15 примеров можно выделить следующие явления (ограниченный объем статьи вынуждает приводить только по одному примеру).

1. Инфинитив темы. Инфинитивная группа называет тему ряда высказываний – как предшествующих, так и последующих:

(2) [София] *Шутить! и век шутить!* Как вас на это станет? (Гриб., Горе от ума, д. III, явл. 1).

Как именительный темы не является номинативным предложением, так и инфинитив темы не является ИП. Это один из тех случаев, когда модель высказывания не опирается на предикативную структуру, что не мешает ей успешно выполнять коммуникативную функцию (подробнее см. [3; 4]), но не позволяет называть ее предложением в грамматическом смысле.

Инфинитив темы отличается от именительного темы двумя чертами. Первая – ярко выраженная экспрессивность (ср. упомянутое выше указание К.А. Тимофеева на особое интонационное оформление "инфинитивно-назывных предложений"). Вторая – способность не только к катафорическому, но и к анафорическому функционированию: инфинитив темы может служить своеобразным резюме левого контекста.

2. Инфинитивная группа в роли подлежащего при опущенном оценочном сказуемом:

(3) [Ольга] Куда ты? [Маша] Домой. [Ирина] Странно... [Тузенбах] Уходить с именин! (Чех., Три сестры, д. I)

Реплика Тузенбаха дублирует по смыслу и дополняет грамматически предшествующую реплику Ирины. Тем не менее, будучи самостоятельным высказыванием другого говорящего, она не может рассматриваться как парцеллированный компонент; она должна быть интерпретирована как неполное предложение с подлежащим – инфинитивной конструкцией и опущенным сказуемым, которое уже

произнесено Ириной. Непременный признак опущенного сказуемого – выраженное оценочное значение. Именно в силу очевидности оценки соответствующий предикат регулярно опускается; но элиминация сказуемого еще не причина для квалификации оставшейся инфинитивной группы с номинативной функцией в качестве единственного главного члена ИП.

3. Инфинитивная группа в роли сказуемого при опущенном подлежащем:

(4) – *Черт меня дернул, – шептал он сквозь зубы, – съездить к этому помешику! Вот пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!..* (Тург., Рудин, VIII)

Инфинитивная группа здесь служит сказуемым к опущенному, в силу названности в предыдущем предложении, подлежащему: *Ездить к этому помешику – только на дерзости напрашиваться*. Очевидно, что выделенная конструкция вне контекста теряет осмысленность, а это, как известно, первый признак неполного предложения.

4. Инфинитивная группа в роли приложения к именному актанту:

(5) [Арбенин] *Возможно ли! Меня продать! Меня за поцелуй глупца...* (Лерм., Маскарад, д. III, сцена 2)

Здесь мастерски передан ступенчатый характер синтаксического развертывания со способствующим ему повтором-зацепкой, свойственный импульсивной спонтанной речи. Конструкция развертывается как бы толчками, и каждый ее сегмент не завершен ни коммуникативно, ни грамматически. Представлять этот фрагмент как парцеллированное предложение *Возможно ли меня продать за поцелуй глупца* нельзя. Этому препятствуют не только повтор меня, но и резкое искажение смысла: при таком представлении реплика, выражающая негодующее отрижение подобной "возможности", превращается в вопрос о наличии этой возможности, а вопрос опирается на пресуппозицию существования, – но именно это, с точки зрения Арбенина, категорически исключено.

Однако, раз перед нами цепочка коммуникативных фрагментов, ни один из которых как самостоятельное высказывание функционировать не может, реконструкция все-таки требуется – только не столь прямолинейная. Более близким к смыслу текста представляется такой вариант:

(5.1) *Возможно ли такое – меня продать [, да еще вдобавок] за поцелуй глупца...*

В этом случае инфинитивная группа оказывается в роли приложения к восстанавливаемому подлежащему *такое*.

5. "Инфинитивное письмо". Понятие ИП оказалось столь привлекательным, а гипнотическая сила инфинитива столь действенной, что в качестве ИП, начиная с Грамматики-54, стали описывать и явления другой природы: имеется в виду понятие "инфинитивного письма", предложенное А.К. Жолковским [5; 6]. В этом,

безусловно, сыграло свою роль и сходство до степени смешения, возникающее в силу регулярного отсутствия в "поверхностной структуре" подлинных ИП дативного субъекта.

Остановимся на двух принципиально различных случаях "инфinitивного письма".

5.1. Двусоставная конструкция с элиминированным сказуемым. Примером может служить знаменитое стихотворение:

(6) Грешить бессстыдно, непробудно,

Счет потерять ночам и дням

<...>

И на перины пуховые

В тяжелом завалиться сне...

Да, и такой, моя Россия,

Ты всех краев дороже мне. (А. Блок)

В сущности, это почти тот же случай, что и описанный в п. 2. Здесь в длинном ряду инфинитивных конструкций также отсутствует возможность восстановить дативный субъект, и это не лирический субъект (он появляется только в последнем двустишии, которое является двусоставным предложением). Модальное значение в инфинитивных конструкциях не прочитывается: есть ярко выраженная оценочность, но это не модальность. При этом, в отличие от конструкций, описанных в п. 2, опущенное сказуемое при ряде инфинитивных подлежащих не является оценочным. Факт же наличия этого подразумеваемого сказуемого ясен из смыслового "провала", возникающего между всем текстом стихотворения и финальным двустишием. До него ни о России, ни о том, какая она, в тексте нет ни слова. Фрагмент *и такой, моя Россия* заставляет читателя искать ответ на вопрос, о какой России идет речь, – и, поскольку ничего другого не дано, отождествлять ряд инфинитивных конструкций с "такой Россией". Это равнозначно восстановлению сказуемого: * ...*И на перины пуховые в тяжелом завалиться сне – всё это тоже Россия*. Смысловой континуум сохраняет целостность только при том условии, что читатель совершает эту операцию. Таким образом, инфинитивные группы, составляющие основной текст стихотворения, не являются ИП, так как лишены позиции дативного субъекта и модального значения и выполняют функцию подлежащего при элиминированном сказуемом, которое восстанавливается путем запрограммированной автором читательской инференции.

5.2. Подлинные (но "лирические") ИП.

(7) Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит.

*Достать пролетку. За шесть гравен,
Чрез благовест, через клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернит и слез.* (Б.Л. Пастернак)

В отсутствие частиц восстановление дативного субъекта в выделенных конструкциях невозможно или, во всяком случае, сомнительно. Но отказывать им на этом основании в статусе ИП не стоит: ведь перед нами лирическое произведение, тема которого – творчество, поэтому субъект всех действий, названных инфинитивами, очевиден, дан по умолчанию. В силу этого и модальное значение этих конструкций прочитывается вполне определенно: это желательность в степени автоимперативности. И это отнюдь не "медитация об альтернативном жизненном пути", как трактует – с оговоркой о предварительности – "семантический ореол инфинитивного письма" А.К. Жолковский [5: 188].

Таким образом, при жанровой заданности субъекта, компенсирующей невозможность (проблематичность) восстановления дательного субъекта, и определенности модального значения конструкция может быть признана ИП, так как основные признаки ИП присутствуют. В качестве дополнительных примеров (число которых легко умножить) можно назвать стихотворения Саши Черного "Два желания" и Анны Ахматовой "Просыпаться на рассвете...".

В заключение повторим, что инфинитивным предложением в грамматическом смысле может быть признана только такая конструкция, в которой, помимо выраженности единственного главного члена независимым инфинитивом, 1) открыта позиция для дативного субъекта; 2) прочитывается ясное модальное значение. К ИП примыкает "лирическое" ИП, в котором позиция дативного субъекта закрыта, но субъект, тем не менее, однозначно задан жанром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учеб для вузов. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
2. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 2. – М.: Изд-во АН ССР, 1954. – 446 с.
3. Дымарский М.Я. Высказывание и коммуникативность. // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: Колл. моногр. / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – СС. 292–332.
4. Дымарский М.Я. Понятие вокативного предложения в концепции А.А. Шахматова и в современных синтаксических теориях. // М-лы Междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. акад. А.А. Шахматова / Отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемыхцева; Ин-т лингв. исследований РАН. – СПб.: Нестор-История, 2014. – СС. 117–118.

5. Жолковский А.К. Бродский и инфинитивное письмо. Материалы к теме. // Новое литературное обозрение, 2000. – № 45. – СС. 187–198.
6. Жолковский А.К. К проблеме инфинитивной поэзии (Об интертекстуальном фоне "Устроиться на автобазу..." С. Гандлевского). // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2002. – № 61 (1). – СС. 34–42.
7. Ильенко С.Г., Дымарский М.Я., Мартынова И.А., Столярова И.В. Современный русский язык. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. С.Г. Ильенко; отв. ред. М.Я. Дымарский. – М.: Юрайт, 2018. – 391 с.
8. Кустова Г.И. Синтаксис современного русского языка: курс лекций. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 294 с.
9. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
10. Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. акад. В.В. Виноградова. – М.: Учпедгиз, 1950. – СС. 257–301.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДВУЛИКОСТИ "Я" И ЕГО ПЕРЕНОСНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ¹

Сурен Тигранович Золян
suren.zolyan@gmail.com

Д.ф.н., профессор
Профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации
Институт гуманитарных наук
Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван, Армения;
профессор Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет им. Им. Канта
Калининград, Россия

Аннотация. Рассматривается семантика местоимения "Я"; показана двойственная, или двухкомпонентная, семантика, описывающая говорящего как субъекта речи (высказывания) и как субъекта предложения. Это разграничение между перформативным и дескриптивным употреблением Я, на основе чего осуществляются семиотически различные операции само- и ино-референции. Показано, что возможно разъединение этих компонентов, что приводит к многозначности и их переносному (метафорическому) употреблению.

Ключевые слова: местоимение "Я", само- и ино-референция, перформативное и дескриптивное употребление, В.В. Виноградов.

ON SEMANTIC DUALITY OF THE PRONOUN "I" AND ITS FIGURATIVE USAGE

Suren Zolyan
suren.zolyan@gmail.com

Doctor of Philological Sciences, Professor
Professor at the Department of the Russian Language and Professional Communication
Institute of Humanities
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia;
Professor at the Institute of Humanities

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект 22-18-00591.

Abstract. We consider the semantics of the pronoun I and demonstrate its dual, or two-component characteristics, as it refers both to a subject of an utterance and a subject of a sentence. This is the distinction between the performative and descriptive use of the Self, on the basis of which semiotically different operations of self- and other-reference are carried out. It is shown that it is possible to separate these components, which leads to ambiguity and their figurative (metaphorical) use.

Keywords: pronoun "I", self- and other-reference, performative and descriptive use, V.V. Vinogradov.

1. В настоящей статье мы попытаемся развить ранее изложенные положения о двойственной семантике местоимения "Я", которая может одновременно выступать и как субъект самоописания, и как объект иноописания [3]. Это дополняет и уточняет принятую концепцию об однозначности местоимения "Я". Применительно к его семантике утвердилась точка зрения, с предельной четкостью выраженная Эмилем Бенвенистом: "Тот есть "ego", кто говорит "ego" [1: 294]. В силу этого, как было отмечено еще В.В. Виноградовым, "с грамматической точки зрения наиболее устойчива и наименее многозначна форма 1-го лица единственного числа как форма субъекта речи" [2: 337]. Но он же и оговаривал: "Правда, в некоторых случаях возможно экспрессивное замещение формы 1-го лица формой 3-го лица, когда субъект характеризует себя со стороны как постороннее лицо" [2: 337]. Тем самым В.В. Виноградов предусматривал возможность для говорящего не только само-референции, но и ино-референции (в его терминах – небуквального или переносного употребления). Эти фрагментарно высказанные идеи В.В. Виноградова можно дополнить и развить в свете современных логико-семантических теорий. Прежде всего, следует основываться на разграничении перформативов и констативов (терминологически предпочтительнее говорить о перформативном и дескриптивном модусе употребления).

2. Вопреки формуле Бенвениста, говорящий может обозначать себя и иным, чем местоимение я, способом. Так, весьма распространено мы или говорение о себе в третьем лице, когда используется имя собственное. С другой стороны, "Я" может обозначать не реального говорящего, а некоторого воображаемого индивида (ср.: "Я убит подо Ржевом", А. Твардовский; "То, что я сейчас говорю, говорю не я", О. Мандельштам). Сам Бенвенист считал нужным оговорить: "Определение может быть уточнено следующим образом: я – это тот индивид, который производит речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я" [1: 287]. Как видим, в этом определении фигурируют уже два Я: Я – производящий языковой акт индивид и Я – результат производства языковой формы. Как правило, эти "Я" кореферентны.

Однако само раздвоение делает возможными ситуации, когда эти "Я" рассогласовываются: "Я"-индивидуид выражается отличной от "Я"-местоимения формой, а форма "Я" отсылает не к говорящему, а к другой языковой форме (например, "Я"-рассказчик, "Я"-лирический герой, "Я"-обобщенный говорящий, и т.п.). Тем самым становится очевидным, что возможность ино-референции заложена и в семантике самого местоимения "Я", и для этого не требуется его замена на формы третьего лица или имя собственное. Местоимение "Я" является многозначным, одновременно обозначая как субъекта речи, так и того же субъекта, описывающего себя со стороны как *постороннее лицо* (если воспользоваться словами В.В. Виноградова). Вместе с тем возможные транспозиции (обозначение говорящим себя посредством второго или третьего лица, делегирование функций говорящего иному реальному или вымышленному субъекту, модальные трансформации и т.п.) могут нарушать эту спаянность, и тогда двуликая, но единая семантика "Я" расщепляется. В целом возможны два случая. Один из них условно может считаться проявлением синонимии (один и тот же говорящий обозначается посредством двух различных форм: например, как то часто встречалось в выступлениях последнего президента СССР – Я и *Михаил Сергеевич*). Второй случай есть проявление омонимии, поскольку местоимение "Я" относится к различным индивидам или же – в альтернативной версии модальной семантике, к одному и тому же индивиду, но в альтернативных мирах (Если бы я был Макроном, то я бы жил в Париже).

3. Ю.С. Степановым было предложено описывать взаимоотношения между "я" и "ты" как операцию метафоры: это "передвижения слова "я" на другую субстанцию, которая станет Я только в одном, не субстанциональном, отношении – в том отношении, что займет мое место в акте речи" [4: 228]. Различие между перформативным "Я", говорящим, и "Я"-дескриптивным, обозначающим говорящего, также можно трактовать как разграничение формы и субстанции. К таким случаям можно отнести модальные контексты, например "Я мог быть сейчас в Питере" – говорящий как субстанция находится здесь, тогда как описываемый субъект предложения находится в Питере.

Как другое проявление метафоры, можно рассматривать и герменевтические практики наложения на текст двух авторов; в предельных случаях это, с одной стороны, "Я"-автор текста, с другой – "Я"-читатель, "я"-текста.

Насколько причудливыми могут быть отношения референции "Я" в модальных контекстах, свидетельствует пушкинский фрагмент "Когда б я был царь", в котором Я-Пушкин в пределах одного предложения переносится на Я – царь Александр, а Пушкин занимает позицию Ты: *Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: "Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи"*. Заметим, что в подобных модальных перемещениях определяющим оказывается фактор перформативного говорящего, относительно которого происходит согласование сказуемых. Перформативное "Я", даже будучи невыраженным, подчиняет

себе предикат предложения. Так, в русском языке очевидно, что говорящий, даже идентифицируя себя с лицом противоположного пола, сохраняет свой оригинальный пол (точнее, грамматический род). Так, говорящий-мужчина должен употребить *Если бы был Мишель Обама, я бы жил в Белом Доме*, тогда как говорящий-женщина должна употребить *Если бы была Барак Обама, я бы жила в Белом Доме*. Так, Анна Каренина, представляя себя в образе Каренина, говорит о гипотетической себе-как-Каренине в женском роде, тогда как говоря о ком-нибудь-как-Каренине – в мужском, при этом о реальной самой себе говорит и в первом и в третьем лице². Безусловно, это тот перформативный говорящий, которому приписывается высказывание, а не его реальный автор: высказывания Татьяны Лариной о себе – *Онегин, я была моложе* – оформляются в женском роде, хотя их реальный автор – Пушкин.

Обратная ситуация имеет место при употреблении возвратного местоимения *себя*, поскольку "оно может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действий или состояний, выраженных в слове, "подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение" [2: 272]. Поэтому местоимения "меня", "мне" появляются в предложениях, где субъект говорения, тот, кто говорит, не является субъектом предложения, – тем, о ком говорится: (*Я говорю:*) *Он обманул меня*, в противном случае используется *себя* (*Я говорю:*) *Я обманул себя*.

Поскольку перформативное "Я" – это не столько физическая субстанция, сколько социальная, то она определяется набором полномочий и контекстуальных характеристик, существенных для успешной реализации речевого акта (я-говорящий, выступающий как судья, священник и т.п.). Так, высказывание "Я осуждаю" будет иметь различную силу, если произносящий его судья высказывает его в официальной или семейной обстановке. Поэтому возможно и иное направление транспозиции – когда уточняется, какому именно перформативному "Я" кореферентно "Я" дескриптивное. Вследствие этого при уникальности говорящего перформативное "Я" также может быть многозначно: один и тот же физический говорящий может выступать в различных перформативных ипостасях³. Поэтому возможны неоднозначные отношения между "Я"-актуальным говорящим и перформативным "Я"

² Ср.: "О, если бы я была на его месте, если бы кто-нибудь был на его месте, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую, как я, а не говорила бы: *ma chère, Anna*" (Л. Толстой. Анна Каренина. Часть 4, гл.3). Это противопоставление оказывается утраченным при переводах на языки, в которых отсутствует грамматический род. Ср.: "Oh, if I'd been in his place, I'd long ago have killed, have torn to pieces a wife like me. I wouldn't have said, 'Anna, ma chere'!" (пер. Constance Garnett); "Եթէ ես լինեի նրա տեղը, վաղուց կապանեի, կափառակոնեի, կոռոր-կոռոր կանեի պայմանի կնոջը, որպիսին ես եմ, այլ ոչ թե ասեի. դու, *ma chere*." (пер. Ваана Тер-Аракеляна). В обоих переводах опущено: "если бы кто-нибудь был на его месте".

³ Ср.: "1880 год, министр внутренних дел граф Лорис-Меликов вызвал к себе торговцев хлебом в связи с ростом цен на оный. Выслушав их аргументы о засухе, удорожании ржи и пшеницы, жалобы на дорогоизну кредита и складов и отчасти согласившись с ними, граф напомнил, что он не только министр, но и шеф жандармов. На следующий день в газетах начали появляться сообщения о снижении цен". <https://www.kommersant.ru/doc/2664511>; дата доступа: 23.03.2023.

высказывания в различных семиотических статусах, предполагающих различный объем полномочий и ответственности.

Еще одним проявлением метафорического переноса местоименного значения является замена дескриптивного "Я", взгляда на самого себя со стороны, формами второго и третьего лица. И Виноградов, и Бенвенист особо отмечали легкость, при которой "Я"-дескриптивное выражается формами второго лица⁴. В этом случае "Я"-говорящий описывает себя с точки зрения своего актуального или потенциального собеседника. Следует отметить, что при таком употреблении транспозиция предполагает отсылку к чужому высказыванию. Например: (*Я, Сурен, говорю*): *Они набедокурят, а я/ты отвечай*. В случае использования *ты* очевиден цитатный характер высказывания (*кто-то скажет мне: отвечай*), что не столь явно при употреблении первого лица. Примечательно, что в случае замены на третье лицо требуется индивидуализация: (*Я, Сурен, говорю*): *Они набедокурят, а я/Сурен отвечай – "я" может быть заменено на имя собственное, но не на местоимение "Он"*. Правда, В.В. Виноградов обнаружил уникальный пример такой замены Л. Толстого в "Войне и мире": *"Это удивительно, как я умна, и как... она мила"*, – продолжала она <Наташа Ростова>, говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина" [2: 377]. Однако такие случаи не только крайне редки, но и, как показывает приведенный пример, для адекватного понимания требуют особого пояснения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове), 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986.
3. Золян С.Т. Местоимение "я": механизм само- и ино-описания. – Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, 2023. – № 2. – СС. 26–39.
4. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985.

⁴ Ср.: "Ближайшим переносным значением формы 2-го лица, прежде всего, естественно, связываемой с представлением о конкретном единичном собеседнике, является применение ее к самому говорящему лицу как к потенциальному представителю любого собеседника. При таком употреблении формы 2-го лица собеседник становится в положение самого говорящего лица" [2: 374].

НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Владимир Ильич Карасик

vkarasik@yandex.ru

Д.ф.н., профессор

Профессор кафедры общего и русского языкоznания

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются избегаемые модели коммуникативного поведения, к числу которых в современной России относятся избегание патетичности, скромно-уважительного поведения и увлеченностии трудом или учебой. Эти социальные запреты в значительной мере локализованы в молодежном поведении и обусловлены глобализационными процессами в массовой культуре.

Ключевые слова: русская лингвокультура, коммуникативное поведение, ценности, табу.

NEW COMMUNICATIVE TABOOS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE

Vladimir Karasik

vkarasik@yandex.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor

Professor at the Department of General and Russian Linguistics

Pushkin State Russian Language Institute

Moscow, Russia

Abstract. The article examines avoidable patterns of communicative behavior, which in modern Russia include the avoidance of pathos, modest and respectful behavior, and enthusiasm for work or study. These social prohibitions are largely localized in youth behavior and are driven by globalization processes in mass culture.

Keywords: Russian linguistic culture, communicative behavior, values, taboos.

Целью работы является характеристика доминирующих ценностей в современной русской лингвокультуре в их зеркальном отражении – в избегаемых моделях коммуникативного поведения. Эта тематика вписывается в изучение ценностной картины мира, отраженной в языке [1], [2], [3], [4], [5], [6], [8]. Такие избегаемые модели поведения можно назвать коммуникативными стигмами. Они своеобразны для определенного языкового сообщества и определенной эпохи.

В современном общественном мнении под влиянием стереотипов массовой культуры стигматизируются не столько внутренние установки человека, сколько их внешние проявления, которые, впрочем, свидетельствуют о внутренних установках. К числу таких запретов можно отнести следующие: недопустимость патетики, неприемлемость замедленной реакции на события, нежелательность увлеченности работой и учебой. Эти табу объясняются ускорением темпа жизни, стремительным ростом объема информации и общей демократизацией общественных отношений.

Патетика (или пафосность) невозможна на короткой дистанции общения, она выглядит смешно и нелепо в житейской плоскости. В этом плане радикальная ломка романтического мировосприятия привела к тому, что ценностная вертикаль была упразднена. Но если романтик осуждает мещанина в серьезной тональности, иногда в саркастическом ключе, то антиромантик прибегает к иронии и стёбу. Патетика в этом плане представляет собой удобный объект для критики.

К числу осуждаемых моделей коммуникативного поведения относится и замедленная реакция на события. Табуирование такого поведения обусловлено ускорением жизни и общей ориентацией на нормы поведения молодежи с присущей им немедленной искренней эмоциональной реакцией на любой стимул.

Социальное неодобрение увлеченности работой или учебой обусловлено потребительскими гедонистическими установками современного общества. Предполагается, что интерес к работе или учебе оправдан только получением достаточного материального вознаграждения за труд. Те, кто нарушает данный запрет, считаются странными чудаками. Неприязнь к таким чудакам коренится в общей установке антиинтеллектуализма как доминанты массовой культуры.

Патетика – торжественно-возвышенная взволнованность – обычно используется при произнесении речей на больших собраниях. С позиций обиходно-повседневного общения она выглядит неестественно:

Зато когда Царев произносил речи или читал доклады, а это ему как руководителю театра и впоследствии также представителю ВТО приходилось делать нередко, то ходульная патетика лезла наружу (С. Алешин).

Эпитет "ходульная" применительно к патетике акцентирует ее неестественность и высокопарность. В ситуации, связанной с искренними переживаниями, патетика органична, но как только она становится повторяющейся, она воспринимается как нечто внешнее и выглядит нелепо:

Всякая внешняя патетика и напыщенность не уживались с органическим

строем этих стихов (А. Городницкий).

Патетика связана с чрезмерностью:

Когда слава и патетика льются через край – это только унижает женщину (И. Грошек).

Слащавый – любезный до приторности – вызывает неприятное тошнотворное ощущение. В неуместной патетике осуждается ее механистичность, безжизненность:

Красота вянет, патетика остается, а времена меняются: то, что когда-то потрясало в жесте, в интонации, уже не пользуется спросом или становится просто смешным (О. Чехова).

Патетика уместна в пограничных жизненных ситуациях, в остальных случаях она выглядит как позерство.

Говоря о смерти, легко впасть в натурализм – или язык реляций. Патетика сопутствует военной литературе. Куда сильнее чувствуются поэтому случайные образы – тоскливая гравя в сводке: "безвозвратные потери" или знаменитая фраза Пирогова о том, что война – это травматическая эпидемия (В. Березин).

Реакцией на неуместную патетику обычно бывает недоумение или раздражение:

Прозвучало это так пафосно, что Ральф поморщился (М. Петросян).

В наши дни американский стиль поведения в обиходных ситуациях часто считается нормой:

Я стал называть его Арчи, на американский манер. Артур – звучало слишком пафосно и громоздко (Г. Садулаев).

В приведенном примере герой стесняется обратиться к своему знакомому, жителю одной из республик Кавказа, по имени Артур, полагая, что это имя звучит вычурно, и пользуется, как он считает, уменьшительно-ласкательной формой этого имени (кстати, по данным словарей, Арчи – это диминутив от имени Арчибалд). Сомнительно, что адресат разделяет мнение говорящего.

Знаком нашего времени является снижение пафосности общения. О.Б. Сиротинина точно заметила: "Если раньше извинялись за грубость, то теперь извиняются за пафос":

Мне нравится наше молодое поколение, как бы пафосно это не звучало (К. Дорошин).

Говоря кратко и пафосно, Чехова на Сахалин повела его совесть (А. Уборгий).

Чтение стихов – это как будто ты служишь мессу, словно ты священник. Звучит немного пафосно, но это так (В. Никифорович).

Говорящему стыдно признаться, что молодежь ему нравится, и он оправдывается; говоря о путешествии А.П. Чехова на Сахалин, автор извиняется перед читателями за высокую тональность своего повествования; сравнение поэзии с ре-

лигиией, по мнению говорящего, может оттолкнуть от него аудиторию, и поэтому в комментарии он стремится упредить возможную негативную реакцию.

Речь наших современников насыщена ироничными обертонами, предназначенными для сокращения коммуникативной дистанции:

Итак, информационная революция как важнейшее завоевание демократии, о которой так пафосно твердили нам "идеологи реформ", имеет место быть на нашей, затененной в прошлом железным занавесом территории (Т. Петрова).

В приведенном примере видна аллюзия на известную фразу В.И. Ленина *"Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась"*. Иронично звучит в этом контексте сочетание канцеляризма *"имеет место быть"* и выражения *"затененная железным занавесом территория"*, включающего политическое клише.

Говорящий боится, что его воспримут как напыщенного оратора и, говоря о патриотизме, трижды понижает тональность своей речи:

Раз в несколько лет, именно на Олимпиаду, в сознании большинства (звукит очень пафосно, ну и пусть) просыпается такая штука, как патриотизм (Н. Никоренкова).

Сначала журналист извиняется за патетику, затем моделирует метафору *"патриотизм просыпается"* и, наконец, вводит разговорный модификатор *"такая штука"*. Интересен пример, в котором автор стилизованно изъясняется, подражая поэтическому описанию происходящего, предварительно извинившись за патетику:

Я уточню: почему я презирал балеты на льду? Сейчас я пафосно выражаюсь, заранее простите. В любой сфере деятельности, и там, где металлург пробивает летку и оттуда вырывается огненная лава металла, и там, где гончар ногой крутит круг, а в руках у него возникает из куска глины горшок, я стою завороженный их мастерством, их профессионализмом (Н. Бестемьянова).

Сам феномен акцентированного подражания в приведенном примере имеет игровой характер и работает на понижение тональности общения.

Императив *"Не тормози!"* выдвигает на первый план естественность человеческой реакции, требует упразднить внутреннюю цензуру, которая, как правило, ориентирует человека на учет интересов всех участников социального взаимодействия. Концептуализация этого запрета в современной российской лингвокультуре находится в стадии формирования, еще нет универба, с помощью которого можно было бы выразить стигматизируемое поведение: нельзя медлить, выражая свое отношение к чему-либо, нельзя показывать, что ты обдумываешь свое поведение и контролируешь себя, нельзя вести себя с оглядкой на кого-либо. В известной мере табуирование внутренней цензуры соответствует табуированию патетики, поскольку и то, и другое связано с естественностью поведения. Общение происходит на подчеркнуто дружеской дистанции, здесь ценится моментальная реакция, эмоци-

ональный отклик, а не взвешенная отредактированная позиция. Разумеется, соответствующий концепт имеет яркую специфику у представителей разных групп населения: наиболее значим возрастной признак, но существенным является также и образовательный статус носителя культуры. Скорость реакции – характерное свойство молодости, и знаком нашего времени является ювенильность как норма поведения всего населения. Возможно, именно поэтому взвешенная сосредоточенная реакция рассматривается как показатель старости. Ценился эмоциональный всплеск и веселье:

С визгом и ревом порядок: нас не догонишь, не тормози – сникерсни и все такое (А. Гусев).

Приведена фраза из рекламного ролика о шоколадках "Сникерс": "*Не тормози – сникерсни*" (интересна контаминация смыслов в исходных омонимичных английских словах: *snicker* – тихий смех или ржание, но *snick* – делать надрезы, *a snikersnee* – большой боевой нож). Молодость ассоциируется с шумом, визгом и ревом. Цитируется название фильма, связанное со строчкой из песни российского поп-дуэта "Тату" "Нас не догонят".

Прототипным престижным поведением становится напористость, энергичность, драйв (англ. *drive* – вести, гнать, в производном смысле – манера энергичного музыкального исполнения), это выражено жаргонизмом "зажигать":

Он боится, что я там буду зажигать со всеми.

Речь идет об активном поведении, привлекающем к себе внимание всех. Соответственно, стремление быть в тени, вести себя тихо и скромно считается показателем забитости:

...он какой-то скромный слишком. Такой забитый / молчаливый какой-то. Как его зовут?

Этот кульп создали и развили потому / что народ забитый был.

Прилагательное "забитый" – доведенный до отупения, запуганный или крайне робкий (о человеке) (БТС) – характеризует тех, кто не может проявить свою активность. Оценка сводится к дихотомии "*крутой – забитый*". Крутой – сильный, смелый, уверенный в себе; вызывающий восхищение. Показательны синонимы слова "забитый": запуганный, загнанный, задавленный, затурканный, несчастный; пришибленный, заклеванный, приниженный, захлестанный, измученный, затравленный, сырый, затюканный, *пикнуть не смеет*. Скромное поведение уместно в ситуации, предполагающей участие в ней разных по статусу людей. Странно и неестественно вести себя скромно на дискотеке или в молодежной тусовке. Но соответственно отказ от демонстрации уважительно скромного поведения в любой ситуации предполагает упразднение социальной вертикали.

В традиционном русском сознании дерзкое нескромное поведение безоговорочно осуждается. В отличие, например, от английской лингвокультуры, в которой осуждается не столько неуважительность, сколько ее демонстрация (крити-

куется грубость), нормы русского мировосприятия предписывают иметь уважение в душе к другим людям, и поэтому детально обозначаются типы неуважения – от легкого веселого нахальства до бессовестной наглости и циничного хамства. Сравним:

Кто он – нахал, обычный уличный приставала, знакомящийся со всеми подряд исходя из того, что одна из десяти согласится...? (О. Зуева).

Когда я отчитывала его за плохую учебу в первой четверти, нагло смотрел на часы, чтобы заметить, сколько времени я говорю (А. Терехов).

Вместо этого ведут себя по-хамски, зубоскалят, плюются, обмениваются циничными шуточками в твой адрес (Ф. Чернин).

В приведенных примерах показаны типичные ситуации дерзкого и неуважительного поведения: развязное приставание к девушке, неуважительное отношение к учителю, насмешливо циничное и агрессивное поведение тех, кто считает, что им не окажут сопротивления.

В наши дни эта оценочная ситуация меняется. Предпринимаются попытки радикально трансформировать отношение к дерзкому бесстыдному поведению. Появился журнал для мужчин под названием "Нахал", и редактор следующим образом внедряет в сознание своих читателей новую ценность:

Для многих нахал – это грубый и циничный наглец, которому наплевать на окружающих, который живет по своим правилам и не чтит никаких законов и общественных порядков. Мы немного отходим от этого понятия и создаем своего "нахала" – достойного мужчину, который элегантен и умен, держит слово и всегда готов постоять за себя и за своих близких. Для нас нахал – это джентльмен, благородный и воспитанный парень. Он душа компаний на шумных посиделках, с ним приятно провести время наедине, он хорошо воспитан и отзывчив. Нахал прежде всего настоящий мужчина. Да, где-то он дерзок и груб, но за счет этого он выигрывает и имеет превосходство над другими. В современном мире трудно увидеть разницу полов, между мужчиной и женщиной почти стерлись границы: девушки овладевают мужскими профессиями, в то время как у мужчин происходит процесс феминизации. Иными словами, многие мужчины в глазах женщин – это тряпки и сопляки, которые не держат слово и не могут постоять за себя, не говоря уже о том, чтобы защитить девушку. Социальная функция журнала состоит в том, что воспитать в молодых людях настоящего мужчину, сформировать тот стержень, на котором будет крепиться его характер. Нахал – это обобщенное понятие наглого и успешного мужчины, который всего добивается сам путем самосовершенствования и работы над собой. Это не хулиган и хам, это достойный и уважающий себя мужчина. Настоящий мужчина (<http://nahalmag.ru>).

В приведенном тексте открыто выражена система ценностей состязательного общества: мужчина должен быть сильным, дерзким, грубым и непременно успешным. Нельзя быть размазней. В обществе коллективистов такая установка

осуждается: увеличение свободы для себя неизбежно связано с уменьшением свободы для других. Индивидуалистическая ориентация поведения направлена на продвижение к поставленной цели любой ценой. Человек, не способный на наглый поступок, рискует потерпеть фиаско и стать в итоге неудачником, лузером. Обратим внимание на гендерную специфику мужского поведения. Границы воспитанности определяются сферой досуга: с нахалом приятно проводить свободное время. А эта сфера бытия является для сторонника рассматриваемой системы ценности определяющей. Соответственно, осуждение нахальства есть осуждение антигедонизма. Заметим, что тональность такого осуждения различна: коллективист осуждает гедониста, гедонист смеется над коллективистом. Если суммировать разные формы проявления того поведения, которое табуируется в современной молодежной культуре (избыточный эмоциональный самоконтроль, замедленная реакция, неуверенность в себе), то перед нами модифицированный концепт "кrotost'", лишенный религиозно-духовного содержания. Слово "кrotkij" tolkuetsya как "преисполненный покорности, незлобивости, смирения" (Ефремова). Такая динамика ценностей объясняется активным вторжением норм американского поведения в русскую культуру.

Эпоха потребления существенным образом изменила соотношение значимости труда / учёбы и отдыха в жизни людей. Разумеется, в любой системе ценностей признается необходимость трудиться и констатируется, что отдохнуть тоже нужно. Специфика эпохи и социального статуса людей проявляется в том, какие виды трудовой деятельности и досуга считаются престижными и непрестижными в обществе. Существенным является также акцент на общественной значимости труда либо на его материальных результатах для работника. Так, например, в царской России престижной для аристократии была военная служба, а творческие занятия (например, литература) рассматривались как хобби ("soчинительство"). Подобного рода иерархия видов деятельности свойственна и другим социальным группам: в России крестьяне считали рыбалку несерьезным делом. Заслуживает внимание выражение "*гореть на работе*" – отдавать все силы без остатка своему делу, распространенное в советскую эпоху:

В советские времена считалось почетным "гореть на работе" (Б. Грищенко).

Выдвижение на первый план вознаграждения за труд стало отличительным признаком трансформации ценностей в нашей стране:

Можно было работать очень много и получать значительно меньше, чем ты заслуживаешь, но можно было и получать вполне приличную зарплату, а при этом отнюдь не "гореть на работе" (Е. Ясин, Б. Кагарлицкий).

В наши дни показателем социального успеха в значительной мере являются деньги, поэтому престиж той или иной профессии измеряется суммой получаемых денег, и отдых в знаковом плане соотносится с затратами на него (например,

эмблематически противопоставляются работа государственных служащих и бюджетников, отдых за Волгой или на Канарах). Фиксированная оплата труда соотносится с низким заработком:

Все работающие по тарифной сетке / это все нищие люди.

При этом незаконно и несправедливо полученный доход и в наши дни оценивается критически:

Все "при бабках". Все "крутят", наваривают как могут. В общем, пытаются жить по возможности счастливо, согласно предложенным нынешней российской действительностью обстоятельствам (А. Синцов).

Обратим внимание на слово "все" в приведенном примере: журналист иронически упрекает население в том, что честных людей среди нас нет, а счастливая жизнь – это обеспеченная жизнь независимо от источника денег.

Если учесть, что при дорожных работах крадут так, как ни в одной другой стройотрасли, то после подобной "очистки" вдохновители и организаторы этой немудреной финансовой операции наварили не менее 300 млн. рублей наличными (А. Чернов).

Нормой является воровство, оценке подлежит только степень воровства. Вместе с тем публицисты считают, что сложившееся отношение к богатству и успеху в его материальном выражении следует менять:

И "демократы", и "патриоты" объясили населению, что все нынешние богатые – воры, а все честные – нищие, что у нас 80 – 90 процентов населения живёт в полной нищете, а 10 процентов "купается в роскоши" (в разделах "криминальная хроника" в самых разных СМИ обычными стали фразы типа: "Вчера на улице Ленина взорван автомобиль предпринимателя Иванова, при этом пострадали два ни в чём не повинных человека"; таким образом, предприниматель считался заведомо виновным). Это приводит к окончательному моральному запрету на успех, который наши СМИ и так уже успешно сформулировали при Ельцине (все богатые – воры, все честные – нищие) (А. Храмчихин).

Ущербность подобной поляризации не вызывает сомнений, но нужно признать, что во многих случаях богатство бывает получено сомнительными средствами, иначе бы в коллективном сознании на протяжении столетий не возникла бы подобная устойчивая корреляция. Эта корреляция, впрочем, прослеживается и в других лингвокультурах, например, *Muck and money go together* – Грязь и деньги идут вместе.

Отношение к труду тесно связано с отношением к знаниям и образованию. В советскую эпоху знания как таковые считались благом. Образовательный уровень населения резко вырос.

Перенос центра тяжести с производства на потребление привел к определенным последствиям: во-первых, стали цениться только те знания, которые приносят практическую пользу, во-вторых, образовательный статус личности приобрел

абстрактно знаковый характер – наличие высшего образования и ученой степени превратилось в формальный знак социального успеха. Те, кто всерьез и искренне увлечен учебой, получили прозвище "ботаники", или "ботаны":

В русском языке появился и даже получил широкое распространение термин "ботан", обозначающий чересчур заинтересованного в знаниях человека (А. Прокудин).

Трудно сказать, почему именно ботаники были выбраны носителями молодежного жаргона в качестве людей, увлеченных знаниями ради знаний. Возможно, образ человека в очках, склонившегося над гербарием, стал воплощением чудака. Я не могу согласиться с мнением тех, кто считает, что своим появлением это жаргонное обозначение, возникшее в 80-х годах XX века, обязано некоторым цитатам из произведений русской классической литературы (А.С. Грибоедов: "Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник"), более вероятна кинематографическая версия (ботаник и энтомолог Паганель у Жюля Верна) (www.skazanul.ru). Важно то, что с определенного времени увлеченность учебой стала рассматриваться как некая аномалия:

Ну, только нормальный народ, не "ботаники", которые, кроме учебы, ничего не знают.

Это касается любой области знания, не имеющей прямой связи с практикой:

Дело в том, что наш общий друг Илия – астроном-любитель. Он вроде бы и не классический ботаник, но тараканов в его голове хватает, целое гнездовище, он программист, и этим все сказано (В. Чеклецов).

В приведенном примере уточняется, что "ботаником" является программист и астроном-любитель. С точки зрения обычных людей, у ботаников есть странности – "*тараканы в голове*". Представляется, что такой оценочный сдвиг в русской молодежной лингвокультуре определенным образом связан с воздействием американской массовой культуры, даже если в данном случае нет калькирования или заимствования концепта: в американском английском есть слово *nerd* – *an unstylish, unattractive, or socially inept person; especially: one slavishly devoted to intellectual or academic pursuits <computer nerds>* (www.merriam-webster.com) – немодный, непривлекательный или необщительный человек, особенно тот, кто болезненно предан интеллектуальным или учебным занятиям, *<компьютерные ботаники>*.

Такие люди образуют легко узнаваемый типаж:

Многие не могли понять, откуда взялся этот сгорбленный ботаник. Огромные очки с толстыми линзами закрывали половину лица, дешевая одежда висела мешком, еще больше прижимая её обладателя к земле.

Нормальный молодой человек, в таком случае, – это спортивный, здоровый, не очень образованный, зато практически сообразительный парень, живущий земными интересами. Известно, что в массовой культуре достаточно распространено

нен образ ученого-маньяка, одержимого идеей истребления человечества (фильм С. Кубрика "Доктор Стрейндлав", героя которого является такой ученый). Напомню, что в американской политической риторике актуальным является контраст "демократический – интеллектуальный". Нужно признать, что интеллектуалы критически относятся к массам. Взаимная антипатия этих групп общества прослеживается и в нашей стране.

Кардинальное изменение отношения к фундаментальности знаний и стабильности мнений отражает постмодернистскую установку на нравственный relativizm. Любая идея и любое мнение имеют право на существование. Нет абсолютных истин. Ценность знания и мнения определяется только их практической значимостью. Соответственно, отсутствие моральных ограничений, свойственное, в частности, карьеризму, становится доминирующим признаком успешного поведения. Показательно объявление: *"Фирме необходимы охранники, агрессивные молодые люди"*. Агрессивность в традиционной культуре однозначно осуждается, поскольку наносит ущерб обществу в целом. В условиях освобождения от моральных норм, предписывающих индивиду соотносить свои цели с целями сообщества, агрессивность становится показателем успешности человека. Такой человек должен уметь быстро и правильно ориентироваться в обстоятельствах. В этом плане фундаментальные знания и стабильные мнения становятся помехой на пути к успеху. Ценятся сугубо ориентационные знания и эластичные мнения. При этом моралист осуждает циника, а циник смеется над моралистом.

Подведем основные итоги.

Ценности – приоритеты поведения – определяются доминирующими установками общества и личности. Цивилизационный сдвиг сопряжен с появлением новых разновидностей социальных табу разной степени жесткости. К числу таких запретов в современной России относятся избегание патетичности, скромно-уважительного поведения и увлеченности трудом или учебой. Эти социальные запреты в значительной мере локализованы в молодежном поведении и обусловлены глобализационными процессами в массовой культуре.

Патетика – торжественно взволнованное поведение в условиях современной коммуникации, стремящейся к максимальному сокращению дистанции между коммуникантами, – воспринимается как фальшивый либо неуместный эмоциональный формат общения. Если говорящий чувствует, что допускает элементы патетической тональности в своих высказываниях, он извиняется либо превращает это в игру.

Табуирование скромно-уважительного поведения выражается в виде запретов на замедленную реакцию, эмоциональный самоконтроль, демонстрацию подчиненности и нежелания идти на конфликт. Нарушение этого табу вызывает насмешливо-аггрессивную реакцию. Соблюдение такого запрета предполагает акцентированную маскулинность в поступках, особенно в речевом поведении.

Социальное неодобрение увлеченности работой или учебой обусловлено потребительскими гедонистическими установками современного общества. Предполагается, что интерес к работе или учебе оправдан только получением достаточного материального вознаграждения за труд. Те, кто нарушает данный запрет, считаются странными чудаками. Неприязнь к таким чудакам коренится в общей установке антиинтеллектуализма как доминанты массовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 331 с.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
3. *Дементьев В.В.* Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – 396 с.
4. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
5. *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
6. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
7. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение народа в теоретическом и методическом аспектах. // Семантико-когнитивные исследования: Сборник статей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2021. – СС. 127–132.
8. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

**РЕКУРСИВНОСТЬ КАК РУДИМЕНТАРНОЕ СВОЙСТВО
УНИВЕРСАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ВО ВСЕХ ЕСТЕСТВЕННЫХ
ЯЗЫКАХ МИРА. СРАВНЕНИЕ ГРАММАТИКИ ЭКЗОТИЧЕСКОГО
ИНКОРПОРИРУЮЩЕГО ЯЗЫКА PIRAHÃ С ФЛЕКТИВНЫМ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ ЯЗЫКОМ (= РУССКИМ)**

Петер Коста

peter.kosta@uni-potsdam.de

Д.ф.н., профессор

Хабилитированный доктор

Профессор кафедры славянского языкознания

Институт славянских языков и литератур

Философский факультет

Потсдамский университет

Потсдам, Германия;

Профессор honoris causa

Российско-Армянский (Славянский) университет

Ереван, Армения

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, является ли рекурсивность одним из инвариантных свойств языковой способности в более узком смысле. Если разделить языковую способность на две области по Хаузеру, Хомскому и Фитчу (2002), а именно: на языковую способность в узком смысле (FLN = Language Faculty in Narrow Sense), которая отвечает за механическое порождение структур из уже существующих структур (т.е. синтаксис в узком смысле слова), и языковую способность в широком смысле (FLB = Language Faculty in Broad Sense), то мы должны рассматривать грамматику любого естественного языка как генератор бесконечных состояний. Именно это подразумевает Н. Хомский под несвязанным и свободным свойством FLN. Две операции, которые делают это возможным, называются MERGE (объединение) и RECURSION (рекурсия).

Мы проанализируем примеры из письменных и устных корпусов русского языка и докажем, что в русском языке, как и во всех других языках мира, существует рекурсия как инвариант универсальной грамматики.

Ключевые слова: рекурсивность, языковая способность (FLN), генератор бесконечных состояний, деривационное наслойение, пираха, встраивание, корпус ОРД/НКРЯ, УВУП.

**RECUSION AS A RUDIMENTARY PROPERTY OF UNIVERSAL
GRAMMAR IN ALL NATURAL LANGUAGES OF THE WORLD.
COMPARISON OF THE GRAMMAR OF THE EXOTIC INCORPORATING
LANGUAGE PIRAHĀ WITH THE INFLECTIONAL INDO-EUROPEAN
LANGUAGE (RUSSIAN)**

Peter Kosta

peter.kosta@uni-potsdam.de

Doctor of Philological Sciences, Professor

Doctor Habilitatus

Professor at the Department of Slavic Linguistics

Institute for Slavic Languages and Literatures

Faculty of Philosophy

University of Potsdam

Potsdam, Germany;

Professor Honoris Causa

Russian-Armenian (Slavonic) University

Yerevan, Armenia

Abstract. The article examines the question of whether **recursion** is one of the invariant properties of linguistic ability in a narrower sense. If we divide the language faculty into two areas according to Hauser, Chomsky and Fitch (2002), namely the faculty of language in the narrow sense (FLN), which is responsible for the mechanical generation of structures from already existing structures (i.e. syntax in the narrow sense of the word), and the language faculty in a broad sense (lexicon, semantics, pragmatics), then we must consider the grammar of any natural language as a generator of infinite states. This is what Chomsky means by the unbound and free property of FLN. The two operations that make this possible are called MERGE and RECUSION. We will analyze examples from written and spoken corpora of the Russian language and prove that in the Russian language, like in all other languages of the world, recursion exists as an invariant of universal grammar.

Keywords: recursion, language faculty in narrow sense (FLN), language faculty in broad sense (FLB), infinite state generator, derivational layering, Pirahā, embedding, ORD/RNC corpus, UVUP.

В данной статье рассмотрен давний спор о том, обладает ли **рекурсия** вида (1) *Дом брата Джона*rudimentарным свойством универсальной грамматики во всех естественных языках мира [3].

В [1] и [2] Дэниел Эверетт оспорил это предположение в серии статей и

книг. Он приводит в качестве контрпримера северный бразильский язык индейцев племени Pirahã/пираха, в котором якобы нет рекурсии, так что сложная притяжательная именная группа выражалась бы как два сочиненных простых предложения, а именно:

(2a) У Джона есть брат.

и

(2б) У брата есть дом.

В этой статье я хотел бы показать, что, во-первых, Дэниел Эверетт не понимал, что такое **рекурсивность** в языке на самом деле в смысле математической модели порождения потенциально бесконечных однотипных фраз на основе простого правила *встраивания*.

Ян-Воутер Цварт¹ утверждает, что рекурсию в языке следует понимать не с точки зрения встраивания, а с точки зрения *деривационного наслонения*. Конструкция является рекурсивной, если часть ее входных данных является выходными данными отдельного деривационного уровня. В этом смысле сложные предложения могут быть получены рекурсивно, но также и итеративно, что позволяет предположить, что стандартные аргументы за или против рекурсии в языке направлены неверно. В более общем смысле мы не можем сказать, что грамматика рекурсивна, если взглянуть только на ее исходные данные; мы должны знать также и о порождающей процедуре. Используя новое определение рекурсии с точки зрения деривационного наслонения, мы приходим к выводу, что грамматика Pirahã является все-таки рекурсивной.

Во-вторых, я хочу показать, что рекурсивность и существующая во всех языках модель формирования предложений – парапаксис/гипотаксис – не имеют ничего общего с рекурсивностью в строгом смысле слова; другими словами, встраивание однотипных фраз и предложений – это лишь часть механизма моделирования бесконечных состояний с помощью ограниченного числа легко усваиваемых правил. С биолингвистической точки зрения – это основная эволюционная характеристика естественных языков, которые имеют тенденцию от простого к сложному, а также от сложных к простым структурным моделям.

В-третьих, я хочу доказать, что приведенные Дэниелом Эвереттом примеры парапаксиса вместо гипотаксиса или сопоставления вместо подчинения существуют во всех языках мира, а также наличие того факта, что и гипотаксис, и парапаксис являются подмножествами рекурсивности.

В статье [5] я сумел показать, что термин "рекурсия", или "рекурсивность", применим не только к само-встраиванию (*self-embedding*) или центральному встраиванию (*central embedding*), но, скорее, к любому виду умножения узла X^0 на сложную фразу XP . X-барная схема из лекций Хомского об Управлении и Связи (*Lectures*

¹ Jan-Wouter Zwart. (2011) Recursion in Language: A Layered-Derivation Approach. In: *Biolinguistics* 5.1–2: 043–056, 2011 ISSN 1450–3417 <http://www.biolinguistics.eu>

Government and Binding, LGB, 1981), является типичным примером рекурсии. У каждой отдельной фразы есть голова X^0 , которая проецирует в верхнюю левую часть определитель (Specifier = SpecXP), а в доминируемую нижнюю правую часть – его дополнение (YP), ср. таблицы 3а и 3б

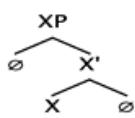

Таблица 3а: Х-БАР схема

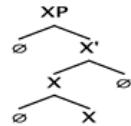

Таблица 3б: Х-БАР схема: адъюнкция
наслоения как вид рекурсивности

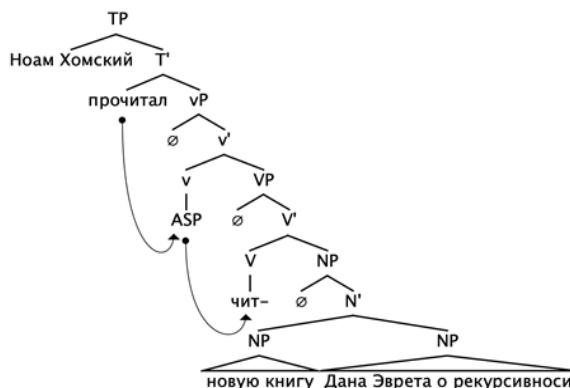

Таблица 4: Пример рекурсивности при апликации операций external and internal Merge (Move) / внешнее и внутреннее объединение (перемещение)

Такое расширение субстантивных, адъективных, глагольных, адвербальных и др. групп возможно только в том случае, если мы предположим и признаем рекурсию как наиболее исконный инструмент синтаксиса естественных языков. Естественность процессов рекурсивности можно охарактеризовать также минималистично, в этом случае рекурсивность отвечает как за быстрое овладения языком, так и за когнитивную обработку. Ребенку остается только усвоить простое правило, согласно которому он на основе уже сформированной структуры формирует одинаковую структуру с разными смысловыми особенностями. Лексикон оснащен

семантико-референтной и грамматико-функциональной информацией, древовидная структура наследует ее от словаря. Ответы на различия между структурами и языками решаются путем предположения параметров, а также различного распределения функций.

В этом смысле я понимаю рекурсию как увеличение существующей исходной структуры, существующей на уровне синтаксиса, морфологии, словообразования и, прежде всего, фонологии и просодии. Этот тип рекурсивности в точности соответствует концепции определения рекурсивности как *деривационного наследия* Яна-Воутера Цвартса (2011).

В своем докладе я представлю доказательства рекурсивности на каждом уровне русской грамматики, сосредоточив внимание на письменных корпусах, на параллельных корпусах, а также на устном корпусе НКРЯ, и на моем собственном корпусе, особенно на корпусе УВУП, который был опубликован в DFG Проекте 2012-2015 годов при участии СПбГУ и шести немецких университетов. Он был записан и транскрибирован под моим руководством в Потсдаме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Everett Daniel*. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another Look at the design features of human language. – Current Anthropology 46, 2005. – PP. 620–646.
2. *Everett Daniel*. Recursion and human thought. Why the Piraha don't have numbers. A talk with Daniel L. Everett. 2007.
3. *Hauser Marc D., Noam Chomsky, and W. Tecumseh Fitch*. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? – Science 298, 2002. – PP. 1569–1579.
4. *Karlsson Fred*. Syntactic recursion and iteration. In: Recursion and Human Language. Herausgegeben von: Harry van der Hulst (Studies in Generative Grammar [SGG] 104). – 2010. – <https://doi.org/10.1515/9783110219258>
5. *Kosta Peter*. Multiple modification in Slavic, Romance and Germanic. In: RGG 2021.03 (Volume 43). – 2021.
6. *Nevins Andrew, David Pesetsky & Cilene Rodrigues*. Pirahã exceptionality: A Reassessment. Language 85, 2009. – PP. 255–404.
7. *Zwart Jan-Wouter*. Recursion in Language: A Layered-Derivation Approach. In: Biolinguistics 5.1–2: 043–056, 2011I. – 2011. – ISSN 1450–3417 <http://www.biolinguistics.eu>

ВЫБОР ФОРМЫ ЛИЧНОГО ИМЕНИ И КАТЕГОРИЯ ЛИЦА¹

Максим Анисимович Кронгауз

mkronhaus@yandex.ru

Д.ф.н., профессор

Глав. научн. сотрудник, зав. лабораторией социолингвистики

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

Аннотация. В статье предлагается использование прагматической категории лица для описания функционирования личных имен. К 1-му лицу относится самопредставление, ко 2-му – обращение, к 3-му – все прочие употребления. 2-ое лицо оказывается сильной позицией, в которой возможен максимальный набор форм имени. Для 1-го и 3-го лица существуют ограничения, с ними плохо совместимы эмоциональные формы.

Ключевые слова: русский язык, прагматика, лицо, личные имена, форма имени, обращение, самопредставление.

CHOICE OF PERSONAL NAME FORM AND CATEGORY OF PERSON

Maxim Krongauz

mkronhaus@yandex.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor

Chief Researcher, Head of the Sociolinguistics Laboratory

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia

Abstract. The article proposes using the pragmatic category of person to describe the functioning of personal names. Self-representation belongs to the 1st person, addressing to the 2nd person, all other uses to the 3rd person. The 2nd person turns out to be a strong position in which the maximum set of name forms is possible. For the 1st and 3rd person there are restrictions, emotional forms being poorly compatible with them.

Keywords: Russian language, pragmatics, person, personal names, name form, addressing, self-representation.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 19-78-10081 "Политкорректность в русском языке и в русской культуре".

Введение

Выбор формы личного имени в коммуникации определяется целым рядом критериев, однако базовым можно считать pragматическую позицию имени, которая может быть описана с помощью категории лица. Необычность такого подхода связана с тем, что категория лица используется обычно в отношении глагола как грамматическая и в отношении личных местоимений как pragматическая.

Личное имя и три лица

Личные имена представляют собой особую лексическую категорию, выделенную из антропонимов и используемую в качестве персонального идентификатора человека².

В русском языке личные имена, как правило, однословны. Это существительные с исключительно богатым словообразованием. Причем в этом случае словообразовательные корреляты фактически считаются формами (или вариантами) одного имени, а не разными словами как нарицательные имена: *рука, ручка, рученька, ручица* и т.д.

В работах [5], [6] выделяется полная форма имени, а также краткая, или сокращенная, и уменьшительные формы. А.В. Суперанская сопоставляет различным уменьшительным формам стилистические характеристики: ласкательная, фамильярная, поддразнивающая, пренебрежительная, презрительная и т.п. [4].

А. Вежбицкая [1: 111-112] говорит, что в русском языке есть два типа полных имен: маркированные (Константин, Николай, Наталья или Евгения) и немаркированные (Андрей, Игорь, Вера, Нина). Для маркированных полных имен существуют немаркированные краткие формы: Константин vs. Костя, Николай vs. Коля, Наталья vs. Наташа, Евгения vs. Женя. В отличие от А.В. Суперанской она утверждает, что "переводить десятки экспрессивных категорий в описательные прилагательные типа "ласкательный" или "поддразнивающий" – занятие безнадежное и неблагодарное", и полагает, что "выбор может в большей степени зависеть от сиюминутного настроения говорящего и от особого отношения, которое он хочет выразить именно в этот момент, чем от каких-то постоянных жестких соглашений (как это обычно бывает в английском)" [1: 107].

Категория лица используется во многих языках, и в русском в том числе, как грамматическая категория глагола, а также как pragматическая категория, характеризующая личные местоимения. Классическое определение лица принадлежит О. Есперсену [2: 247]: "Таким образом, подлинное противопоставление будет следующее: (1) лицо говорящее, (2) лицо, к которому обращена речь, и (3) лицо, которое не является ни говорящим, ни адресатом речи. В первом лице говорят о себе, во втором – о лице, к которому обращена речь, а в третьем – о том, кто не является ни тем, ни другим".

² Личные имена могут быть не только у человека, но и у животных, например собак или кошек. Но для простоты ниже будут рассматриваться только личные имена людей.

Однако существуют и вполне регулярные неместоименные способы обозначения участников речевой ситуации, в частности, с помощью имен собственных, что очевидно для 3-го лица, но также возможно и для первых двух. Так, личные имена используются при обращении к другому человеку и в ситуации, когда человек представляется самостоятельно.

В дальнейшем предлагается различать употребления личных имен трех типов, соответствующих трем значениям категории лица. Таким образом, самопредставление относится к 1-му лицу, обращение – ко 2-му, а все прочие употребления – к 3-му. Последний тип можно назвать референтным употреблением.

Выбор формы имени в зависимости от pragматической позиции

Фактически лицом называется pragматическая позиция в высказывании, связанная с говорящим, адресатом или с чем-то/кем-то, не являющимся ни тем, ни другим. Для личных имен выделение трех таких позиций оправдано тем, что для каждой из них формулируются свои особые ограничения выбора формы имени.

Так, обращение следует считать сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов, то есть во 2-м лице вообще нет общих ограничений, и могут использоваться различные эмоционально маркированные имена. При этом сохраняются частные ограничения, опирающиеся на учет характеристик адресата и отношений с ним: ласкательные формы неуместны при обращении к малознакомому человеку, а полные маркированные имена – при выражении ласки и любви.

Представляясь, говорящий, как правило, использует тот вариант, который предпочитает в качестве обращения по отношению к себе. Однако здесь присутствуют сильные ограничения на любые эмоционально маркированные формы. Понятно, что pragматические запреты не являются абсолютными, но их нарушение влечет за собой определенный эффект, в частности, создает специфическое представление о нарушителе.

Самопредставление, то есть 1-ое лицо, наиболее минималистично, для него характерны либо немаркированные краткие или полные формы, либо те формы, которые говорящий предлагает использовать по отношению к себе, но и в этом случае маловероятны эмоционально нагруженные формы. Так, форма *Вадим* предпочтительнее *Вадика*, а последняя, в свою очередь, предпочтительнее, чем *Вадичек*. Использование экспрессивных форм неизбежно ведет к формированию особого мнения о говорящем как о фигуре эксцентричной, инфантильной и т.д.

[Наталья (жен, 50, 1953, искусствовед)] Чудесно, Эдик! [Голос] – Да? А Ваше имя позвольте узнать? [Наталья (жен, 50, 1953, искусствовед)] – А меня зовут... **Натусик**. [Голос] – Хи-хи-хи... Как интересно... Прямо сразу – **Натусик**? – Но Вы ведь тоже не Эдуард! [И. Лисовская. Никогда я не буду любить... (2003)]

В случае 3-го лица используется более или менее нейтральная номинация, однако вариативность больше, чем при самопредставлении. Говорящий может ис-

пользовать в качестве референтного употребления форму типичного обращения.

Анализ примеров в [3] с такими экспрессивными формами, как *Светик*, *Натусик*, *Лизок*, *Ленок* показывает их очевидное тяготение ко 2-му лицу, но встречаются тексты, где экспрессивная форма регулярно используется в 3-м лице:

Да, кстати, – вдруг вспомнила она, – **Стильный Ленок** собирался тебе звонить. Грит, что-то важное. **Стильный Ленок** была яркой блондинкой за тридцать и отвечала в упомянутом медиа-холдинге за освещение светской жизни. Впрочем, тем же самым она занималась и во всех других медиа-холдингах, картелях, синдикатах и просто печатных изданиях, куда забрасывала ее трудовая биография. [А.А. Уткин. Дорога в снегопад (2008-2010)]

В этом произведении форма *Ленок* встречается 17 раз, иногда в сочетании с прилагательным *стильный* в мужском роде, что также создает особый стилистический эффект. Это воспринимается как устойчивое прозвище, полученное по первому упоминанию, в котором даже глагол согласуется по мужскому роду.

В этом и некоторых других произведениях используется последовательная коммуникативная стратегия. Автор употребляет экспрессивную форму имени в 3-м лице, чтобы выразить либо свое отношение к персонажу, либо отношение круга его знакомых.

Пример другой коммуникативной стратегии представлен в статье в журнале "Столица", где форма *Светик* 10 раз встречается в 3-м лице:

Довольно быстро образовался предварительный список из шестнадцати взрослых и вполне сознательных граждан, которые просили называть их так: Володя, Саша, Лизок, Мисыч, Майк, Вован, Сережка, Леха, Антоха, Стас, **Светик**, просто Андрей, Бурдыкин, Алекс, Тата и Санек. [Счастье средней тяжести (1997) // "Столица", 24.11.1997]

Только участница под #16, сотрудница банка Светлана Бондаренко (**Светик**), женщина, напоминающая храм Христа Спасителя, заявила, что не сомневается в своей победе. [Счастье средней тяжести (1997) // "Столица", 24.11.1997]

Объяснение выбора формы содержится в первом примере: участники конкурса просили называть их именно так, – то есть выбор основывается на самопредставлении. Автор статьи использует форму **Светик** в 3-м лице для создания комического эффекта, вызванного тем, что она мало подходит для женщины-великанши.

Стратегии выбора формы имени в 3-м лице могут основываться на своеобразной цитации 1-го и 2-го лица, то есть форм, которые употребляют по отношению к человеку либо его окружение (возможно, включающее говорящего), либо он сам. Это можно считать pragматическим сдвигом. В обоих случаях экспрессивная форма оказывается дополнительной характеристикой персонажа. В целом же можно сказать, что в 3-м лице используется либо нейтральная форма, либо экспрессивная форма, обычно используемая в качестве обращения или самопредставления.

Заключение

Теория трех лиц личных имен позволяет удобным образом сформулировать правила выбора варианта имени вместе с содержательной интерпретацией.

В статье отмечается, что именно 2-ое лицо может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов. Для 1-го и 3-го лица существуют определенные ограничения, в них, например, не рекомендуется использовать ласкательные и другие эмоциональные варианты имен: *Лизаветушка* или *Володичка* т.п.

Выделенность 2-го лица объясняется тем, что обращение является коммуникативной позицией, в которой устанавливаются отношения между собеседниками: говорящий их предлагает, а адресат может корректировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. статья Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
2. *Есперсен О.* Философия грамматики. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 404 с.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (Дата обращения 20.09.2023 г.).
4. *Суперанская А.В.* Структура имени собственного: фонология и морфология. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
5. *Суперанская А.В.* Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь, 2001. – № 1. – СС. 84–88.
6. *Суслова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. 3-е изд., испр. и доп. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 219 с.

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ**

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Александра Вячеславовна Бурцева

burtseva_av@spbstu.ru

К.п.н., доцент

Высшая школа лингвистики и педагогики

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются критерии, позволяющие определить языковую личность автора текста. Обосновывается целесообразность опоры на языковую pragматику текста при проведении идентификационных экспертиз, а именно коммуникативную направленность высказывания, состоящую из двух компонентов: речевых стратегий пишущего (репрезентативной и нарративной), а также используемых языковой личностью речевых актов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертология, судебная лингвистическая экспертиза, идентификация языковой личности текста, методология судебных лингвистических исследований.

ON THE PROBLEM OF FORENSIC PSYCHOLINGUISTIC EXAMINATION METHODOLOGY

Aleksandra Burtseva

burtseva_av@spbstu.ru

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Higher School of Linguistics and Pedagogy

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the criteria that allow us to determine the linguistic personality of the author of the text. The expediency of relying on the linguistic pragmatics of the text when conducting identification examinations is substantiated, namely the communicative orientation of the utterance, consisting of two components: the speech strategies of the writer (representational and narrative), as well as the speech acts used by the linguistic personality.

Keywords: linguistic expertology, forensic linguistic examination, identification of the linguistic personality of the text, methodology of forensic linguistic research.

К числу вопросов, вызывающих наибольшие споры в лингвистическом сообществе, можно отнести дискуссию о методологии судебной лингвистической и психолингвистической экспертизы в целом и о методах, позволяющих выполнять идентификационные экспертизы, связанные с установлением психолого-лингвистических особенностей языковой личности автора(-ов) текста и специфики его речевого продукта в частности. Несмотря на то, что теоретические основы идентификационных исследований отражены в многочисленных трудах (Е.И. Галышиной, Е.Р. Россинской, Т.Ф. Моисеевой, И.В. Огорелкова, Т.П. Соколовой и др.), существует ряд нерешенных проблем, к числу которых в первую очередь стоит отнести недостаток ясных критериев, позволяющих определить языковую личность автора текста. Отметим, что при проведении идентификационных экспертиз наряду с лексическими и грамматическими параметрами возможно и целесообразно опираться на pragmatику текста.

Продемонстрируем методику, использованную при подготовке исследования по следующим вопросам: содержатся ли в текстах лингвистические признаки воздействия на автора текстов дневника другой языковой личности? Являются ли данные тексты продуктом речевой деятельности одного, двух или более человек? Каков возраст и пол автора текстов? Есть ли в текстах признаки того, что они написаны под диктовку другого человека?

Представленный на анализ текст представлял собой 15 датированных дневниковых записей нерегулярного характера (9 записей датированы 2019 годом, 2 записи – 2020 годом и 4 записи 2021 года).

При выявлении демографических характеристик автора (пола, возраста и уровня образования) по признакам письменной речи применялись тематический, грамматический и стилистический анализ текста, статистический анализ употребленных языковых единиц (выполнялся при помощи программы текстометр [1]), выявление ошибок и их типов, стилистический портрет автора(-ов) текста.

Применение указанных методов позволило определить, что автор текста – это человек женского пола: в текстах частотны формы спрягаемых и склоняемых частей речи в женском роде, ошибки в определении рода отсутствуют, доминируют "женская" тематика (отношения с близкими), оценочность, эмоциональность, свойственная "женской" письменной речи стилистическая нейтральность, за исключением одного текста, где используется мат, обсценная лексика, больше свойственная мужскому типу изложения.

Были выявлены особенности, в полной мере не позволяющие однозначно идентифицировать возраст автора: тематика текстов соответствует подростковому возрасту (проблемы становления личности, поиск себя, отношения с друзьями),

тогда как разнообразие грамматических конструкции, пунктуационное разнообразие, достаточно высокий уровень грамотности автора и виртуозное использование риторических и стилистических средств позволяют предположить, что автор текстов является сформированной языковой личностью с законченным средним образованием.

Для решения вопросов, связанных с идентификацией языковой личности автора(-ов) текста и степени его самостоятельности, были применены *анализ структурной организации текста*: выявление и описание типов речи и их способов оформления; *грамматический анализ*: выявление предпочтений автора в выборе частей речи и определение их частотности, выявление синтаксических конструкций и анализ их частотности; *функционально-стилистический анализ текста*; *анализ типов ошибок*, допущенных в тексте. Однако ключевым элементом исследования стал анализ уровня лингвистической прагматики, определяющей коммуникативную направленность высказывания, состоящий из двух компонентов: речевых стратегий пишущего (репрезентативной и нарративной), а также используемых языковой личностью речевых актов.

В результате анализа были выделены доминирующие в текстах речевые стратегии. Поскольку автор дневникового текста обладает определенным уровнем коммуникативной компетенции, в процессе текстопорождения пишущий, с одной стороны, следует освоенным законам жанра, имеющего определенные устойчивые признаки, и, с другой стороны, проявляет индивидуальные черты, формирующие идиостиль как систему средств, отражающих личностное начало [2]. В психолингвистике выделяются 2 основные стратегии: репрезентативная (изобразительная) и нарративная (рефлексивно-оценочная), каждая из которых имеет 2 подтипа, овладение которыми соответствует этапам формирования языковой личности. Так, ребенок сначала осваивает разные способы изображения действительности, в которых поначалу отсутствуют аналитизм и оценки, в младшем школьном возрасте у него формируется аналитическое мышление, а затем на его основе, после того как "школьники овладевают объектно-аналитическим способом передачи информации, позволяющим обобщать изображаемые в рассказе факты, в их речи появляется отчетливо выраженная оценочность, которая служит отличительной чертой субъектно-аналитического дискурсивного мышления" [3: 236]. Иными словами, младший школьник (6-7 лет) изображает в речи происходящее, младший подросток (10-11 лет) использует логические операции и классифицирует явления в речи, а подросток (13-15 лет) осваивает разные формы оценочности. Речевые стратегии взрослого человека отражают черты его личности, индивидуальность, что имеет достаточно устойчивый характер, проявляется в качестве доминанты в целом в письменных текстах как на уровне структуры, так и на уровне содержания текста, определяя характерные способы отражения действительности, избираемые автором, и воплощается в структуре и содержании текста.

Анализируемый текст был рассмотрен с точки зрения теории речевых актов, типичных и нетипичных для речевого репертуара языковой личности: в тексте были выявлены: 1) репрезентативы (речевые акты сообщения, информативы); 2) директивы (речевые акты побуждения); 3) комиссивы и промиссивы (речевые акты принятия обязательств и обещаний); 4) экспрессивы (речевые акты, выражающие эмоциональное состояние говорящего), 5) констативы (акты-утверждения), 6) регулирующие акты (реквестивы – просьбы, иньюктивы – приказы), 7) акты прямого воздействия (квеситивы – вопросы, менасивы – угрозы, апеллятивы – обращения) [4: 170-195].

Анализ речевых актов и речевых стратегий позволил прийти к выводу, что в анализируемых текстах содержатся признаки воздействия на автора текстов дневников другой языковой личности, что подтверждается:

во-первых, используемыми в текстах принципиально разными речевыми стратегиями и речевыми актами: для языковой личности автора текста 2019 и 2020 гг. характерны репрезентативы, комиссивы и промиссивы, экспрессивы, но совершенно не свойственны реквестивы, иньюктивы, менасивы и апеллятивы, используемые в текстах 2021 г.;

во-вторых, снижением средней длины предложений (в текстах 2019 г. и текстах 2020 гг. средняя длина предложений равна 8,9 словам, тогда как в текстах 2021 г. она снижается до 7,8);

в-третьих, изменениями в параметрах лексической и структурной сложности, которая в большей мере характерна для текстов 2021 г., тогда как тексты 2019 г. отличаются относительной структурной простотой;

в-четвертых, изменением частотности употребления частей речи: в текстах 2019-2020 гг. доминируют глаголы над существительным: на 16,5% глаголов в текстах 2019-2020 гг. приходится 11,3% существительных, тогда как в текстах 2021 г. соотношение глаголов и существительных практически сравнивается, составляя 18% к 16%.

В представленных для исследования текстах прослеживаются две разные языковые личности: языковая личность автора текстов 2019 и 2020 гг. и языковая личность автора текстов 2021 гг. Для языковой личности автора текстов 2019 и 2020 гг. характерно использование нарративной речевой стратегии, рефлексивность, обоснованность суждений, постоянство в построении композиции текстов, минимальная событийность, фиксация на настоящем и обращенность в будущее (целеполагания и предположения). Языковой личности текстов 2021 г. свойственны регулирующие акты, угрозы и обращения. Предположительно, автор текстов 2021 г. – языковая личность, характеризующаяся назидательностью, безапелляционностью, безосновательностью суждений.

Таким образом, сочетание статистических методов анализа с анализом речевых стратегий и актов могут служить инструментарием для проведения наиболее

сложных судебных лингвистических экспертиз, задачей которых является установление психолого-лингвистических особенностей языковой личности автора(-ов) текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю.* Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 3. – СС. 331-345. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345
2. *Вознесенская И.М.* Речевое поведение автора дневникового текста: жанрообразующие и индивидуальные черты // Коммуникативные исследования. 2017. №2 (12). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoe-povedenie-avtora-dnevnikovogo-teksta-zhanroobrazuyuschie-i-individualnye-cherty> (Дата обращения: 16.04.2023 г.).
3. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. Учебное пособие. – М., 2001. – 304 с. – С. 236.
4. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – СС. 170–195.

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛИСЕМАНТА И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Екатерина Юрьевна Ваулина

miauling@yandex.ru

K. ф. н.

Ст. научный сотрудник

*Институт Лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Рост номинации в языке науки происходит в том числе за счет образования новых значений. Отражение развития общенаучных, трансдисциплинарных и интердисциплинарных значений в структуре многозначного термина и лексической системе языка является задачей общей толковой лексикографии и приближает к пониманию прототипических процессов в терминологической системе.

Ключевые слова: язык науки, терминология, развитие семантики, структура полисеманта, толковый словарь, лексическая система.

INTERDISCIPLINARY AND TRANSDISCIPLINARY MEANINGS IN THE STRUCTURE OF THE TERMINOLOGICAL POLYSEMANTE AND IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE LANGUAGE

Ekaterina Vaulina

miauling@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences

Senior Researcher

Institute for Linguistic Studies

Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

Abstract. The increase of the nomination in the language of science is also due to the formation of new meanings. Representation of the development of general scientific, transdisciplinary and interdisciplinary meanings in the structure of a polysemantic term and in the lexical system is a task of explanatory lexicography and it brings us closer to understanding prototypical processes in the terminology.

Keywords: language of science, terminology, development of semantics, polysemant structure, explanatory dictionary, lexical system.

Языковая деятельность человека отражает расширение наших знаний об окружающей действительности, освоение новых технологий в различных сферах деятельности, что приводит к появлению новых понятий, увеличивая потребность в номинации. На относительно стабильных стадиях развития лексической системы одним из основных способов номинации, в том числе связанной с терминологией и языками для специальных целей, становится формирование многозначности и появление новых значений внутри полисемантов. Господствующая в науках XXI века конвергентная парадигма знания характеризуется доминированием междисциплинарных исследований с интегративными функциями и их трансдисциплинарным характером, ростом многообразия интегративных процессов, синтетическим подходом к познанию [1: 15]. Поэтому в рассматриваемой на уровне общей лексической системы языка специальной лексике наряду с развитием многозначности, дифференцирующей отдельные области познания, фиксируется появление синтезирующих, обобщающих полученные в разных сферах знания о мире значений. Специфичность единиц языка науки как лингвистического объекта объясняется тем, что терминологическое значение "устанавливается в результате договоренности, преднамеренной и сознательной" [5: 101], что подчеркивает искусственность термина. Представление же семантики терминов в рамках общей толковой лексикографии основано на их рассмотрении как естественных полноправных единиц в составе развивающейся лексической системы языка, независимо от способа возникновения.

В языке науки как стилевой разновидности литературного языка традиционно выделяются семантическое терминологическое ядро, общенаучная лексика и периферийные общеязыковые единицы. Собственно терминологическая лексика оказывается распределенной по ядрам отдельных терминологических систем, а лексико-семантическое ядро языка науки в целом образуется в результате их суммирования. Направленность же на представление единиц языка науки в рамках общего толкового словаря предполагает следующий порядок уровней его описания: общенаучная лексика (семантически непосредственно связанная с общеязыковыми единицами, не всегда специфически маркируемая в общих толковых словарях); трансдисциплинарная специальная лексика, входящая в терминологические системы разных научных дисциплин и отражающая стремление к достижению нового научного знания об исследуемом объекте на основе интеграции научных областей; интердисциплинарная специальная лексика, обслуживающая несколько предметных областей знания, объединяемых общим объектом изучения; терминология отдельных предметных областей.

Под общенаучной лексикой обычно понимаются слова и выражения, ха-

рактеризующие общие закономерности научной деятельности в разных сферах. Характерным для познаваемого общенаучной категории признается "единство в его содержании отдельных свойств, признаков, понятий ряда частных областей научных знаний и философских категорий" [7: 39]. Общенаучная лексика не описывается в терминологических словарях, но широко используется в их толкованиях, при этом "при опубликовании достижений ученые используют именно тот пласт метаязыка, который общедоступен и общепринят сообществами различных школ, смежных областей знания. Соответственно, под общенаучной терминологией мы понимаем те лексические единицы, которые используются как инструмент описания процессов и результатов познания, обмена знаниями" [10: 174–175].

Интердисциплинарность или междисциплинарность связана с кооперацией различных научных областей; она "сплавляет различные теоретические допущения, методологии и практики, которые приходят от вовлекаемых в научное исследование дисциплин" [8: 194]. В образовательном процессе интердисциплинарность определяется как "один из способов расширения научного мировоззрения, который заключается в изучении различных явлений за пределами одной научной дисциплины" [9: 10]. Лингвисты отмечают, что "все чаще неологизмы, появляющиеся в тех или иных отраслях, носят междисциплинарный характер" [2: 204]. Выделение интердисциплинарной специальной лексики для теоретической лексикологии является сравнительно новым; например, в исследовании Л.И. Борисовой 1986 года сказано, что "общенаучные слова являются средством обозначения интердисциплинарных понятий" [3: 6]. В толковой же лексикографии такие единицы выделялись (с помощью перечисления помет разных областей знания, комментария при толковании или пометы "*Спец.*" – специальное) гораздо более последовательно, чем лексика общенаучная и трансдисциплинарная.

Понятие трансдисциплинарности широко обсуждается в современных работах по философии и науковедению. Е.Н. Князевой дано широкое определение трансдисциплинарности как исследовательской стратегии, пересекающей дисциплинарные границы и развивающей холистическое представление об объекте изучения [8: 194]. В теоретических работах по отношению к терминологии отмечается, что "нередко единство таких терминов выступает необходимым фундаментом, на котором зиждется процесс научного познания" [6: 26], а трансдисциплинарность "позволяет в определенной мере преодолеть разобщенность, разрозненность научных представлений" [6: 12].

Так как и трансдисциплинарность, и интердисциплинарность свидетельствуют об особом характере взаимодействия терминологии дисциплин, сохранивших свою самостоятельность или объединившихся в целях получения интегративного знания, отражение этих разрядов специальной лексики представляется важным не только для толковой лексикографии общего типа, но и для описания тенденций развития лексической системы русского языка в целом. При синхрон-

ном описании лексики с позиций отражения состояния современной лексической системы вопрос о последовательности формирования значений специального полисеманта обычно не ставится, а логика построения словарной статьи независимо от наличия и способа маркирования терминологических единиц предполагает помещение общен научных, трансдисциплинарных и интердисциплинарных значений перед терминологией отдельных отраслей знания:

Волатильность. 1. Отклонение какого-либо показателя от его среднего значения за определенный временной период. *Волатильность занятости в промышленности. Волатильность скорости взаимодействующих воздушных потоков. Гендерная волатильность профессионального выбора. Управление предприятиями в условиях волатильности цифровой среды. Модели анализа волатильности потребления электроэнергии. Оценка волатильности важна при прогнозировании будущих значений случайных процессов.* 2. Фин. Диапазон изменения цены финансового инструмента за определенный временной период. <...>

Генерализовать. 1. Подчинить/подчинять частные явления какому-л. общему принципу; сделать/делать общий вывод. *Генерализовать сведения в соответствии с выбранной гипотезой. При работе с большим объемом фактического материала необходимо выбрать наиболее показательные данные, генерализовать и формализовать их. Сводные таблицы генерализованы. При наличии небольшого количества примеров генерализовать предлагаемый подход затруднительно. В докладе генерализованы основные аспекты исследования.* 2. Придать/придавать общее значение (чему-л. частному, единичному); расширить круг действия чего-л. Человек обладает способностью генерализовать признаки объектов и на основе сравнения приписывать их другим объектам. *Генерализовать методы биологии на социальную сферу. Теория, позволившая генерализовать традиционные учения с данными современной науки. Стремление генерализовать постмодернистской парадигмой весь арсенал гитарной музыки.* 3. Геогр. Осуществить/осуществлять отбор данных и обобщение их при составлении географической карты (с учетом ее тематики, назначения); произвести/производить укрупнение масштаба (географической карты). <...>

Индукция¹. 1. Логическая операция выведения умозаключения от частного к общим закономерностям, от конкретных фактов к обобщениям. *Рассуждать по индукции. Опыт, эксперимент и наблюдения как основа индукции. Индукция через отбор случаев, через исследование причинных связей. Деревья решений являются одним из методов, в которых проводится индукция правил. Роль индукции при переходе от эмпирического знания к теоретическому.* 2. Матем. Способ математических доказательств и определений, основанный на переходе от утверждения, верного для некоторого натурального числа n , к утверждению, верному для числа $n+1$. <...>

Индукция². 1. Стимуляция, усиление активности или возбуждение како-

го-либо процесса. *Индукция вторичного цветения. Индукция популяционного иммунитета. Индукция воспаления печени неинфекциональными частицами. Индукция флуоресценции хлорофилла для изучения фотосинтеза. Индукция хромосомных aberrаций в лимфоцитах крови человека при действии малых доз облучения.* 2. *Физ.* Возбуждение электрического тока в проводнике при движении его в магнитном поле или при изменении вокруг него магнитного поля. <...>

Парадоксальный. 1. Связанный с использованием парадоксов, содержащий в себе парадокс, парадоксы; являющийся парадоксом. *Парадоксальное мышление. Теория относительности А. Эйнштейна — одно из парадоксальных явлений научной мысли. Медиаобразование как парадоксальный ресурс в обучении будущих педагогов. Творчество парадоксально по своей сути. Гипотезы современной физики созданы на базе парадоксальных постулатов.* 2. Основанный на парадоксе, не соответствующий обычным, традиционным представлениям. *Парадоксальное химическое явление. Парадоксальный смысл устойчивости возмущенной системы. Теоретическое исследование эффектов парадоксального поведения твердого тела в колеблющейся жидкости в присутствии силы тяжести. Парадоксальное вмешательство как прием психиатрии.* 3. *Мед.* Противоречий ожидаемому (обычно о физиологических и психических реакциях, состояниях). <...>

Современный когнитивный подход к осмыслению семантической структуры многозначного слова предполагает наличие инварианта, прототипического значения, выступающего в виде абстрактного содержательного ядра или первого номинативно-непроизводного значения. Развивающиеся общенаучные, трансдисциплинарные и интердисциплинарные значения специального слова наиболее близки к содержательному ядру многозначного термина. Последовательная фиксация таких значений возможна только в толковом словаре общего типа; ее важность для осмысления современных семантических процессов определяется тем, что исследование терминологического концепта как системного потенциала, зафиксированного в лексикографии, дает ключевую информацию о прототипических процессах в терминологической системе [4: 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О.Е., Скоробогатова А.В. Конвергентная парадигма в основании современного образования и картины мира. // Коллекция гуманитарных исследований. Вып. № 1 (10). – 2018. – СС. 11–17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.j-chr.com/jour/article/view/4 (Дата обращения 20.07.2023).
2. Беликова И.А., Кербер Е.В. Междисциплинарный характер образования неологии в области телемедицины. // Омские социально-гуманитарные чтения 2019. Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Омск: Изд. Омского государственного технического университета, 2019. – СС.

- 203–208.
3. *Борисова Л.И.* Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. Теория и практика перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. – 216 с.
 4. *Гатауллина Н.А.* Когнитивно-семантические особенности терминологии американского договорного права: автореф. дис. кандидата филологических наук: 10.02.04. – СПб., 2021. – 27 с.
 5. *Герд А.С.* Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – СС. 101–107.
 6. *Горбунова Н.Н.* К вопросу об изучении трансдисциплинарности некоторых терминосистем. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. Вып. № 5 – 2017. – СС. 20–39. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.linguamgou.ru/jour/article/view/490 (Дата обращения 14.07.2023).
 7. *Ключков В.П., Васильева Н.О.* Дихотомический анализ основной мерности сложности общенаучной категории "совместимость". // Теория и практика общественного развития. Вып. № 8 – 2011. – СС. 39–41.
 8. *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. № 10. – Томск: Изд. ТПГУ, 2011. – СС. 193–201.
 9. *Кущина Е.А.* Интердисциплинарность как принцип обучения в современном образовательном процессе. // Вестник Полоцкого Государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. Вып. № 15 – Новополоцк: Изд. Полоцкого государственного университета, 2013. – СС. 9–13.
 10. *Рохлина Е.К., Абрамова Е.В.* Проблемы и перспективы систематизации общенаучной терминологии. // Вестник Череповецкого государственного университета. Вып. № 2. Череповец: Изд. Череповецкого государственного университета, 2019. – СС. 173–185.

ВЕЖЛИВОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анастасия Владимировна Журова

zhurovaAV@omsu.ru

K.ф.н.

Ст. преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей

Факультет филологии, переводоведения и медиакоммуникаций

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Омск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вежливость в лингвосоциокультурном аспекте и ее проявления в современной публичной коммуникации. Приводится краткий обзор исследований по теме. В качестве материала использованы диалоги из авторской программы в формате интервью "Судьба человека" Бориса Корчевникова. Выделены и проанализированы коммуникативные ходы участников публичного диалога для проявления вежливости.

Ключевые слова: вежливость, прагматика, коммуникативный риск.

POLITENESS AND ITS EXPRESSION IN MODERN PUBLIC COMMUNICATION

Anastasiya Zhurova

zhurovaAV@omsu.ru

Candidate of Philological Sciences

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for Specific Purposes

Faculty of Philology, Translation Studies and Media Communications

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russia

Abstract. The article deals with politeness in linguistic, social and cultural aspects and its expression in modern public communication. It provides a brief overview of the researchers on the topic. Dialogs from the authorial program "Sud'ba cheloveka" (the Destiny of a Person) in the format of interview by Boris Korchevnikov have been studied as a material. Conversational turns performed by the participants of public communication reflecting politeness have been identified and described.

Keywords: politeness, pragmatics, communicational risk.

В процессе социализации человек осваивает различные социальные роли, осознает, как нужно себя вести в той или иной ситуации, наравне с тем, что и как говорить, чтобы достигать целей и избегать конфликтов. Освоение социальных ролей напрямую связано с освоением правил речевого поведения.

Речевое поведение человека – это сложное явление, обусловленное влиянием многих лингвистических и экстралингвистических факторов. По мнению Н.И. Формановской, речевое поведение обусловлено социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, уровнем воспитанности личности и речевой практикой, контролируемой сознанием [5]. Е.А. Земская, вслед за зарубежными авторами, называет еще один регулятор – категорию вежливости [2].

Категория вежливости изучалась с различных точек зрения – они подробно проанализированы Т.В. Лариной [4]. Современные исследователи склонны рассматривать вежливость как комплексный социокультурный феномен, фокусируясь на описании функционирования дискурсивных единиц и выстраивания стратегий и тактик коммуникации [1]. Рассматривая категорию вежливости с точки зрения прагматики, можно сказать, что она представляет собой набор стратегий по достижению положительного результата коммуникации. С точки зрения речевого поведения вежливость предполагает ненанесение ущерба речью и направленность на гармоничное и бесконфликтное общение, соответствующее ожиданиям партнёра [4: 27].

Любая коммуникативная стратегия имеет в своем арсенале набор приемов для ее реализации. Исходя из того факта, что публичное общение как правило имеет повышенные требования к соблюдению вежливости и приличий в рамках акта коммуникации, в качестве материала для исследования были взяты интервью из программ "Судьба человека". "Судьба человека" – это "портретное" интервью телеведущего Бориса Корчевникова с гостями шоу о деталях их биографии, чувствах и эмоциях по отношению к событиям их жизни. Подавляющее большинство вопросов ориентированы на личность гостя. Очевидна установка интервьюера на кооперативное, порой эмпатическое общение, что служит ярким примером проявления речевой вежливости.

По итогам отбора и анализа примеров коммуникативных приемов манифестации вежливости мы выделили следующие: использование узульных эвфемизмов, прономинализация, метафора, уклонение от ответа на заданный вопрос, шутка.

Узуальные эвфемизмы оперативно извлекаются из лексикона, не требуют сложной дешифровки и воспринимаются собеседником как вежливые. Борис Корчевников в интервью с Верой Сотниковой использует эвфемизм, чтобы проявить эмпатию к своему собеседнику, чей родственник умер (*"А потом вы с мамой не-*

режили потерю" (смерть сестры). Или певица Юлия Началова говорит о смерти своей подруги: "Страшно, когда уходит твой близкий человек". Исследователи отмечают, что в настоящее время тема смерти подвержена эвфемизации практически во всех языках [6].

Прономинализация также используется как способ эвфемизации для проявления вежливости путем использования служебных частей речи во избежание прямого названия предмета или явления. Матери актрисы Ирины Безруковой был диагностирован рак, однако в ходе диалога с целью избежать травмирующего воздействия на собеседника ведущий задает вопрос с указательным местоимением. ("Вы помните этот момент, когда у мамы диагностировали этую болезнь?")

Метафора, в основе которой заложен перенос названия с одного предмета на другой на основании сходства тех или иных признаков, позволяет выстроить связь между лексически сформулированным описанием и референтом. В отображенном примере интервьюер обращается к певице Наталье Ионовой: "Я тебя знаю <...> веселой, легкой, но мне почему-то кажется, что у тебя характер. Ты об углы своего характера часто билась за эти годы?" Негативные черты характера по большей части всегда осуждались обществом. Однако прежде не было такой явной тенденции это вуалировать, чаще все называлось своими именами и преследовало цель пристыдить человека. Сегодня же, в условиях толерантного общения, прослеживается установка на вежливое смягчение и нивелирование.

Как было отмечено выше, публичное общение в формате интервью часто строится вокруг личности приглашенного гостя, и семья является неотъемлемой частью жизни любого человека. Тем не менее, понимая, что семейные отношения не всегда складываются гладко и это особо деликатная тема, которую невозможно исключить из интервью, коммуниканты стремятся к вежливому коммуникативному поведению в заданных тематических рамках. Ведущий задает вопрос актеру Дмитрию Исаеву: "Вы когда-нибудь из-за этого переживали, из-за того, что отцовского, мужского не хватало в детстве? На что собеседник вежливо уклоняется от ответа: "Чтобы о чем-то сожалеть, нужно иметь такой опыт".

Шутка также может выступать в качестве приема по уходу от ответа на вопрос. В программе "Судьба человека" присутствует традиционный элемент – устное написание "письма себе молодому". После основного интервью ведущий предлагает гостю обратиться к самому себе с наставлением или предупреждением. В ответ на эту просьбу актер Сергей Жигунов, не желая говорить серьезно о неприглядных фактах своей биографии отшучивается: "Ну есть пара моментов, которые я бы подправил...потом, я думаю, та рюмка еще была лишняя". Таким образом, решается задача избежать коммуникативного риска при ответе на вопрос по существу, угрожающему имиджу интервьюируемого.

Рассмотренные примеры в речи участников публичного диалога в жанре интервью демонстрируют лишь некоторые способы проявления вежливости. Арсе-

нал приемов у каждого участника диалога различен и во многом определяется его языковой личностью и установкой на кооперативное либо конфликтное общение.

Подводя итог, можно сказать, что вежливость как коммуникативная категория выступает регулятором речевого поведения, целью которого является недопущение коммуникативных неудач, связанных с этическими аспектами общения. Она "представляет собой важнейший компонент любого общения, организующий и регулирующий коммуникативный процесс" [3: 92]. Вежливость ограничивает выбор языковых средств для нахождения в границах конструктивного общения, тем самим "подталкивает" участников общения к использованию приемов вежливого коммуникативного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брагина Н.Г., Иссерс О.С., Мендоза И., Ратмайр Р.* Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы). / Н.Г. Брагина, О.С. Иссерс, И. Мендоза, Р. Ратмайр // Коммуникативные исследования. – 2021. – Т. 8, № 2. – СС. 217–232.
2. *Земская Е.А.* Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка. / Е.А. Земская // Zeitschrift für slavische Philologie. – 1997. – В. LVI, № 2. – SS. 271–301.
3. *Карабань Н.А.* Роль категории вежливости в письменных жанрах делового общения. / Н.А. Карабань // Известия ВГПУ. – 2010. – № 5. – СС. 92–95.
4. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. / Т.В. Ларина. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
5. *Формановская Н.И.* О речевом этикете. / Н.И. Формановская // Русская словесность. – 2001. – № 4. – СС. 63–66.
6. *Чжан Чан.* Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чжан Чан. – Волгоград, 2013. – 24 с.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Владислав Евгеньевич Замальдинов

zvlad-nn@yandex.ru

K.ф.н.

Доцент кафедры иностранного языка и культуры речи

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Доцент кафедры русского языка и культуры речи

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении активных процессов в словообразовании русского языка новейшего времени. Рассматриваются такие тенденции, как рост именной префиксации, вовлечение в деривационные процессы ключевых элементов социокультурного пространства, активизация окказиональных способов. Делается вывод, что медийные новообразования обладают оценочностью, активно употребляются в заголовках.

Ключевые слова: активные процессы, словообразование, новообразования, префиксация, социально значимые слова, окказионализмы.

ACTIVE PROCESSES IN THE WORD-FORMATION OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Vladislav Zamaldinov

zvlad-nn@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences

Associate Professor at the Department of Foreign Language and Speech Culture

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;

Associate Professor at the Department of Russian Language and Speech Culture

Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The purpose of the article is to identify active processes in the word-formation of the modern Russian language. Such trends as the growth of nominal prefixation, the involvement of key elements of the socio-cultural space in derivational

processes, and the activation of occasional methods are considered. It is concluded that word-forming neologisms have evaluative value and are actively used in headings.

Keywords: active processes, word-formation, word-forming neologisms, prefixation, socially significant words, occasionalisms.

Язык постоянно находится в движении и развитии, это естественный и закономерный процесс для него. Жизнь языка тесно связана с обществом, оно стимулирует актуальные языковые процессы. Н.С. Валгина справедливо отмечает, что "жизнь языка, его история органично связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности" [1: 13].

Инновационные явления, происходящие в современном русском языке, наблюдаются на всех его уровнях. Однако наиболее заметно эти процессы отражаются в словообразовании. Данный уровень системы языка отличается подвижностью, является средой для порождения новообразований – новых лексических единиц, созданных по узуальным и неузальным моделям. Кроме того, словообразование зависит в большей степени от таких внешних факторов, как политическая свобода в обществе, развитие науки, экономики, культуры, техники, межъязыковые контакты, распространение просвещения и др.

Цель нашего исследования – описать активные процессы в словообразовании русского языка новейшего времени.

Теоретической базой для проведения данного исследования послужили работы российских лингвистов, посвящённые актуальным процессам в современном русском языке (см., например: [2; 3; 4; 5]).

Рассмотрим следующие тенденции в словообразовании: рост именной префиксации, вовлечение в деривационные процессы ключевых элементов социокультурного пространства, активизация окказиональных способов.

1. Продуктивным способом создания новых номинаций является *префиксация*. Считается, что она более распространена в глагольном словообразовании. Однако на современном этапе развития языка наблюдается рост именной префиксации в текстах массмедиа. Приставки обладают автономностью и присоединяются всегда к целому слову. Востребованы в медийных текстах новообразования с иноязычными препозитивными формантами *анти-*, *контр-* с семантикой противоположности. Приведём примеры: *Китай готов на конфликт: что будет с анти-NATO* (заголовок) ("DEITA.RU". 07.08.23); *"Я анти-Барби"*: Анастасия Решетова устроила протест "розовому безумию" (заголовок) ("The Voice". 08.08.23); *Политик напомнил, что за прошедшие годы из Украины старательно лепили "анти-Россию"* ("Комсомольская правда". 17.08.23); *КОНТР-COVID 19* (заголовок). *До 16 тыс. человек вакцинируются от Covid-19 в Подмосковье ежедневно, сообщили 28 марта в региональной администрации* ("ASPmedia24". 29.03.21); *Граждане скапывают средства борьбы с беспилотниками. <...>* Так же в продаже есть

антидроновые системы стоимостью от 300 тыс. руб. до нескольких миллионов, например "Контр-БПЛА" ("Коммерсантъ". 31.05.23).

Зафиксированы в медийной коммуникации словообразовательные неологизмы с префиксами *псевдо-*, *квази-* со значением неистинности: *MASH: ПСЕВДО-БОМЖ ИЗ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ОКАЗАЛСЯ НАВОДЧИКОМ ВСУ* (заголовок) ("Южный федеральный". 16.08.23); *Псевдо-преступника* поймали в столице ("Комсомольская правда". 17.08.23); *Что такое квази-кэш* операции по карте и в чём их подвох (заголовок) ("Банки.ру". 14.04.23); *Государственно-частное партнёрство прирастает дорогами и туризмом. <...> Всё, что не относится к проектам "классического ГЧП" или концессии, обычно называют "квази-ГЧП"* ("Коммерсантъ". 06.06.23).

Активны в массмедиа неологические единицы с приставкой *пост-* с временной семантикой. Проиллюстрируем сказанное: *Поствыборы: на Васильевском острове зафиксировали новые технологии фальсификации голосования* (заголовок) ("Piter News 24". 08.10.21); *Как бороться с постковидом?* (заголовок) ("Sputnik Грузия". 01.02.22); *Жизнь на сегодняшней пост-Украине, в первую очередь, связана с возможностью выжить...* ("Украина.ру". 07.08.23).

Таким образом, в медийной коммуникации активизируются иноязычные приставки *анти-, контр-, псевдо-, квази-, пост-*. Новые префиксальные существительные являются ярким средством выражения социальной оценочности, характеризуются разнообразием структурно-семантических типов.

2. Журналисты вовлекают в деривационные процессы ключевые элементы социокультурного пространства – социально значимые исходные слова. Так, например, в период специальной военной операции (СВО) на Украине авторы публицистических текстов активно создают новообразования на базе следующих лексем: *дрон*, *СВО*, *ЧВК "Вагнер"* и др. Приведём только некоторые примеры: *Британские спецслужбы подготовили на Украине отряд диверсантов для отправки в Африку. Это будет своего рода "антиВагнер"*, заточенный на убийство африканских лидеров, симпатизирующих России (т/к "Царьград ТВ". 18.08.23); *К сожалению, я был недавно на Большой земле, так сказать, у себя в Санкт-Петербурге, в Москве, и вижу, что люди до сих пор живут в какой-то иллюзии. С ощущением, что спецоперация – это такое далёкое, что должны делать не мы. А кто? Зелёные человечки, суперармия, суперЧВК должны за них что-то сделать?* ("Комсомольская правда". 29.03.23); *Bild: Германия передаст Украине "супердрон" Luna NG* (заголовок) ("Каспаров.ру". 13.08.23); *"Дронизация"* белорусского военпрома: всё для фронта, всё для России (заголовок) ("NewsPrice". 18.05.23); *"Вагнеризация"* политики: Евгений Пригожин продолжит наступление на Санкт-Петербург (заголовок) ("ЯРСМИ". 23.05.23); *Мятеж Пригожина. Вагнеровщина. Статья №1* (заголовок) ("Дзен". 12.07.23); *Вагнеровец из Могойтуйского района, воевавший в Сирии и Ливии, погиб в СВО* (заголовок) ("Чита.Ру". 16.07.23); *Дрономания* (заголовок). Российской

армия будет по-новому бороться с беспилотниками ("Наша версия". 06.03.23); Для чего польские власти разгоняют эпидемию "**вагнерофобии**"? (заголовок) ("Дзен". 04.08.23); И одновременно **вагнеро-пригожинское** выступление <...> обнажило и обнаружило великое множество настоящих признаков предреволюционной ситуации ("Изборский клуб". 28.06.23); "Паровозы" для **СВОих** (заголовок). <...> Парламентские партии со своими участниками в основном уже определились, и среди них оказалось немало "паровозов" ("Коммерсантъ". 10.07.23). Данные новообразования на базе ключевых элементов социокультурного пространства образованы с помощью узуальных (префиксация, суффиксация, аффиксоидация, сложение) и неузуальных (графикация) способов деривации. Новые лексические единицы отражают актуальные социальные реалии, употребляются, как правило, в сильных текстовых позициях.

3. К инновационным процессам, протекающим в современном русском языке, можно отнести активизацию окказиональных способов деривации. При создании подобных новообразований журналисты сознательно нарушают словообразовательные нормы. Приведём примеры из нашей картотеки: *Все дженервы* *истрепали* (заголовок). *Падение стало следствием массового отказа иностранных компаний от исследований в стране*, хотя лекарства и медицинские изделия не попали под санкции ("Коммерсантъ". 31.01.23) ← дженер(ик) + нервы; *Шаурмафия* (заголовок). *Торговцы уличной едой безнаказанно травят россиян* ("Наша версия". 26.06.23) ← шаурма + мафия; Без *ОБИд* (заголовок). *Апофеозом плохих новостей от компании ОБИ в самом конце прошлого года стал грандиозный пожар в Химках* ("Наша версия". 16.01.23); *Merlion'ные взятки* (заголовок). <...> Следственный комитет предъявил новые обвинения фигурантам громкого уголовного дела о попытке посадить по ложному обвинению в подготовке убийства владельцев крупной компании Merlion и осуществить рейдерский захват их бизнеса ("Коммерсантъ". 18.01.23). Подобные новообразования созданы с помощью междусловного наложения и графикации. Неологические единицы привлекают носителей языка своей оригинальностью, помогают адресанту выразить эмоциональную оценку происходящего.

Таким образом, в русском языке новейшего времени наиболее заметны следующие активные процессы в словообразовании: рост именной префиксации, вовлечение в деривационные процессы ключевых элементов социокультурного пространства, активизация окказиональных способов. Новые номинации обладают оценочностью, употребляются, как правило, в заголовках, привлекают внимание адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003.
2. *Долгополова М.В., Попова Л.А.* Активные процессы в современном русском языке в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Ижевск, 2023. – Т. 33. – № 2. – СС. 465–470.
3. *Замальдинов В.Е.* Новообразования как средство речевого воздействия в региональных нижегородских СМИ. // Язык. Право. Общество: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 11-13 октября 2016 года. / Под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой и др. – Пенза: изд-во ПГУ, 2016. – СС. 218–221.
4. *Замальдинов В.Е.* Экспрессивно-игровые окказионализмы в языке современных российских СМИ. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2020. – № 2 (49). – СС. 116–120.
5. *Кузьмина Н.А., Абросимова Е.А.* Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени. – 2-е издание, стереотипное. – М.: ФЛИНТА, 2015.

**РЕДАКТОР, РЕДАКТОРША, РЕДАКТРИСА...
НОМИНАЦИИ ЛИЦА С ОСНОВОЙ "РЕДАКТОР"¹**

Ольга Геннадьевна Згировская
olga.slovo42@yandex.ru

К.ф.н.

*Научный сотрудник лаборатории лингвистической конфликтологии
и современных коммуникативных практик*

*Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
Москва, Россия*

Аннотация. В статье проанализировано развитие значения и употребления слова *редактор*, а также феминитивов к нему. Показано первоначальное значение слова, его эволюция и новые, актуальные значения, отмечены процессы, повлиявшие на изменения семантики. Выявлены феминитивы, указаны особенности их появления и употребления. Подтверждены основные тенденции функционирования лексики, обозначающей профессии.

Ключевые слова: семантика, названия профессий, лексическое значение, новые значения, феминитивы.

**"REDACTOR", "REDACTORSHA", "REDACTRISA"...
NOMINATIONS OF THE PERSON WITH THE BASIS "REDACTOR"**

Olga Zgirovskaya
olga.slovo42@yandex.ru

*Candidate of Philological Sciences
Researcher at the Laboratory of Linguistic Conflictology
and Modern Communicative Practices
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia*

Abstract. The development of the meaning and use of the word "redactor" ("editor") and its feminine gender-specific job titles are analyzed in the article. The original meaning, its evolution and new, relevant meanings are shown, the reasons for

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Проект "Речевые практики российского общества".

changes are noted. Feminine gender-specific job titles and features of their appearance and use are identified. The main trends in the functioning of the Russian job titles are confirmed.

Keywords: semantics, job titles, lexical meaning, new meanings, feminine gender-specific job titles.

Наименования профессий представляют собой обширный, разнородный и активно изменяющийся пласт лексики. В рамках его описания мы работаем над толково-дискурсивным словарём названий профессий, в который включаются как нейтральные официальные наименования, так и разговорные, неформальные, стилистически маркированные единицы (например, *экскурсоводишка, врача*). Кроме того, профессии понимаются как названия различных видов деятельности, в том числе неоплачиваемых (например, *блогер*). Каждая номинация описывается комплексно – в историческом, грамматическом, прагматическом и др. аспектах.

Проводимые нами исследования показывают, что значительные изменения происходят в сфере производства, обработки и распространения информации – вследствие этого появляются новые виды деятельности и слова для их обозначения либо у существующих в русском языке слов развиваются новые значения. Целью данного исследования является анализ изменения и развития семантики одной из таких номинаций – *редактор*, а также феминитивов к нему.

Слово *редактор* было заимствовано через польский или немецкий из латинского языка, где существительное *redactor* происходит от глагола *redigere* ‘загонять назад, заставлять возвращаться; возвращать; собирать, призывать к себе; низводить, доводить до определенного состояния’. То есть редактор был тем, кто “разбирает” текст и “собирает” заново после проверки и внесения изменений. В русский язык слово *редактор* пришло в начале XIX века – после реформ императора Александра I, ослабления цензуры и технического усовершенствования процесса печати. В этот период росло количество выпускаемых изданий и вместе с ним увеличивалось число специалистов, занятых в редакционно-издательском процессе. Редакторами стали называть как издателей, которые финансировали публикацию книг, журналов и т.д., так и сотрудников, которые занимались правкой текстов и их подготовкой к печати:

Потом прочел я две книги нового журнала "Библиотека для чтения", со-трудниками коего суть все наши литературные знаменитости от Пушкина до Полевого. Главные его редакторы – Греч и Сенковский; последний, однако, уда-лился от издания и вошел в ряды простых сотрудников. [А.Н. Вульф. Дневник (1834)]².

Тут есть ошибки против языка, коих нет в его сочинениях и не может

² Здесь и далее примеры из литературных произведений и прессы взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

быть в таком классическом авторе, каков он; следовательно, он не один автор своих сочинений: есть исправительный *редактор*. [А.И. Тургенев. Хроника русского (1825–1826)].

В толковом словаре В.И. Даля у слова *редактор* зафиксированы оба значения – ‘распорядитель изданья, книги или газеты, журнала; заведующий изложением бумаг, докладов, отчетов’ и ‘распорядчик, заведующий более письменною частью’. При этом В.И. Даляр в той же словарной статье приводит не только глагол *редактировать*, но и *редицировать*, по-видимому, более близкий к латинскому *redigere*. Этот глагол изредка употреблялся в XIX веке:

Если бы все это вместе, пополнив одно другим и еще из других материалов, редицировать настоящим образом, то могла бы выйти вещь чрезвычайно любопытная. [М.А. Корф. Записки (1838–1852)].

Представляется, что один человек мог совмещать две роли – быть издателем и редактировать тексты.

Толковые словари XX века (словарь Д.Н. Ушакова, словарь под ред. А.П. Евгеньевой) также отражают два значения, однако в словаре под ред. А.П. Евгеньевой значение ‘руководитель издания’ уже зафиксировано как второе. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой вовсе приведено только одно значение – ‘человек, который редактирует что-нибудь; специалист по редактированию’. Словари отразили процесс, происходивший в редакционно-издательской сфере на протяжении XX века, – функции издателя и редактора разделились. Издатель стал в основном руководить процессом, организовывать его и оплачивать, в то время как редактор занимался подготовкой текстов к изданию.

В словаре под ред. С.А. Кузнецова, созданном на рубеже XX и XXI веков, вновь фиксируются два значения – это и тот, кто редактирует какой-либо текст, и тот, кто руководит изданием. При этом редактор-руководитель (обычно это *главный редактор*) часто не является хозяином издательства – он организует редакционно-издательский процесс:

Александр Иванович начинает трудиться на ниве книгоиздательства – сначала в Новосибирском книжном издательстве, потом в Сибирском отделении издательства "Детская литература". Главным редактором. А главный редактор издательства – это есть тот самый литературный деятель, мозговой центр, определяющий идеологическую и тематическую направленность издаваемых книг, организатор и вдохновитель литературных сил, то бишь авторов. Выше его – только директор, но у того главным образом финансы, бумага и прочие меркантильные материи. [Е. Городецкий. Дорога к Богу (2002) // "Сибирские огни", 2013].

В словарной статье приводится также новое, третье значение – ‘компьютерная программа, помогающая редактировать и верстать текст’. Оно относится только к неодушевлённым существительным, которые мы не анализируем в рамках

данной статьи.

Вышедшие на данный момент словари отражают не все актуальные процессы, происходящие в лексике, называющей профессии. Семантические связи названий профессий усложняются и размываются, так как усложняется денотат – профессиональная сфера. Так, анализ вакансий на сайте Headhunter.ru показывает, что под словом *редактор* понимается специалист, который работает не только с текстом, но и с аудио- и видеоматериалами, а также тот, кто не только редактирует и организует работу, но и сам создаёт тексты и др. Рассмотрим обязанности редактора в одной из вакансий:

ОТКРЫВАЕМ ВАКАНСИЮ "РЕДАКТОР" (РОССИЙСКОЕ КИНО)

Наши задачи:

<...>

Проведение интервью с актерами, режиссерами, продюсерами и другими медиийными персонами;

Генерация идей по форматам и наполнению раздела о российском кино;

Написание оригинальных обзоров, рецензий, анонсов и репортажей со съемок;

Редактирование текстов корреспондентов и внештатных авторов.

В подобных случаях значение слова *редактор* сближается со значениями слов *райтер*, *копирайтер*, обозначающих специалистов по созданию текстов, а также со словом *журналист*. Встречаются составные наименования *редактор-райтер*, *редактор-копирайтер* и вакансии *редактор сайта* и подобные, подразумевающие самостоятельное создание как оригинальных, так и переработанных, переводных и др. материалов:

Редактор социальных медиа

Обязанности:

<...>

Работа с соцсетями: наполнение контентом, модерация комментариев, оценка эффективности постов.

Данные процессы происходят в рамках появления в сфере информации новых типов, форматов содержания и, как следствие, новых профессий и видов деятельности. Для наименования соответствующих специалистов могут как заимствоваться новые слова (*копирайтер*, *райтер*), так и использоваться номинации, уже существующие в русском языке. Так, лексическое значение слова *редактор* расширилось, менее чёткими стали различия между разными значениями, что связано с существенными изменениями в редакционно-издательской деятельности в современном мире.

Представляет интерес также использование коррелятов женского рода к слову *редактор*. Феминитив *редакторша* начал употребляться первым – во второй половине XIX века. Суффикс *-ша(a)* образует феминитивы не только со значением

женены соответствующего специалиста, но и со значением представительницы какой-либо профессии. Женщины принимали заметное участие в редакционно-издательском процессе, и феминитив, который первоначально воспринимался как необычный, стал использоваться:

Так как редактировала жена Межевича, то и теперь, в течение двух недель, она распоряжалась газетой и не сделала ни одного промаха. Я стала ее звать "редакторией". Тогда казалось смешным и диким, чтобы женщина могла носить такое название. [А.Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)].

Современные словари относят феминитив *редакторша* к разговорным, он также может употребляться в сниженных контекстах. Наиболее нейтральным и распространённым является использование в отношении женщины слова мужского рода *редактор*:

*Звонил в Москву, **редактор** сказала, что книгу мы должны сдать в производство 30 мая.* [Д. Карапис. Автопортрет (1999)].

Встречается также феминитив *редактрица*, заимствованный в начале XX века из французского *redactrice*, но используемый нечасто, а также *редакторесса*, употребление которого исключительно редко:

*Мне все труднее становилось просто зайти в какой-нибудь журнал или даже позвонить туда. Бедные **редакторы** и **редактрицы**! Если бы знали они, какие только проклятия не посыпал я на их головы!* [А. Ким. Мое прошлое (1990–1998) // "Октябрь", 1998].

Отдельное слово нужно сказать о клиентках Юбера де Живанши, для которых он создавал свои платья "с отличной линией и идеальным силуэтом" и которые, в сущности, сделали его звездой в не меньшей степени, нежели коллеги-учителля и эксперты-редакторессы. [В. Гудкова. Сносу не будет // lenta.ru, 2018.03.13].

В 2010-е годы под влиянием феминистического дискурса начал использоваться феминитив *редакторка*, образованный от существительного *редактор* с помощью суффикса *-к(а)*, который образует в том числе слова с семантикой женскости. Эта номинация стала одной из наиболее популярных в дискуссиях об использовании феминитивов:

"Лента.ру": Многие считают, что новые феминитивы – "авторка", "редакторка" и так далее – неблагозвучны. [Беседовал Михаил Карпов. "Мы говорим "членесса" и улыбаемся" // lenta.ru, 2019.01.22].

Современные толковые словари не фиксируют её, при этом феминитив может встречаться не только в контекстах, подразумевающих негативное отношение, но и в нейтральных ситуациях без какой-либо оценочной семантики:

*И именно об этом бал, хозяйкой которого стала Анна Винтур, главная **редакторка** американского Vogue (она появилась в платье, созданном Карлом Лагерфельдом незадолго до смерти), и открываемая им выставка.* [Искусство шока // lenta.ru, 2019.05.07].

Таким образом, на примере слова *редактор* мы видим размывание и расширение значений некоторых названий профессий, имеющих отношение к информационной сфере. Это объясняется усложнением денотата – деятельности, связанной с производством, обработкой и распространением информации. В отношении женщин также может использоваться номинация *редактор*, она наиболее частотна в этой функции. Феминитивы характерны для разговорной речи (*редакторша*, *редактриса*) и феминистического дискурса (*редакторка*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 1998. – 1534 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В.И. Даль. – 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. – СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1903–1911. – 4 т.
3. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения 14.09.2023).
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – 4 т.
6. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – 4 т.

ГРАНИЦЫ ТАКТА В ПУБЛИЧНОМ ИНТЕРВЬЮ И МАРКЕРЫ ИХ НАРУШЕНИЯ

Оксана Сергеевна Иссерс

isserso@mail.ru

Д.ф.н., профессор

*Зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема нарушения коммуникативных норм, связанных с внедрением журналиста в личную сферу собеседника, в том числе нарушения тематических табу. Тематические ограничения входят в ядро коммуникативных норм и формируют коммуникативную компетенцию носителей родного и неродного языка. Анализируются вопросы интервьюера, которые находятся "на грани приличного". На основании анализа текстов интервью установлены маркеры нарушения такта в публичной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативные нормы, табу, интервью, неприличный вопрос, бестактный вопрос.

THE BOUNDARIES OF TAKT IN A PUBLIC INTERVIEW AND MARKERS OF THEIR VIOLATION

Oksana Issers

isserso@mail.ru

*Doctor of Philological Sciences, Professor
Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of violation of communication norms associated with the journalist introduction into the personal sphere of the interlocutor, including violation of thematic taboos. Thematic restrictions are included in the core of communicative norms and form the communicative competence of native and non-native speakers. Interviewer questions that are on the verge of "decent" are considered. Based on the analysis of interview texts, markers of violation of the boundaries of tact in public

communication were established.

Keywords: communicative norms, taboo, interview, indecent question, tactless question.

Введение

Под коммуникативными нормами исследователи понимают социально одобряемые правила общения, определяющие поведение коммуникантов в различных ситуациях [1; 2; 3]. Системное описание коммуникативных норм речевого поведения конкретного социума является актуальной задачей в связи с совершенствованием теории коммуникации и практики обучения языкам – как родному, так и иностранным [4; 5; 6]. Сложность решения данной задачи заключается в том, что коммуникативные нормы в большинстве своем слабо поддаются кодификации. За исключением некоторых стандартных речевых формул этикета, образцы оптимального коммуникативного поведения в тех или иных ситуациях общения не имеют формального закрепления в виде установленных правил и обладают значительной вариативностью в зависимости от ряда социолингвистических, психологических, ситуационных переменных. Тем не менее они достаточно четко осознаются большинством носителей языка, а их нарушение нередко становится причиной коммуникативных неудач как в интракультурной, так и в межкультурной коммуникации [7; 8; 9].

Знание тематических табу и границ внедрения в личное пространство собеседника входит в ядро коммуникативных норм [10, с. 226]. В то же время сфера табуированных смыслов отличается значительной динамикой: то, о чем не принято было говорить несколько десятилетий назад, сегодня входит в круг допустимых тем, в том числе не только в межличностной, но и в публичной коммуникации. Появление некоторых ранее закрытых тем в российских медиа сигнализирует о сдвигах, которые произошли в русском речевом поведении в последнее время, и является стимулом для их изучения [11].

Метод и материал

Материалами исследования стали интервью популярных журналистов российских СМИ с публичными персонами – представителями сферы политики, бизнеса, медиа и культуры. На основании анализа диалогического взаимодействия (более 120 фрагментов интервью) установлены основные темы, представляющие для группы интервьюируемых зону риска в публичной коммуникации. Большая часть этих тем связана с нарушением "сфера личного пространства". Для каждой из выявленных сфер зафиксированы как положительные реакции собеседников (дан содержательный ответ), так и отрицательные (запрос информации не удовлетворен). Выявлены сигналы нарушения границ личной сферы коммуникантов: маркеры типа *неприличный / бесактный / провокационный / деликатный вопрос*

используются в публичном диалоге обеими сторонами. С одной стороны, они позволяют журналисту подготовить собеседника к ситуации коммуникативного риска, а с другой – дают его собеседнику возможность мотивированно отказатьаться от ответа.

Результаты

С точки зрения принятия / непринятия стратегии журналиста на детабурирование определенных сфер интерес представляют реакции интервьюируемых. Кроме информативного ответа, свидетельствующего о допустимости предложенной журналистом темы для его собеседника, наблюдаются разнообразные негативные реакции: категорический отказ от ответа; уклонение / уход от темы, указание на неуместность или недопустимость вопроса как нарушающего границы такта и социальных приличий.

По соотношению информативных и прочих типов ответных реакций можно сделать вывод о сдвигах в сфере тематических ограничений. У интервьюируемых журналистами публичных персон реакции на тематически рискованные вопросы распределились следующим образом: содержательные ответы составили более 60 %, негативные реакции – менее 40%. В частности, обсуждение табуированной темы секса наблюдается в интервью Ю. Дудя с актером Дмитрием Нагиевым:

(1) *Юрий Дудь: – Хороший секс или хороший стейк?*

Дм. Н. – Хороший секс. Хотя, как сказал Дж. Николсон, иногда хочется просто почитать.

Конкретные цифры своих доходов готов обсуждать с журналистом дизайнер Артемий Лебедев:

(2) *Юрий Дудь: – Самый большой заказ?*

А.Л. – 70 млн.

В то же время наибольшее количество отрицательных реакций получено на темы из т.н. "личной сферы", касающиеся финансового состояния, негативного социального опыта, интимных переживаний, веры:

(3) *Б. Корчевников: – Вы Бога теперь благодарите больше?*

Е. Образцова: – Это такие интимные вещи, что спрашивать об этом неприлично.

(4) *На мой взгляд, к религиозной агрессии относится даже впрямую заданный вопрос: "Ты верующий?" Мне ничего не стоит ответить на этот вопрос, но я считаю его неприличным, как вопрос о подробностях моей половой жизни, исходящий не от врача. Вера – дело личное и интимное, и размахивать ею, как веером, – пускать по ветру самое дорогое.* [О. Бакушинская. Нет Бога, кроме Аллаха? // Комсомольская правда, 2005.10].

Предупреждение коммуникативных рисков при нарушении границ доволенного любопытства осуществляется журналистами несколькими способами.

Самый простой и регулярный – предупреждение о нарушении коммуникативных норм путем обозначения вопроса как выходящего за пределы этики и такта: *заранее простите за бесактный вопрос; я сейчас задам почти неприличный вопрос* и т.п.

(5) Журналист – В. Познеру: – *Если вы помните, незадолго до московской встречи в верхах я звонил вам и хотел заказать материал. Вы ответили, что очень заняты, так как готовитесь к интервью с президентом Рейганом для нашего телевидения. Извините за, возможно, бесактный вопрос: почему мы вас так и не увидели в числе журналистов, бравших интервью?* Владимир Познер: – *Действительно, вопрос деликатный.* (На пресс-конференцию Р. Рейгана допустили лишь 10 советских журналистов. //АиФ, 1988.07).

(6) Е. Ханга: *Я сейчас задам почти неприличный вопрос... – Не извиняйтесь, не извиняйтесь!* (Е. Ханга: "Рожать и вести переговоры я могу одновременно" // Известия, 2001.11).

Таким образом, современные дискурсивные практики публичных интервью дают основания говорить о возможностях нарушения коммуникативных норм и границ "дозволенного любопытства". В то же время выход в зону коммуникативных рисков требует от журналиста умения предвосхитить реакцию интервьюируемого и тем или иным способом маркировать выход за границы такта и этики.

Выводы

Для формирования у носителей родного языка и инофонов коммуникативных навыков, соответствующих нормам русского коммуникативного поведения, необходимо изучение динамики коммуникативных норм в современной русскоязычной речевой среде и приемов речевого маневрирования. В связи с этим актуально выявление зон коммуникативного риска, включающих тематические табу и ограничения, а также приемов маркирования "границ дозволенного" – моментов внедрения в личную сферу собеседника. Не менее актуально описание дискурсивных приемов уклонения от тем, которые находятся на грани приличного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Е.П. Коммуникативные категории и нормы. // Хорошая речь / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др.: Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С.163–179.
2. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: Издательство ПРИОР, 2002.
3. Hymes, D.H. On communicative competence. In: Pride, J.B.; Holmes, J. Sociolinguistics: selected readings. Harmondsworth: Penguin. – 1972. – PP.269-293.
4. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы. // Филологические науки. – 1988. – № 6. – С.64–69.
5. Новикова Н.С. Коммуникативная норма и лингвистические проблемы межкультурной коммуникации. // Вестник СамГУ. Серия: Филология. – 2008. – № 1. – С.10–15.

- турной коммуникации. // Филологические науки. – 2006. – № 2. – СС. 93–100.
6. Черкашина Т.Т., Новикова Н.Н., Ковтун Л.В., Будильцева М.Б. Лингвистические и когнитивные элементы коммуникативной нормы в обучении РКИ. // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 1 (266). – СС. 53–63.
 7. Кацкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2005. – СС. 246–252.
 8. Кострова О.А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации. // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. научн. трудов. – Воронеж, ВГУ, 2005. – СС. 252–262.
 9. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 2, испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 238 с.
 10. Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкоznания / ред. З.Д. Попова. Воронеж: "Истоки", 2008.
 11. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге. // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 18. – СС. 92–104.

К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТИПА *НАСТУПИЛА ВЕСНА*

Мария Руслановна Копосова

koposovamr@gmail.com

Магистр

Лаборант кафедры русской литературы

Филологический факультет

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы функции нерасчлененных высказываний типа VS в развертывании текста: 1) интродуктивная; 2) ремарочная; 3) финальная; 4) повествовательно-распространительная.

Ключевые слова: русский язык, коммуникативно нерасчлененные высказывания, коммуникативная структура, текстовые функции.

TOWARDS THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF SENTENCES OF THE TYPE *NASTUPILA VESNA* ('SPRING HAS COME')

Maria Koposova

koposovamr@gmail.com

Master of Philology

Laboratory Assistant at the Department of the Russian Literature

Faculty of Philology

Herzen State Pedagogical University of Russia

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article presents the functions of thetic sentences (VS type) in the text expanding: 1) introduction; 2) remarking; 3) final; 4) narrative-progressive.

Keywords: Russian language, thetic sentences, communicative structure, text functions.

Связь коммуникативной структуры с речевой функцией высказывания отмечается многими исследователями. В частности, на интродуктивность как на одну из характеристик, присущих так называемым нерасчлененным высказываниям

(VS), неоднократно указывали разные ученые (см.: [2: 240], [1: 49-50], [4], [5]). Однако эта функция не единственная, что обусловливает необходимость дальнейшего изучения таких функций.

1. Интродуктивные высказывания

1.1. Собственно интродуктивные высказывания вводят в рассмотрение лица, предметы, явления, события, тем самым детерминируя содержание правового контекста. При этом заданная в таком предложении тема может в разной степени коррелировать с содержанием последующих высказываний.

(1) *Наступила весна. Тепло. Жаворонки поют. В парках деревья распускаются, трава зеленеет* (А.С. Новиков-Прибой. Рассказ *Боцманмат*).

(2) *Наступила ночь. Но она не была такая трепетно ждущая, полная томления, тихая и темная, как прошлая ночь. Когда Карпов с Матвеевым и фон Вебер вышли на балкон того же дома, где были накануне, перед ними открылось бесконечное зарево. Небо, сколько хватал глаз, было красное* (П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени).

В примере (1) первое предложение называет новую ситуацию, которая раскрывается в правом контексте. В этом случае последующие предложения не только содержательно зависимы от интродукции, но и представляют собой совокупность смысловых "расщеплений" введенной ситуации. Поэтому правый контекст в (1) более определен, чем в (2). В большинстве случаев интродукция вводит в текст новое состояние и представляет собой высказывание с глаголом совершенного вида (*CB*), а правый контекст, как правило, имперфективен (глаголы *HCB*), так как следующий непосредственно за интродукцией текст – это описание нового состояния.

1.2. Ситуативно-установочные предложения называют начальное событие некоторой новой ситуации, развитие которой представлено в последующем текстовом фрагменте (3).

(3) *Из будочки вышел стрелочник с зеленым флагском. Раздался свисток. Из-за деревьев вверх ударило облачко белоснежного пара, и мимо очарованных мальчиков задом пробежал настоящий большой локомотив, толкая перед собой тендер* (В.П. Катаев. Белеет парус одинокий).

(4) *Пришел доктор. Я стал рассказывать про маляров, но с непривычки стеснялся и рассказывал, как этнограф, серьезно и вяло. Доктор тоже рассказал несколько анекдотов из жизни мастеровых. Он пошатывался, плакал, становился на колени и даже, изображая пьяного, ложился на пол* (А.П. Чехов. Моя жизнь).

Ситуативно-установочные предложения, сообщающие о появлении лица (4), задают, в отличие от собственно интродуктивных, динамическую ситуацию.

Кроме того, предложение типа VS может быть связано с последующим текстом требованием пояснения. Так, в (5) правый контекст выполняет функцию пояснения существительного:

(5) **Пошла погода.** Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бегали, спотыкались, падали; барин с балкона кричал как исступленный: "Лови, лови! лови, лови!.. Чьи это куры, чьи это куры?" (И.С. Тургенев. Два помещика).

(6) **Наступило молчание.** Какие думы роились в голове этих двух молчавших людей – кто знает? (Н.Э. Гейнце. Самозванец).

Нередко ситуативно-установочное предложение создает условия для обозначения авторского присутствия в тексте. Это может проявляться через авторский комментарий, следующий за ситуативно-установочным высказыванием, как в (6).

2. Финальные высказывания

Финальная функция актуализируется в предложениях, которые завершают развертывание ситуации.

(7) *Во время борьбы он толкнул стол, на котором стояла свеча. Стол опрокинулся. Свеча упала и потухла. Наступил мрак.* В глазах его, быстро, точно колеса, завертелись огненные круги. Голоса урагана завыли где-то совсем близко от него, как будто над самым ухом, и разразились неистовым хохотом. Он вздрогнул, словно очнулся от глубокого сна, и в то же мгновение почувствовал, что она повисла на руке его, не двигаясь, как мертвая (Д.С. Мережковский. Петр и Алексей).

Финальное высказывание сообщает результат развертывания ситуации – статальной или динамической. Определяющей для финальной функции вообще является связь с левым контекстом. Правый же может быть как связан с финальным предложением, так и не связан с ним (во всяком случае, непосредственно). Например, в (7) результатом ситуации, заданной в левом контексте, стало наступление мрака. При этом в дальнейшем фрагменте это событие не получает развития. По отношению к ситуации, описанной в левом контексте, предложение *Наступил мрак* выполняет финальную функцию, называя результат развития динамической ситуации. Однако оно также задает установку для возникновения статальной ситуации, описанной в правом контексте, выполняя ситуативно-установочную функцию. Таким образом, финальное высказывание может выступать в роли связующего звена между текстовыми ситуациями. Возможна и дальнейшая субкатегоризация финальных высказываний.

3. Ремарочные высказывания

Ремарочная функция предложения в повествовательном тексте состоит в изменении плана: она всегда делает его более общим, позволяет взглянуть на ситуацию с позиций стороннего наблюдателя, которому доступно целостное наблюдение ситуации. Ремарочное предложение эксплицирует присутствие в тексте наблюдателя – автора, повествователя или персонажа-наблюдателя – и, таким образом,

сочетает функции комментария и переключения между планами повествования. Можно выделить три основные группы ремарочных предложений: 1) фиксирующие паузу в течении диалога – наполненную или молчанием, или звуками вздохания, смеха и т.п.; 2) фиксирующие смену хронотопа; 3) фиксирующие (подчеркивающие) динамику течения статальной ситуации.

3.1. Ремарочно-паузирующая функция

(8) – *Может быть, я бессознательно ждал вас, друг мой.*

Наступило молчание.

– *Так в добный час, капитан!* (А.С. Грин. Корабли в Лиссе).

Левым и правым контекстом высказываний типа (8) является речь персонажей. Такие высказывания могут сообщать, прежде всего, о молчании, которое обычно является значимым типом коммуникативного поведения. Роль такой ремарки в тексте не однопланова. В первую очередь, она фиксирует остановку в диалоге, благодаря которой следующая реплика выделяется среди прочих. Кроме того, ремарочное предложение выполняет роль маркера изменения внутреннего состояния персонажей, их отношения к ситуации, то есть становится внешним сжатым (относительно текстового времени) обозначением акта раздумий персонажей.

(9) – *Восемь рублей, – проговорил с рассстановкою толстяк.*

Послышался вздох.

– *Николай Еремеич, больно много просить изволите* (И.С. Тургенев. Контора).

Ремарочно-паузирующее высказывание может сообщать и о наличии звука. В этом случае предложение строится по модели: глагол *послышаться* + существительное лексико-семантической группы "голос, голосовые звуки, издаваемые только человеком". Отличается и характер отношения ремарочного высказывания к последующему фрагменту: оно отчасти предвосхищает эмоциональную окраску и содержание следующей за ним реплики. Вместе с тем высказывание *Послышался вздох* в примере (9) сигнализирует о присутствии повествователя. Вздох зафиксирован и передан рассказчиком как наблюдателем, но не участником этого диалога.

3.2. Функция смены хронотопа актуализируется, когда происходит изменение временных координат повествования. Как правило, ее реализация возможна в том случае, если ранее в текстовом пространстве фиксировалось состояние, отличное от заданного предложением типа VS.

(10) ***Наступила ночь.*** Я лежал в большой зале на столе, обитом чёрным сукном. Мебель была вынесена, шторы спущены, картины завешены чёрной тафтой. Покров из золотой парчи закрывал мои ноги, в высоких серебряных паникадилах ярко горели восковые свечи (А.Н. Апухтин. Между жизнью и смертью).

В роли подлежащего в таких высказываниях выступает существительное одной из лексико-семантических групп: 1) части суток; 2) времена года [Русский семантический словарь 2007: 60-62]. В отличие от ситуативно-установочных и соб-

ственno интродуктивных, мотивирующих тематическое развертывание последующего фрагмента, высказывания с функцией смены хронотопа выполняют роль словесной декорации, ср. (10). Они не задают новую статальную или динамическую ситуацию, однако являются своеобразным разделителем между предшествующим и последующим состояниями / событиями.

3.3. Статально-динамическая разновидность ремарки подчеркивает динамику состояния. В (11) время движется, внешне ничего не меняется, но это только подчеркивает напряженное движение мыслей и чувств.

(11) *Медленно прошел день, бессонная ночь и еще более медленно другой день. Она ждала кого-то, но никто не являлся. Наступил вечер. И – ночь. Вздыхал и шаркал по стене холодный дождь, в трубе гудело, под полом возилось что-то. С крыши капала вода, и унылый звук ее падения странно сливался со стуком часов* (М. Горький. Мать).

Для высказываний этой разновидности характерно особое содержание правого и левого контекста. В предшествующем тексте указывается причина напряженного состояния персонажей. В следующем же предложении через течение времени подчеркивается длительность эмоционального напряжения.

4. Повествовательно-распространительные высказывания (ПРВ)

Повествовательно-распространительная функция актуализируется в предложении, которое передает элемент динамики ситуации, представленной цепью событий. Такая ситуация, как правило, выражается последовательностью предложений, сказуемые которых выражены глаголами *СВ*. ПРВ может обозначать шаг, благодаря которому повествование движется вперед:

(12) *Он окликнул. Ответа не последовало. Вглядевшись, часовой узнал императрицу и вызвал караул. Явился офицер. Ему показалось странным, почему императрица одна ночью ходит в тронном зале, и он пошел доложить об этом кому следует. Оказалось, императрица у себя в покоях. Герцог должил ей, и она решилась пойти сама в тронный зал* (М.Н. Волконский. Брат герцога).

Функциональное разнообразие предложений типа VS свидетельствует об их значительном текстообразующем потенциале и требует дальнейшего изучения. В частности, заслуживает рассмотрения вопрос о своеобразии интонационного оформления изучаемых высказываний в каждой из выделенных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. / И.И. Ковтунова. – М.: Просвещение, 1976.
2. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. / В. Матезиус.

- ус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – СС. 239–245.
3. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полузнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именования. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007.
 4. Янко Т.Е. Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений// Вопросы языкоznания. – 1994. – № 6. – СС. 37–59.
 5. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. – М.: Языки славянских культур, 2008.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ТРАНСЛЯТОР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О БЕЛАРУСИ В XIX в.

Ирина Ивановна Короткевич

savitskajaII@bsu.by

К.ф.н., доцент

Зав. кафедрой русского языка как иностранного

Факультет доуниверситетского образования

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Аннотация. В российских этнографических и лексикографических изданиях XIX века описания быта и русскоязычные дефиниции единиц реестрового материала явились источником лингвистической и этнографической информации о Беларуси, поскольку передавали аутентичность материальной и духовной культуры, конфессиональное разнообразие и промышленный потенциал белорусских территорий.

Ключевые слова: русский язык, Русское географическое общество, "Словарь белорусского языка" И.И. Носовича.

THE RUSSIAN LANGUAGE AS A TRANSLATOR OF ETHNOGRAPHIC AND LEXICOGRAPHIC INFORMATION ABOUT BELARUS IN THE 19th cent.

Iryna Karatkevich

savitskajaII@bsu.by

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Head of the Department of Russian as a Foreign Language

Faculty of Pre-University Education

Belarusian State University

Minsk, Belarus

Abstract. In the Russian ethnographic and lexicographic publications of the 19th century, descriptions of everyday life and Russian-language definitions of units of registry material were a source of linguistic and ethnographic information about Belarus, since they conveyed the authenticity of material and spiritual culture, confessional diversity and industrial potential of the Belarusian territories.

Keywords: Russian language, Russian Geographical Society, "Dictionary of the Belarusian language" by I.I. Nosovich.

Процесс становления современного белорусского языка начался в XIX в. и происходил в условиях перерыва традиции письменной практики и запрета на белорусскоязычные печатные издания в Российской империи. В то же время издавались этнографические издания, в которых содержались результаты систематических историко-краеведческих и культурно-этнографических исследований народов, входящих в состав империи, например, "Этнографический сборник" Императорского Русского географического общества. Общество проводило многочисленные экспедиции, во время которых собирался значительный объем фактического фольклорно-лингвистического и историко-этнографического материала. Отделение этнографии Русского географического общества записывало образцы словесной народной культуры (эпос, легенды, песни, пословицы и поговорки и т.п.) и лексики ремесел.

Относительно Беларуси этнический дискурс постепенно формировался после разделов Речи Посполитой, когда белорусские земли, вместе с польскими и украинскими, оказались в составе Российской империи и были включены в историко-этнографическое изучение российскими научными и общественными сообществами. Например, среди описаний белорусских губерний в "Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг." вошли:

- административные карты губерний с обозначением слоев населения по их вероисповеданию (отдельно представлены *православные, католики, староверы, евреи*);
- материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба (1864 г.) *И. Зеленского*;
- описания отдельных регионов Беларуси (например, "Опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях. Могилев. 1907" *К.Т. Аникиевича*; представлены занятия, одежда, жилье, музыка, земледелие и промыслы цыган, великоруссов, евреев, белорусов);
- издания немногочисленных учебных заведений Беларуси (например, "Записки Горыгорецкого земледельческого института");
- исследования социальных диалектов (например, "Дрибинские шаповалы. Могилевская старина" под ред. *Е.Р. Романова* (1901); "Катрушицкий лемезень. Уголовный язык шерстобитов м. Дрибина" (1890, его же)) и др. [1].

В подобных сборниках-указателях подробно перечислялись описания занятий населения белорусских губерний (земледелие, животноводство, садоводство и пчеловодство, охота, лесные, кустарные, отхожие промыслы и др.); исследования народной культуры – народных песен, обычаяев и пр. Исходя из того, что эти и мно-

гие другие виды занятия населения имели продолжительную традицию существования на белорусских землях, то по этим сведениям возможно представить полную картину экономического положения и культурного развития белорусских губерний не только в описываемый исторический период, но и на несколько столетий ранее.

Также значительное количество сведений о Беларуси в этот период истории могут предоставить лексикографические источники, в которых отражаются сведения об историческом прошлом народа. Одним из таких источников был "Словарь белорусского наречия" фольклориста, этнографа и лексикографа Ивана Ивановича Носовича (1788–1877) (в оригинале "Словарь белорусского наречія"), запланированный Императорской академией наук в качестве второй части "Опыта словаря областных наречий", но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельное лексикографическое издание.

В словаре по-русски объясняется более 30 тыс. белорусских слов, записанных самим составителем в Могилевской, Минской и Гродненской губерниях, выбранных из белорусских фольклорных источников, старобелорусских письменных памятников и филологических сборников. Это было первое основательное исследование в области белорусской лексикографии: словарь превосходил подобные белорусоведческие источники как в количественном, так и в качественном плане. Реестровая часть словаря составлена на белорусском языке, а словарные дефиниции представлены по-русски. Источниками для реестра словаря были собственные записи И.И. Носовича, материалы из его же "Алфавитного указателя старинных белорусских слов", из древнебелорусских письменных источников, фольклорных и этнографических изданий. При помощи русского языка объясняются белорусские слова, также по-русски раскрываются значения слов и сочетаний слов.

Составитель предлагал русскоязычную семантизацию реестровых слов с указанием всех их значений, этимологических сведений, ссылок на упоминание в известных научных источниках:

ВАНДРОВАЦЬ, рўю, (от Нѣм. wandern – путешествовать), сов. Повандроўаць, гл. ср. Ходить, бродить по разнымъ мѣстамъ. *Не хоцѣвъ зъ молоду працо-ваць, ажъ пришлось подъ старосць съ торбочкой вандроваць.*

*Пойду я вандроваць,
Собѣ дзѣвочки шукаці.* Изъ пѣсни.

СВѢЧА кромѣ обыкновенного значения. Особенное празднество, отправляемое прихожанами въ честь какого либо Господского или Богородичного праздника или святаго угодника Божіяго, начинающееся молебствиемъ съ братскою, т.е. общественною, свѣчкою въ домѣ одного изъ братства и оканчивающееся угощениемъ всѣхъ къ обществу принадлежащихъ и приглашенныхъ на молебствие сосѣдей. Таковыя свѣчи на слѣдующій годъ передаются слѣдующему очередному изъ братского общества. Эти братскія общества очень древни. Объ нихъ можно видѣть въ Актахъ Западной Россіи (тому I, № 27, подъ 1420-1423 г.; тому III, № 121, 1580 г.;

томъ IV, № 18, 1589 г. и № 79, 1595 года). Свѣчи бывають: Микольская (Николаевская), Благовѣщенская, Мироносицкая, Юрьевская, Хроловская, Михайловская, Варваринская, Митрофановская и другія [2].

Многие реестровые единицы словаря содержат этнографическую и культурологическую характеристики белорусского народного быта (наименования мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий, участников народных традиций и ритуалов, блюд национальной кухни, элементов быта и т.д.): *водяникъ, змѣй, клетникъ, кляскунъ, ледащикъ, волочобникъ, ворожбить, зацирка, косцерня, купалка, толока* и др. [2]:

ЗМѢЙ 1) Ужъ. Змѣй укусивъ. Змѣя забили. 2) ругат. Злой человѣкъ. Змѣю гетомуничь не догоодзишь, усё сипиць. 3) Метеоръ, пролетающій по небу огненною полосою, а иногда разсыпающійся искрами. Бѣлоруссы простолюдины и нынѣ вѣрятъ, что это злой духъ, который избранникамъ своимъ носить богатства. Если онъ пролетить полосою яркаго, огненнаго цвѣта, значитъ, что несетъ золото, блѣдноватою – серебро, а темноватою – хлѣбъ въ зернѣ. Иначе его называютъ смокомъ и цмокомъ.

ТОЛОКА 1) Сельская полевая работа съ приглашенными на помощь соѣдями. Толокою вывозить навозъ, косять, жнуть, пашутъ и проч.; угощеніе есть необходимое условіе толоки. *Просивъ панъ на толоку, а не пойдзешъ, и за лобъ поволоку.* Посл. 2) собир. Прошенные на полевую работу соѣди.

Да гудзецъ поле, гудзецъ; толока съ поля идзецъ. Изъ пѣсни.

Слава, да й слава, паночекъ, твоя:

Пьяна, да й пьяна, толока твоя. Изъ пѣсни.

Авторский русскоязычный исторический и краеведческий комментарий, сопровождающий многие реестровые единицы, раскрылъ белорусскую конфессиональную и этнографическую аутентичность въ условияхъ полиэтничности и поликонфессиональности империи:

САКРАМЭНТ Тело и кровь Господа нашего Іисуса Христа. Слово заимствованное отъ Поляковъ и употребляемое только въ бывшихъ униатскихъ приходахъ.

РАДОНИЦА День, посвященный поминовенію усопшихъ, обыкновенно въ Белоруссіи совершающему во вторникъ Фоминой недели надъ могилами на кладбищахъ. Радость о воскресеніи Христовомъ въ этотъ нарочитый день передается живыми усопшимъ своимъ родственникамъ съ словами: "Христостъ воскресъ", которые обыкновенно произносятся три раза при катаніи красного яйца по могиле. День этотъ имеетъ три характера: до обеда рабочій, послѣ обеда печальный, къ вечеру веселый, по выражению самыхъ Белорусцевъ: *На радоницу д'обеда пашуць, п'обедзе плачуць, а вечеромъ скачуць.* Посл. [2].

Количественная и качественная научная систематизация белорусского историко-этнографического и лексико-фразеологического материала, его русско-

язычное толкование во время официального запрета письменной фиксации белорусской словесности в Российской империи позволила раскрыть аутентичность белорусской духовной и материальной культуры, промышленный потенциал и конфессиональное своеобразие белорусских земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг.: Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт / сост. Д.К. Зеленин. – СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1913. – XL, 733 с. (Записки имп. Рус. геогр. о-ва по отд. Этнографии; Т. 40, вып. 1; Труды Комис. по составлению этнограф. карт России; 1).
2. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы / аўт. уступ. арт. М.Р. Суднік. – Мінск: БелСЭ, 1983. – 792 с.

**МОТИВАЦИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ
ЖЕНСКОГО ПОЛА С СУФФИКСОМ -ИН(Я) КАК ОДИН ИЗ
АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Ксения Сергеевна Лашина
ksenileni@gmail.com

*Аспирант
Тверской государственный университет
Тверь, Россия*

Аннотация. В статье описывается словообразовательный тип, образованный производными именованиями лиц женского пола с суффиксом *-ин(я)*, а также рассматривается процесс усиления продуктивности данного типа в сфере образования окказионализмов в современном русском языке.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательный тип, мотивация, продуктивность словообразовательного типа, феминитив, окказионализмы.

**MOTIVATION OF FEMALE PERSONS OCCASIONAL NAMING
WITH THE SUFFIX -IN(YA) [-ИН(Я)] AS ONE OF THE ACTIVE PROCESSES
IN THE WORD FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Ksenia Lashina
ksenileni@gmail.com

*Postgraduate student
Tver State University
Tver, Russia*

Abstract. The article describes the word-formation type formed by derived nouns of female persons with the suffix *-in(ya)* [-ин(я)], and also examines the process of increasing the productivity of this type in the field of female persons occasional naming formation in modern Russian.

Keywords: word formation, word-formation type, motivation, productivity of word-formation type, feminitive, occasionalisms.

Известно, что язык не является статичной системой, а находится в постоянном развитии. Согласно Н.С. Валгиной, изменения в языке происходят благодаря

"заложенным в нём потенциям внутреннего характера, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального стимула" [2: 7]. В связи с этим стоит отметить, что словообразование, являясь наиболее подвижной системой русского языка, предполагает большое количество потенций, а критерии ограничения их реализации зачастую носят мягкий характер.

Исследователю необходимо учитывать данное обстоятельство при анализе продуктивности словообразовательных типов (СТ), так как ранее непродуктивный СТ может усилить свою продуктивность как благодаря процессам, проходящим внутри языка, так и под влиянием внешних факторов.

Появление большого количества новообразований – производных именований лиц женского пола – является одним из активных процессов, происходящих в современном русском языке. Стремительное увеличение количества именований сопровождается появлением большого числа окказионализмов (*авторка, адвокатесса, филологиня* и т.п.). Н.С. Валгина относит окказиональное словотворчество к одному из активных процессов современного русского языка и связывает его с удовлетворением потребности в ярком, эффектном и эффективном словоупотреблении, отмечая, что подобные слова возникают специально, под влиянием контекста и при особом коммуникативном задании [2: 151]. Другой исследователь активных процессов словообразования, в частности образования окказионализмов, Е.А. Земская выделяет два вида данных слов: 1) произведённые с нарушением законов системной продуктивности СТ; 2) произведённые по образцу типов непродуктивных или малопродуктивных в ту или иную эпоху [4: 240]. Ко второму типу можно отнести новообразования, мотивированные с помощью суффикса *-ин(я)*, представленного также вариантом *-ын(я)*.

Считается, что формант *-ин-/ын-* использовался для деривации именований лиц женского пола ещё в древнерусский период. Исследователь истории словообразования существительных Ю.С. Азарх приводит различные именования того времени, образованные при помощи данного суффикса: *богыни, грекины, инокины, княгини, монахины, рабыни, стрыини* ('жена стряля, дяди по отцу'), *салтаныни, чехини*. Зачастую этот суффикс применялся для образования производных от бессуффиксальных существительных мужского рода. Отметим, что представленные именования характеризуют женщин по социальному статусу, а также по национальности. В старорусский период семантика именований, образованных в соответствии с данным СТ, расширяется. В работе Ю.С. Азарх указаны следующие дериваты, зафиксированные в источниках данного периода: *другиня, ироиня* (от слова "герой") [1: 119]. Лингвист отмечает одну закономерность дистрибуции данного суффикса: он присоединяется к производящим мужского рода, оканчивающимся на *-инъ* (например: *господинъ – господыня*). Эту словообразовательную модель она считает малопродуктивной [там же: 117]. Заметим, что на основании приведённых выше примеров можно сделать вывод, что образование производных с данным суффиксом

фиксом не ограничивается указанной лингвистом словообразовательной моделью. Выявление других закономерностей является затруднительным. Часто суффикс *-ин/-ын-* употребляется, если производящее слово оканчивается на *г*, *к*, *х*. В соответствии с законом слогового сингармонизма после твёрдого согласного находился гласный непереднего ряда ([ы] – *богыня*, *рабыня*), а после мягкого согласного – гласный переднего ряда ([и] – *ироиня*). Однако данная закономерность тоже не исчерпывает всех вариантов реализации представленного СТ. При этом не вызывает сомнений, что с течением времени СТ снижает свою продуктивность. Возможно, это связано с конкуренцией с более продуктивным СТ, образующим производные с суффиксом *-их(a)*, так как условия его дистрибуции схожи (суффикс *-их(a)* также использовался при образовании производных от безаффиксных существительных мужского пола [там же: 118]). Однако эта гипотеза заслуживает более глубокого изучения.

Считается, что некоторое количество именований с суффиксом *-ин(я)* образовалось в эпоху правления Петра I в связи с ростом заимствований из немецкого и французского языков. Так, например, слово *графиня* (стар. *графыня*) было заимствовано из немецкого языка (*Gräfin*) и приобрело суффикс *-ын(я)* (далее *-ин(я)*) под влиянием уже имеющихся именований [10: 435]. Подобным образом в русском языке появилось слово *герцогиня*. Производные с суффиксом *-ин(я)* / *-ын(я)* находим в грамматике М.В. Ломоносова, написанной в 1755 г., (*княгиня*) [5: 472], а также в "Академической грамматике" 1802 г. (*монархиня*, *герцогиня*, *монахиня*) [7: 109]. Небольшое количество слов с данной морфемой, а также отсутствие описания СТ в представленных в грамматиках классификациях позволяет сделать вывод о его низкой продуктивности.

В "Грамматике русского языка" 1960 г. приводятся следующие примеры производных: *барыня*, *боярыня*, *героиня*, *графиня*, *инокиня*, *княгиня*, *монахиня*, *рабыня*, а также сделан вывод, что данный СТ является непродуктивным [3: 234]. В "Русской грамматике" 1980 г. суффиксу *-ин(я)* посвящен более подробный анализ. Указано, что слова с данным суффиксом мотивируются немотивированными существительными. Кроме уже представленных выше примеров, в "Грамматике" отмечены следующие производные: *врагиня* (устар. и шутл.), *сударыня*, а также приводятся сложения с компонентом *-лог* (*геологиня* разг., шутл.). Твёрдые согласные [г], [к], [х], [ф], находясь перед суффиксом *-ин(я)*, смягчаются, а мягкие [р'], [с'] затвердевают: *бог – богиня*, *граф – графиня*, *сударь – сударыня*. Отмечено, что данный СТ обнаруживает продуктивность только в разговорных, преимущественно шутливых образованиях: *шеф – шефиня*, *филолог – филологиня*, *петрограф – петрографиня* [8: 202–203].

Обратимся к анализу именований лиц женского пола, которые употребляются в настоящее время. Выборка, представленная на основании данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), не является исчерпывающей, однако на

её основании можно составить представление о некоторых особенностях мотивации суффикса *-ин(я) / -ын(я)*. Список сортирован по степени частотности слов. Знак "+", стоящий после слова, означает, что оно представлено в словарях (на основании данных "Сводного словаря современной русской лексики"). В НКРЯ обнаружены следующие именования (выборка ограничена вариантами, которые встречаются в текстах корпуса с 2000 г.): *героиня* (+), *княгиня* (+), *графиня* (+), *богиня* (+), *государыня* (+), *сударыня* (+), *монахиня* (+), *барыня* (+), *герцогиня* (+), *боярня* (+), *инокиня* (+), *филологиня* (-), *берегиня* (-), *схимонахиня* (+), *социологиня* (-), *хирургиня* (-), *шахиня* (+), *врагиня* (+), *биологиня* (+), *эрцгерцогиня* (+), *педагогиня* (-), *шефина* (-), *антигероиня* (-), *астрологиня* (-), *монархиня* (+), *психологиня* (-), *гинекологиня* (-), *географиня* (-), *геологиня* (+), *извергиня* (-), *лохиня* (-), *маркграфиня* (+), *полубогиня* (+), *полумонахиня* (-), *сверхгероиня* (-), *супергероиня* (-), *телегероиня* (-), *философия* (-), *фотография* (-), *химиня* (-) [6].

Таким образом, в указанном словаре можно найти 50% данных производных. Отметим также, что слово *врагиня* встречается в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова [9: 166], *биологиня* – в словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 70-х годов "Новые слова и значения" под редакцией Н.З. Котеловой [там же: 88], *геологиня* – в словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 60-х годов "Новые слова и значения" под редакцией Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина [там же: 216].

По мере уменьшения частотности слова снижается вероятность его включения в словарь. Оставшиеся производные именования не представлены в словарях, однако некоторые из них имеют зафиксированные в них варианты: *филологичка*, *педагогичка*, *географичка*, *химичка*. Семантика всех этих слов связана со сферой образования, считаем, что они образованы подобно другим популярным в школьном сленгте словам *психологичка*, *математичка* и т.п.

Существует мнение, что в рамках анализируемого СТ в настоящее время образуются преимущественно окказионализмы, содержащие компонент *-лог* [11: 283]. Однако данный компонент имеют только 5 незафиксированных в словарях именований из представленной выборки, что составляет 25% от общего числа таких производных. Несмотря на то, что выборка из НКРЯ не может содержать все возможные окказионализмы, появившиеся в сети Интернет за последнее время, мы можем сделать вывод, что данная тенденция является значимой, но не определяющей.

Именования лиц женского пола, мотивированные при помощи суффикса *-ин(я)/-ын(я)*, можно разделить на несколько семантических групп. Во-первых, это названия лиц по социальному статусу: *княгиня*, *графиня* и т.п. К данной группе относим окказионализм *шефина*. Вторую группу составляют именования лиц по профессии, преимущественно представленные производными с компонентом *-лог*: *психологиня*, *филологиня*, *педагогиня*, *географиня* и т.п. В третью группу входят

производные, обозначающие состояние, свойство, отношение: *богиня, врагиня, извергиня* и т.п. Отметим, что ранее суффикс *-ин(я)/-ын(я)* мог быть использован для именования лиц по национальности (*чехиня, болгарыня*), однако в настоящее время с его помощью слова данной семантической группы не образуются.

Образование производных именований лиц женского пола может быть реализовано в рамках данного СТ, если основа мотивирующего слова оканчивается на *-г* (*геолог – геологиня*), *-ф* (*граф – графина*). Реже, если основа оканчивается на *-х* (*монах – монахиня*), так как распространённым при подобных образованиях является использование словообразовательной модели с суффиксом *-к(а)*, реализуемой при чередовании *х/и*: *чех – чешка*. Непродуктивной является модель образования именований с суффиксом *-ын(я)* от производящих с основой на *-арь*: *сударь – сударыня*, так как большая часть таких производящих в настоящее время образует производные с суффиксом *-ш(а)*: *секретарь – секретарша* или феминитивы от них не образуются. Окказионализмы, мотивированные от существительных, которые оканчиваются на *-ин* (*барин – барыня*), в современном русском языке не обнаружены.

Таким образом, в настоящее время СТ, образованный производными именованиями лиц женского пола с суффиксом *-ин(я)*, является малопродуктивным. Однако, несмотря на то что большая часть словообразовательных моделей, реализуемых в рамках данного типа, в настоящее время является малопродуктивной, исследователи наблюдают рост окказиональных образований, мотивированных от именований с основой на *-г*. Тенденция к образованию при помощи данного СТ производных именований женского пола с компонентом *-лог* появилась во второй половине XX в. и сохраняет актуальность в настоящее время. Большинство из подобных именований лишь претендуют на нормативность, но это не означает, что устойчивая тенденция к образованию таких слов не приведёт к пересмотру границ литературной нормы в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М., 1984.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003.
3. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. – М.: Издательство академии наук СССР, 1960.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. – М.: Флинта : Наука, 2013.
5. Ломоносов М.В. Российская грамматика // М.В. Ломоносов Полное собрание

- сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739 – 1758 гг. / под ред. С.И. Вавилова. – М., 1952. – СС. 389–578.
6. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (Дата обращения 2.09.2023 г.).
 7. Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802.
 8. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980.
 9. Сводный словарь современной русской лексики: Т. 1 / под ред. Р.П. Рогожниковой. – М.: Рус. яз., 1991.
 10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. (А – Д) : пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1986.
 11. *Фуфаева И.В.* Как называются женщины: феминитивы: история, устройство, конкуренция. – М.: ACT: Corpus, 2020.

ИГРОВОЙ МЕДИАЗАГОЛОВОК КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Инесса Ивановна Новосельцева

navaseltsava.i@gmail.com

К.ф.н., доцент

Доцент кафедры белорусского и русского языков

Белорусский государственный экономический университет

Минск, Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются окказионализмы в медиазаголовках в аспекте языковой игры. Анализируются деривационные модели окказионализмов как средства оценки и усиления прагматического эффекта.

Ключевые слова: медиазаголовок, языковая игра, словообразование, оценочность.

THE LANGUAGE GAME OF MEDIA HEADLINE AS A MEANS OF EXPRESSING EVALUATION

Inessa Novoseltseva

navaseltsava.i@gmail.com

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Belarusian and Russian Languages

Belarusian State Economic University

Minsk, Belarus

Abstract. The article deals with occasionalism's of media headline in the aspect of language game. The derivational models of the occasionalism's are analyzed as a means of expressing evaluation and enhancing the pragmatic effect.

Keywords: media headline, language game, derivation, evaluation.

Феномен языковой игры как речевого механизма выражения оценки и экспрессии, эффективного средства воздействия прочно вошел в стилистику современного медиадискурса [4: 104]. Исследователь Л.В. Рацибурская констатирует, что "стремление воздействовать на сознание адресата становится в современных СМИ главенствующей установкой, определяющей качественные характеристики медий-

ного текста, и в частности медийного словотворчества" [6: 414]. Подвижность и раскрепощенность языка и стиля СМИ в первую очередь проявляется в использовании разнообразных приемов игрового словообразования, в намеренном нарушении лексико-стилистических ограничений. Нешаблонный, окказиональный заголовок является главным транслятором мировосприятия, вербального самовыражения, эмоций, оценок и когнитивных установок автора публикации, средством привлечения внимания и манипулирования сознанием и речевым вкусом читателя.

Материалом для анализа послужили окказиональные заголовки в информационно-аналитическом еженедельнике "БелГазета-OnLine", маркером коммуникативной стратегии которого является игра с формой и смыслом слова на разных уровнях языка.

Окказионализмы-глаголы (в основном отымённые) создаются по продуктивным языковым моделям и характеризуются негативной экспрессией и оценкой, что обусловлено значением и стилистическими нюансами мотивирующих слов, приставок и суффиксов, функциональной окраской слов-образцов, фоновым лексико-смысловым окружением в заголовке: "*Намаевались*" (№18, 2004; о майских праздниках), "*Нахостялем!*" (№27, 2012), "*Интеллектуалы наинтеллектуалили*" (№23, 2017), "*Заединили*" (№39, 2005), "*Запарафинило*" (№6, 2012), "*Железно занавесились*" (№11, 2012), "*Остаканились*" (№44, 2006), "*Найти и опрофсоюзить*" (№19, 2015), "*Особранились и оголились*" (№25, 2016), "*Все обгазились*" (№1, 2007), "*Облегчионились*" (№47, 2017), "*Отмастерили*" (№37, 2008; о конкурсе "Минский мастер"), "*Откредитовался*" (№4, 2012), "*Отпартнёрили Европу*" (№48, 2013), "*Отмодернизировали*" (№37, 2014), "*Попаразитируем?*" (№11, 2005), "*Поотъехали!*" (№42, 2009), "*Пофондировали*" (№10, 2011), "*Поконкурируйте мне тут*" (№9, 2017), "*Битконёмся?*" (№33, 2017), "*Смундиалили*" (№22, 2018), "*Недотунядили*" (№34, 2016), "*Допроцветались?*" (№22, 2017), "*Доэкспортоориентировались*" (№26, 2019), "*Девальвировали, девальвировали, да не выдевальвировали!*" (№10, 2020).

В процессе создания окказионализмов с аллюзией на социокультурный фон эффектно обыгрываются разные виды онимов: "*Минск толкиенулся*" (№12, 2002; о рекордном сборе просмотра фильма "Властелин колец" в кинотеатрах), "*Дорнули за живое*" (№13, 2012; о помещении в СИЗО председателя Иудейского религиозного объединения в Беларусь Ю. Дорна по обвинению в получении взятки), "*Отгиппократили*" (№1, 2014; о "срочной отправке" в отпуск фельдшера скорой помощи за петицию с требованием повысить зарплату врачам), "*Не догуторились*" (№1, 2013; о скандале в связи с заявлением футболиста А. Гутора о расторжении контракта с ФК "БАТЭ"), "*Нагосподарил*" (№26, 2017; о задержании банкира Г. Господарика в момент получения взятки; обыгрывается и значение белорусского слова с негативной окраской *нагаспадарыць* 'нахозяйничать'), "*Дуданулись*" (№35, 2018; размещенный Дональдом Трампом в твиттере снимок вызвал возмущение

польских политиков в связи с нарушением президентом Польши Анджеем Дудой диппротокола: соглашение о стратегическом партнерстве США и Польши Трамп подписывал сидя, а Дуда, улыбаясь в камеру, – стоя); "Шведов не отгонял расисты" (№22, 2010; о проигрыше футбольной сборной Беларуси в отборочных матчах на ЧМ в ЮАР), "Хельсинкнулось" (№29, 2017; об инициативе Беларуси "Хельсинки-2"), "Хавьернулось" (№11, 2013; о снежном циклоне "Хавьер", накрывшем Беларусь в марте 2013 г.), "Похиганили" (№40, 2014; о проведении в Минске фестиваля восточноазиатской культуры "Хиган").

Заменительная деривация – один из актуальных приемов создания сложных окказионализмов. Такие неодериваты всегда экспрессивно-оценочны, "так как в них происходит замена исходного компонента на компонент с ингерентной или адгерентной коннотацией", при этом "замена финальных фрагментов слова рождает эффект обманутого ожидания" [1: 40]: "Правдовед и душелюб" (№7, 2004), "Благообразие вместо разнообразия" (№41, 2004), "Радиомыло" (№8, 2005), "Налогообузданье" (№40, 2008), "Солнечная турнеожиданность" (№32, 2009), "Еврокликуши выпали в осадок" (№9, 2012), "Человеконедостача" (№50, 2013), "Щёконадувательство" (№36, 2015), "Тум-бала-ассамблея" (№49, 2016), "Политкомпот" (№4, 2018), "Трын-Трамп" (№23, 2018), "Здравоохранение" (№25, 2018), "Околобалтийский нефтеатракцион" (№35, 2018), "Победогон в режиме Герострата" (№5, 2020). Частотны в игре на снижение социально значимые слова автомобиль и импортозамещение: "Автомогильное шоу" (№18, 2005), "АвтоЯпония" (№2, 2012), "Автосерость в цвету" (№10, 2012), "Автосуррогат" (№19, 2012), "Импортопоглощение нашего ВВП" (№15, 2008), "ИмпортоЗвращение" (№36, 2012), "ИмпортоВозмущение" (№23, 2014), "Импортозамешательство" (№29, 2016).

Особую эмотивность приобретают и слова с меной начальной части, ассоциации с прототипом которой наполняют неодериват осложненным имплицитным смыслом: "Георгий Проблемоносец" (№7, 2004), "Банкоматотрясение" (№27, 2004), "Осеннее ценостояние" (№38, 2004), "Перс-конференция" (№28, 2005; от персы), "Великое крючкотворение" (№43, 2005), "Телевижсения" (№5, 2009), "Рейтингопад" (№11, 2011), "Сальдо-мортале" (№34, 2011), "Еврогеддон" (№21, 2012), "Медведеготовность №1" (№27, 2012), "Грекопадение ТВ" (№24, 2013), "Хламогенераторы" (№45, 2014), "Халявохранилище" (№35, 2015), "Хитровекторность" (№27, 2016), "Граблеведение" (№20, 2017), "Агрорестлинг без границ" (№31, 2017), "Мимотворцы" (№45, 2017), "Инвестиционное гвоздеприимство" (№4, 2019), "Площадь бюджетозависимости" (№33, 2020).

Игровые виды контаминации (междусловное наложение через тмезис, усечение части исходных слов или их полное совмещение) – самый востребованный в медиадискурсе способ словоизготовства для выражения негативных смыслов и оценок: "Телеевидение" (№29, 2003), "Евроненавидение" (№15, 2009); "Зна-

меуносец" (№11, 2012; знаменосец + унос), "*Вычиживший*" (№11, 2016; фамилия бизнесмена Ю. Чижка + выживший), "*Крестосносцы*" (№13, 2019; крестоносцы + снос); "*Ультиматом*" (№4, 2005; ультиматум + матом), "*Календурь*" (№19, 2006; календарь + дурь), "*И хочется, и калиется*" (№39, 2009; калий + колется), "*"Андропогенный" синдром*" (№4, 2010; от гр. андро (мужчина) + Андропов + генний), "*Облапоилили?*" (№1, 2010; облапошить + пошлина), "*Модернизадница*" (№51, 2012; модернизация + задница), "*Неадекватура*" (№12, 2013; неадекватность + адвокатура), "*Большой ядрёный халевдер*" (№45, 2014; халева + коллайдер), "*Патрияхт*" (№28, 2015; патриарх + яхта), "*Дикобраз Минобраза*" (№32, 2017; дикобраз ('архаика') + дикость + образ, Министерство образования + образ), "*Весы стабилимиды*" (№23, 2020; стабильность + Фемида); "*Мнефть*" (№1, 2010; мне + нефть), "*Трампотоп*" (№26, 2018; Трамп + потоп), "*Ираковая опухоль*" (№31, 2021; Ирак + раковая). Стилистически такие контаминаанты "носят аллюзивный характер: их правильная интерпретация зависит от знания явления, на которое "намекают" авторы статьи" [2: 79]. Экспрессивный смысл новаций может быть усилен значением прецедентных феноменов, понимание которых требует от читателя соответствующего культурного кругозора, и "прочитывается" лишь в контексте публикации.

Обыгрывание аббревиатур и полнозначных лексем на основе контаминации, псевдомотивации, капитализации, каламбурного столкновенияозвучных слов и в большинстве случаев – модификации прецедентных феноменов порождает графический окказионализм с экспрессивной социальной оценочностью, в котором совмещение смысла и преобразование формы исходных слов актуализирует его лингвопрагматическое и коннотативное наполнение, визуально-ассоциативный потенциал: "*ЖЭСтокий романс*" (№5, 2009), "*ПАСЕленеть от злости!*" (№25, 2009), "*Щедро отМЭРено*" (№47, 2010), "*нОВОСтрили уши*" (№42, 2011), "*КризЕС. Чем больна объединенная Европа*" (№32, 2013); "*Вопрос ЕБРРом*" (№20, 2004), "*Как ЕГУкнется, так и отклиknется*" (№30, 2004), "*ФБУхать по максимуму*" (№11, 2010), "*Горе от ГУМа*" (№30, 2013), "*ЧМачечая весна*" (№17, 2014), "*СШАх, какой момент!*" (№37, 2014), "*ЦИкова дюжина*" (№27, 2015), "*Калинка-МИДалинка*" (№20, 2016), "*СадоМАЗо*" (№44, 2016); "*БЛОГими намерениями*" (№24, 2009), "*ОБВАЛютились*" (№42, 2010), "*Переход КАЛИЧества в качество*" (№46, 2010), "*Интернет: ПРОКСИчески демократия!*" (№51, 2010), "*Чудеса ШЕНГЕНетики*" (№8, 2012), "*ЧЕРРИато пармезаном*" (№32, 2014); "*Последний всхлИП*" (№4, 2008), "*Мой ДОМен – моя крепость*" (№5, 2009), "*иСТОЧник дохода*" (№35, 2009), "*НаTУРпродукт*" (№10, 2011), "*Во ВТОром составе*" (№44, 2011), "*TУРнут из Европы*" (№10, 2012), "*Время ГИМНастов*" (№7, 2014), "*ЧЕКануться можно!*" (№29, 2017), "*Алкогольное ВОЗдержание*" (№22, 2018), "*ОСКАРомимся, други*" (№4, 2020).

Негативную оценочность приобретают графогибриды, созданные в процессе обыгрывания ключевой в социуме аббревиатуры СМИ: "*СМИркалось*" (№17,

2013), "Медицинское **СМИрение**" (№39, 2015), "Равняйсь, **СМИрно!**" (№15, 2018), "Время **СМИрных** и не очень" (№15, 2018), "Ставка на **СМИрных**" (№37, 2018). Оригинальностью отличается ироничная игра с антропонимами: "**ПМЖерар**" (№34, 2015; в интервью французскому журналу Жерар Депардье выразил желание переехать на ПМЖ в Беларусь после ее посещения), "**ТАЛЕРантный** момент" (№ 40, 2017; Ричард Талер за развитие поведенческой экономики стал Нобелевским лауреатом не по экономике, а по психологии).

Игра с иноязычными компонентами часто строится на основе трансформации прецедентных феноменов, межъязыковой омофонии, междусловного наложения и комбинированной графикации: "*Что-то спас'ятыю* моей стало..." (№21, 2006; о проблеме массовой рассылки рекламы без согласия получателя), "*На вы и shopотом*" (№ 32, 2010; об ужесточении требований к работе интернет-магазинов), "*Web-стоп, мы подошли из-за URLa...*" (№31, 2014; о хакер-атаках на аккаунты известных зарубежных политперсон), "*На повышенных TONax*" (№19, 2020; о запрете Комиссией по ценным бумагам и биржам США на реализацию блокчейн-проекта TON (Telegram Open Network) Павла Дурова).

Демократизация литературной нормы привела к тому, что в языковой игре на первое место часто выходит речевая вседозволенность и агрессия, эмотивы негативной семантики, снижение табуированности, а не творческое начало. СМИ, "отвечая на запросы общества по оценке происходящих в мире процессов, в погоне за лексико-стилевой броскостью все чаще не считают нужным придерживаться лингвоэкологических норм и социально-этических параметров коммуникации" [5: 33]. Многие новообразования лингвонеэкологичны и токсичны из-за "обыгрывания" в них моделей внелитературной сферы, стилистически неоднородной лексики и маркированных суффиксов, что вызывает ассоциации с пейоративными, инвективными и обсценными словами и фразами: "*Сам ты интеграст*" (№8, 2006), "*Не плебисцит*" (№38, 2006), "*Слегка стабилизнули*" (№46, 2008), "*Полный опоздец*" (№43, 2009), "*Полный ПАСЕц*" (№17, 2010), "*КИЗдец по закону*" (№28, 2010), "*И конфискуй с вами!*" (№9, 2013), "*ИПанулись*" (№19, 2014), "*Всё будет заеднись*" (№45, 2014), "*Бензопипец*" (№41, 2016), "*Хоккейнумая страна*" (№20, 2017), "*Снова наедалово*" (№34, 2017), "*Жесточайший либерализец*" (№42, 2017), "*Йопонутый приговор сбоит*" (№7, 2019). Вместе с тем, негативно-оценочное содержание таких окказионализмов "оголяет" проблемы, связанные с конфликтогенностью современного общества, существующим различием между официальным "позитивизмом" бытия и социально значимой реальностью.

Таким образом, сочетание в процессе создания окказионализма разнообразных приемов языковой игры усиливает эмоционально-смысловую составляющую всего медиаголовка. Прецедентные феномены "становятся формально-содержательными матрицами (моделями) для производства новых окказиональных слов" [3: 331], которые, "заимствуя значение притяжательности исходной модели,

включают в свою семантическую ауру и прецедентное высказывание, и иронию от столкновения образца и нового образования" [3: 328]. Игра с разными видами прецедентных феноменов стимулирует ассоциативное восприятие читателя, расширяет его интертекстуальный багаж и фоновые знания в процессе декодирования подтекста и осмыслиения оценок. В оккционализмах доминанты-эмотивы обусловлены установкой автора на критическую оценку (от иронии до уничижения) культурных, экономических и политических событий в социуме, поэтому большая часть новообразований наделена яркой негативной семантикой и коннотацией, что отражает тенденцию психологизации речи через сниженную вербальную экспрессивизацию коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильясова С.В.* Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвокинничности (на материале языка современных российских СМИ) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2020. – № 3(81) – СС. 39–45.
2. *Лаврова Н.А., Ботова Е.Ф.* К вопросу о структурно-семантических и функционально-типологических особенностях контаминации // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2021. – Т. 14, № 7. – СС. 76–81.
3. *Нефляшева И.А.* Оккциональное слово как явление постмодернистской эстетики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Научные редакторы В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп: Издательство "Магарин Олег Григорьевич", 2017. – СС. 324–346.
4. *Новосельцева И.И.* Графическая игра в заголовках еженедельника "БелГазета" // Язык в различных сферах коммуникации: материалы III Международной научной конференции. – Чита, 2019. – СС. 104–107.
5. *Новосельцева И.И.* Проблема лингвоэкологичности в экспрессивных заголовках белорусского медиадискурса // Современный дискурс-анализ. – 2022. – № 2(30). – СС. 26–34.
6. *Рацбурская Л.В.* Экспрессивные способы словообразования в современном медийном словотворчестве // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Научные редакторы В.И. Супрун, С.В. Ильясова. – Майкоп: Издательство "Магарин Олег Григорьевич", 2017. – СС. 414–422.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА *WEB* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лукаш Плесник

lukas.plesnik@osu.cz

K.ф.н., ст. преподаватель

Заместитель зав. кафедрой славистики

Философский факультет

Остравский университет

Острава, Чехия

Аннотация. В статье рассматривается лексический компонент *веб*, исследуется его семантика и словообразовательная активность в современном русском языке. Главное внимание уделяется данному компоненту в роли аналитического прилагательного. Словообразовательная активность лексического компонента *веб* демонстрируется на многочисленных примерах.

Ключевые слова: словообразование, аналитическое прилагательное, *веб*, русский язык.

WORD-FORMING ACTIVITY OF THE *WEB* LEXICAL COMPONENT IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Lukas Plesnik

lukas.plesnik@osu.cz

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer

Vice-head of the Department of Slavonic Studies

Faculty of Arts

University of Ostrava

Ostrava, Czech Republic

Abstract. The article deals with the *web* lexical component, its semantics and word-formation activity in the modern Russian language are studied. The main attention is paid to this component as an analytical adjective. The word-formation activity of the *web* lexical component is demonstrated by numerous examples.

Keywords: word-formation, analytical adjective, *web*, Russian language.

Введение

В современном русском языке встречается целый ряд лексических компонентов с высокой степенью словообразовательной активности. Данной активности способствуют, между прочим, процессы интернационализации и глобализации, главным источником и двигателем которых является английский язык. Именно он оказывает воздействие на все современные славянские языки, в том числе на русский язык. Среди лексических единиц с очевидным интернациональным потенциалом следует выделить лексический компонент (далее ЛК) *веб*, приобретший за последние десятилетия высокую степень употребления в разных сферах общения.

Теоретическое обоснование и цель исследования

Как отмечает Ю.А. Бельчиков, интернационализмы представляют собой "слова, совпадающие по своей внешней форме (с учётом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выраждающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трёх) языках" [1: 197]. Относительно интернациональной лексической единицы отмечаются такого рода определения также в других лингвистических словарях, ср. О.С. Ахманова [2: 180], В.Д. Старицёнок [3: 219–220], А.Н. Тихонов и Р.И. Хашимов (общ. ред.) [4: 376–378], Т.В. Жеребило [5: 123], А.М. Молдован (гл. ред.) [6: 212–213] и др. Присутствие интернационализмов в лексической системе языка способствует процессу интернационализации, которая представляет собой "появление в языке большого количества интернациональных единиц: слов, морфем, фразеологизмов, синтаксических конструкций; в лексике – научной, научно-технической, общественно-политической терминологии, что является следствием контактирования языков в рамках одного культурно-языкового ареала, проявлением тенденции к выработке единой шкалы ценностей в информационном обществе" [5: 123]. Интернациональный характер приобретает также исследуемая нами лексическая единица *веб*. Данный ЛК активно употребляется как в научно-технической лексике, так и в повседневном общении.

Наряду с тем как ЛК *веб* вошёл в активный словарный запас говорящих, появилась его фиксация в соответствующих лексикографических источниках. Своё отражение находит данный ЛК как в словарях иностранных слов, так и в толковых словарях современного русского языка. Среди словарей иностранных слов, фиксирующих ЛК *веб*, можно назвать "Новый словарь иностранных слов" Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой и И.В. Нечаевой [7: 162], "Словарь новейших иностранных слов" Е.Н. Шагаловой [8: 92–93] или "Современный словарь иностранных слов" Л.П. Крысина [9: 64]. Стоит отметить, что во всех указанных словарях ЛК *веб* фиксируется в качестве первой составной части сложных слов, обозначающей отнесённость

к сети Интернет. В толковых словарях данный ЛК не фиксируется, однако в "Большом толково-объяснительном словаре русского языка" Л.И. Скворцова, одном из новейших толковых словарей современного русского языка, появляются конструкции, образованные с помощью ЛК *веб*, ср. *веб-райтер* – 'литератор, размещающий свои произведения в Интернете на соответствующем сайте' (*проза веб-райтеров*); *веб-ридер* – 'читатель художественных произведений веб-райтера, сообщающий на его сайт в Интернете свои впечатления и замечания' (*иметь своих веб-ридеров*) [10: 210]. Отметим, что ЛК *веб*, который находится в препозиции по отношению к определяемому слову, выполняет в таких конструкциях функцию неизменяемого прилагательного. Такого рода неизменяемые прилагательные определяются в научной лингвистической литературе как аналитические прилагательные (далее АП). По словам Е.В. Мариновой, "аналитическим прилагательным считается неизменяющаяся языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному" [11: 628]. Отметим, что в русском языке наличие данного класса слов теоретически обосновал М.В. Паннов [12: 154–156; 13: 240–253], последующие аспекты функционирования АП освещались в работах русских и зарубежных лингвистов-русистов (Д.В. Бондаревский, Л.А. Ким, Е.В. Маринова; А. Бранднер, Й. Газда, Л. Плесник и др.). Конструкции, содержащие АП, называют аналитическими конструкциями (далее АК).

Ссылаясь на указанные выше сведения, сформулируем цель нашего исследования – дать полное семантическое определение ЛК *веб*, определить его в рамках класса АП и продемонстрировать его словообразовательный потенциал на примере многочисленных АК.

Исследование и результаты

ЛК *веб* происходит от англ. *web* (сокр. от *World Wide Web*), т.е. 'всемирная паутина' [8: 92]. Определяя данный ЛК с семантической точки зрения, следует подчеркнуть, что он встречается в русском языке в формах двух частей речи: или в форме имени существительного, или в форме имени прилагательного, точнее неизменяемого прилагательного, т.е. АП. В форме имени существительного: "сервис в интернете, позволяющий просматривать тексты через систему связывающих их ссылок" [8: 92]; ср. *Нужно было перевести значительную часть операций в цифру, предоставить клиентам и партнёрам веб и мобильные интерфейсы взаимодействия, создать предпосылки для использования технологий искусственного интеллекта и больших данных.* (Ведомости 2021/07/05). В форме АП: "обозначает отнесённость к вебу" [8: 92]; ср. *В документе говорится, что мониторинг будет проходить на киберкриминальных форумах, в Telegram-каналах, чатах, мошеннических блогах, на веб-сайтах и новостных ресурсах.* (Ведомости 2021/11/13).

Сравнивая ЛК *веб* в качестве имени существительного и в качестве АП,

мы приходим к выводу, что преобладающей формой является форма АП. ЛК *веб* в форме АП пользуется высокой словообразовательной продуктивностью. Он образует многочисленные АК, в составе которых выступает в препозиции и выполняет атрибутивную функцию по отношению к определяемому существительному.

Обоснование высокой словообразовательной продуктивности ЛК *веб* даёт целый ряд АК, имеющихся в словарном составе современного русского языка. "Русский орфографический словарь" под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой [14: 71–72] фиксирует 80 АК, содержащих ЛК *веб*, ср. *веб-анимация, веб-архив, веб-документ, веб-издатель, веб-комплекс, веб-контент, веб-навигация, веб-объект, веб-папка, веб-представительство, веб-программист, веб-публикация, веб-ресурс, веб-служба, веб-студия, веб-страница, веб-трансляция, веб-трафик, веб-хостинг, веб-чат* и др. Преобладающее большинство АК фиксировано с помощью дефисного написания, за исключением двух примеров, ср. *веблог, вебмейкер*.

Высокую продуктивность ЛК *веб* при образовании АК подтверждает также русский "Викисловарь" [15], фиксирующий всего 31 АК, ср. *веб-адрес, веб-браузер, веб-версия, веб-издательство, веб-интерфейс, веб-камера, веб-комикс, веб-конференция, веб-портал, веб-проект, веб-пространство, веб-редактор, веб-решение, веб-рынок, веб-система, веб-страница, веб-серфер, веб-серфинг, веб-таксофон, веб-услуги* и др. Помимо графически закреплённой формы *веб*, которая является нормативным написанием, словарь отмечает также форму *вэб*, однако с примечанием, что данное написание уже не соответствует ныне действующей норме (указана стилевая помета *устар.*), ср. *вэб-сайт, вэб-страница*. В "Викисловаре" большинство АК записываются тоже через дефис, исключение составляют лишь единичные примеры, ср. *вебкам, вебкамщик, вебкамница*.

Сходным образом можно продемонстрировать высокий словообразовательный потенциал ЛК *веб* на материале Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). В рамках нашего исследования мы воспользовались Газетным корпусом НКРЯ (центральные СМИ) [16], так как он содержит на данный момент самое высокое количество текстов и слов (прибл. 2,5 млн текстов и 790 млн слов). Газетный корпус НКРЯ (центральные СМИ) фиксирует всего 5 431 текст, содержащий ЛК *веб* с 7 342 отдельными примерами. Среди встречающихся в корпусе примеров есть много АК, указанных нами выше, ср. *веб-браузер, веб-версия, веб-камера, веб-контент, веб-портал, веб-ресурс, веб-сайт, веб-сервис, веб-страница, веб-трансляция* и др. Наряду с ними появляются также новейшие АК, которые в словарях пока не зафиксированы. К числу такого рода АК можно отнести *веб-скрейпинг*, ср. Это в том числе информация из данных онлайн-касс, государственной системы маркировки товаров (ГИС МТ) и информации, полученной путем веб-скрейпинга (технология просеивания веб-страниц) или на основе мониторинга онлайн-продаж. (Ведомости 2021/12/28); *веб-связь*, ср. При рассмотрении дел об административных правонарушениях следует разрешить участие в судебных заседаниях по веб-свя-

зи, считает председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев. (Ведомости 2021/05/25); веб-гигант, ср. В ноябре 2018 г. агентство Bloomberg опубликовало статью под заголовком: "Почему в России еще нет веб-гиганта, подобного Amazon?" (Ведомости 2021/02/24); веб-сериал, ср. Комедия, основанная на одноименном веб-сериале, по итогам пятого уикенда заработала еще 16,2 млн рублей. (Vesti.ru 2020/12/14); веб-история, ср. Предлагаемые Google "веб-истории" (Web Stories) – это альтернатива тем, что имеются в Instagram, Facebook или "ВКонтакте". (Vesti.ru 2020/10/07).

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, можно констатировать, что словообразовательная активность ЛК *веб* очень высока. Данный ЛК приобретает в современном русском языке как форму имени существительного (исходная форма), так и имени прилагательного, представляющего собой неизменяемое, т.е. аналитическое прилагательное. ЛК *веб* в форме АП является основной строительной составляющей многочисленных АК, встречающихся как в области научно-технической терминологии (прежде всего ИТ-сфера), так и в общественном дискурсе. За последние десятилетия закрепился в словарном составе современного русского языка целый ряд АК, которые уже фиксируются в словарях (*веб-навигация, веб-программист, веб-служба*), однако наряду с ними появляются также новые, в словарях пока не фиксированные АК (*веб-скрейпинг, веб-гигант, веб-сериал*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю.А. Интернационализмы // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2016 (1966).
3. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
4. Тихонов А.Н., Хашимов Р.И. (общ. ред.) Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. Т. 1. – М.: Флинта, Наука, 2008.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: ООО "Пилигрим", 2010.
6. Молдован А.М. Русский язык. Энциклопедия. – М. АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
7. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. – М.: ООО Изд. центр "Азбуковник", 2008.
8. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. – М.: "Словари XXI века", 2017.

9. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. – М.: "Словари XXI века", 2020.
10. Скворцов Л.И. Большой толково-объяснительный словарь русского языка. Т. 1. – М.: Мир и Образование, 2020.
11. Маринова Е.В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Вып. № 4 (2). – Нижний Новгород: Изд. ННГУ, 2010. – СС. 628–630.
12. Панов М.В. (ред.) Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968.
13. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Филин Ф.П. (отв. ред.) Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского. – М.: Наука, 1971. СС. 240–253.
14. Лопатин В.В., Иванова О.Е. (ред.) Русский орфографический словарь. – М.: "Словари XXI века", 2015.
15. Викисловарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org> (Дата обращения 15.08.2023 г.).
16. Национальный корпус русского языка. Газетный корпус (центральные СМИ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (Дата обращения 15.08.2023 г.).

ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ СУБСТАНТИВАТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аршак Геворкович Саркисян

gevrobsar@yandex.ru

К.ф.н., доцент

Профессор honoris causa

Доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет

Ереван, Армения

Аннотация. На основе свыше 770 единиц substantivized адъективного типа склонения исследуются семантические отношения между существительными, которые совпадают по звуковому оформлению и являются (естественно, не все) компонентами топонимов. Рассматриваются семантические группы substantivators (в компонентах топонимов) в ойконимах.

Ключевые слова: топонимы, компоненты-субстантиваты, функционирование.

OTOPONYMIC SUBSTANTIVES IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Arshak Sargsyan

gevrobsar@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Professor Honoris Causa

Associate Professor at the Department of the Russian Language

and Professional Communication

Institute of Humanities

Russian-Armenian (Slavonic) University

Yerevan, Armenia

Abstract. Based on over 770 units of substantivized adjectives, the semantic relations between nouns of the adjectival type of declension and adjectives that coincide

in sound design and are (naturally, not all) components of toponyms are investigated. Semantic groups of substantivates (in components of toponyms) in oikonyms are considered.

Keywords: toponyms, substantive components, functioning.

Е.А. Земская, труды которой стали классикой русского словообразования, выделяет лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический способы словообразования [8: 176–179]. Заметим, что она считает субстантивированные прилагательные существительными, именующими лицо по признаку, названному основой производящего прилагательного [там же: 291]. Субстантивация как результат морфолого-синтаксического способа является продуктивным и актуальным направлением неморфологического словообразования современного русского языка. Результатом субстантивации прилагательного в русистике принято называть существительное адъективного склонения – *субстантиват*.

Авторы учебника "Современный русский язык" под ред. В.А. Белошапковой утверждают, что при субстантивации "парадигма прилагательного или причастия преобразуется: 1) количественно – существительное сохраняет лишь часть "прилагательной" парадигмы (формы одного из трёх родов или формы мн. ч.) и 2) качественно – согласовательные флексии прилагательного или причастия преобразуются в независимые аффиксы существительного (*мясное, бобовые, ванная*)" [12: 317].

За последние полвека лингвисты обращались к анализу разнообразных аспектов изучения субстантивации, появилось огромное количество сопоставительных работ по субстантивации прилагательных.

Среди объектов номинации в любом языке большой пласт составляют топонимы. Вне всякого сомнения, что число *русских топонимов с компонентами-прилагательными* составляет огромное количество (здесь и далее в целях экономии места будет приводиться по одному примеру – А.С.): город *Верхний Тагил* (Свердловская обл.), *Белое море*, *Татарский пролив* (Сахалинская обл.) и др.

Вторая часть составного топонима обозначается родовым географическим термином (*река, озеро, остров* и т.д.). Следует отметить также грамматическую и орфографическую "неразбериху" в таких географических названиях: порядок слов в такого рода словосочетаниях (*Черное море* или *море Черное*); компонентный состав (*Каспийское море* или *Каспийское*); колебания в написании (*Остров Святой Елены* и *Остров святой Елены*) [10: 310].

В английской географической терминологии всеми признается список "греческих и латинских корневых слов", представленный в Приложении I второго тома "Словаря общегеографических терминов" Л. Дадли Стампа [13: 353–368], многие из которых входят в состав англоязычных топонимов. Заметим в скобках,

что там же представлены и 26 слов из русского языка, например, *Step* и др. [там же: 379].

Специалисты по немецкому языку выделяют так называемые полуаффиксы (проф. М.Д. Степанова) [11: 12–14] (полупрефикс *hoch* – высокий; полусуффикс *reich* – богатый и др.), которые широко используются в терминологии немецкоязычной физической географии [там же: 529–530]. В русской (и немецкой) лингвистике словообразование уже более полувека завоевало себе "место под солнцем". В 1959 г. акад. Н.М. Шанский ввел в русистику термины "аффиксоид", "префиксоид" и "суффиксоид", которые являются компонентами сложного слова и которые близки по своей словообразовательной роли к аффиксу и имеют схожее значение во многих словах [14: 96–97; 106–107]. И до, и после Шанского обращались русисты к этой проблеме, называли эти элементы по-разному, однако предложенный им термин нам представляется более приемлемым. Отметим, что словарь "Аффиксоиды русского языка" [1] включает 791 префиксоид и 204 суффиксоида (станция *Авиамоторная*, линия Московского метрополитена; город *Оренбург* и др.). Для полноты охвата приведем также список нескольких элементов русскоязычных ойконимов: *влад* – (Владивосток); *град* – (Волгоград); *горск* – гора (г. *Магнитогорск*); *дар* – (г. *Краснодар*); *рецк* – река (г. *Сестрорецк*); *соль* – (г. *Сольвычегодск*, Архангельская обл.) *уть* – устье реки (г. *Усть-Каменогорск*); *ям* – ямской, почтовый (*Ям-Тёсово*, деревня в Ленинградской обл.); *яр* – крутой, возвышенный берег (г. *Красноярск*) и др.

О необходимости прямого порядка слов в русских двучленных топонимах говорит Н.А. Дубовой в работе "Замечания о топонимах-прилагательных в русской речи": "В русском языке согласованное определение обычно ставится перед определяемым словом – это и есть обычный (прямой) порядок слов, то есть в нейтральной речи следует говорить и писать: по *Ладожскому озеру*, на *Русском острове*. В противном случае вместо фразы "на Лысом холме сфотографировался" можно получить "на холме Лысый сфотографировался" [5: 229–234]. Инверсионный порядок в двухкомпонентных топонимах (сначала родовой географический термин, затем именная часть) Н.А. Дубовой объясняет влиянием военной топографии [там же]. В отношении к субстантивации прилагательных в составе топонимов он говорит и о так называемой "контекстуальной субстантивации – переходе прилагательного в существительное только в пределах данного контекста. Если текст озаглавлен *Телецкое озеро*, то слово *озеро* уже не обязательно употреблять при всяком упоминании *Телецкого озера*, так как контекст задан заголовком; вполне допустимо внутри текста сказать *плыть по Телецкому*" [там же].

Русисты определенно говорят о субстантивации топонимов-прилагательных применительно к *ойконимам* [там же], к коим относятся названия населенных пунктов: город *Волжский*, село *Никольское* и др., а также названия железнодорожных станций и станций метро (станция *Рижская* Московского метрополитена,

станция Лазаревская Северо-Кавказской ж/д, станица Вёшенская (Ростовская обл.) и др.).

Известно, что русские и другие славянские топонимы на **-ов(о), -ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о)** ранее склонялись (см. *Недаром помнит вся Россия про день Бородина!* М.Ю. Лермонтов; *История села Горюхина* А.С. Пушкин). Но за последние полвека появились несклоняемые словоформы с указанными финалями. Авторитетнейший словарь вариантов, изданный почти 50 лет назад, в подпункте а) "Варианты склоняемых и несклоняемых форм географических названий" главы "Склоняемость" говорит о преобладании в соотношении 80,43 % / 19,57 % склоняемости/несклоняемости [4: 138–141]. Авторы, поскольку говорят о топонимах, считают, что именно в "профессиональной речи военных и топографов укоренился обычай географические наименования употреблять в исходной форме (несклоняемой)" [там же: 140]. Следует отметить, что в академической Гр-80 зарегистрирована форма употребления несклоняемых форм топонимов на **-ово, -ево и -ино, -ыно** [3: 505–506]. Л.А. Вербицкая говорила о свободном употреблении в 2000-ых обоих вариантов – склоняемом и несклоняемом [2].

И, наконец, в работе о русском языке мы не можем не указать на субстантиват **эндоэтноним** *русский*, который возник от двусоставного сочетания *русские люди* [6: 86]. Много топонимов с таким компонентом представлено и на карте Российской Федерации (*Русская Гавань* залив в Архангельской обл.; *Русская Караболка* село в Челябинской обл.; *Русская Теча* село в Челябинской обл.; остров *Русский* в Приморском крае; полуостров *Русский Заворот* в Баренцевом море и др.).

Однако следует отметить, что известный ономатолог А.В. Суперанская называла субстантиваты в топонимических единицах **эллиптическими фразами**: "...В русском языке *ее* [субстантивации – выделение автора], по-видимому, нет в топонимах-прилагательных, которые всегда ассоциируются со своим родовым определяемым (река, гора и т.д.), и названия рек типа *Быстрая, Светлая, Черная* должны скорее расцениваться не как субстантивированные прилагательные, а как **эллиптикованные** [усеченные] определительные фразы типа *Быстрая река*" [цит. по 5: 229–234].

Из "Грамматического словаря русского языка" А.А. Зализняка [7] нами были отобраны субстантиваты (выборка составила **779 единиц**) и произведены подсчеты. Описанные семантические группы субстантивированных прилагательных составляют чуть большее количество групп, отмеченных В.В. Лопатиным [9: 205–232].

Представим зарегистрированные нами субстантиваты всех трех родов и pluralia tantum, распределив их в семантические группы, и приведем от каждой группы по несколько примеров.

223 субстантивата женского рода с флексией **-ая** [7: 789–791]: *ординаторская, чебуречная, содовая, камаринская; костюмерная, синенькая* ‘пятирублевая

ассигнация', гончая; набережная и др.

64 субстантивата мужского рода с флексией **-ой** [там же: 327–338]: мастеровой, мнимобольной, худой, скупой, душевнобольной, ковшевой, связной, родной и др.

403 субстантивата мужского рода с флексией **-ый** [там же: 338–339]: участковый, умалишённый, узколобый, каторжный, расчётовый, толстый, бравый, меднолобый, загорелый, юный, трусливый, безродный, милый и др. Из русских колоризмов к числу подобных субстантиватов относятся белый/ые, красный/ые и некоторым образом коричневый/ые ‘относящийся к фашистской партии’. Отдельно стоят названия военных и невоенных кораблей, например, корвет “Сообразительный”.

65 субстантиватов среднего рода с флексией **-ое** [там же: 268]: рейнское, существительное, холодное, казенное, вражье и др.

Следует отметить, что все субстантиваты, кроме принадлежащих к разряду pluralia tantum, изменяются по родам и числам.

24 субстантивата мн. числа с флексией **-ые** [там же: 271]: это семантическая группа в форме pluralia tantum чаевые, родные, яровые. Три группы имеют формы и ед. ч., и мн. ч.: белый/белые, новобрачный/новобрачная/новобрачные, позывной/позывные. К этой же семантической группе относятся субстантиваты красно-коричневые (мн. ч.) – ‘пропагандистское клише, подразумевающее объединение коммунистических и крайне правых (фашистских, нацистских и т.п.) сил и/или идеологий’; зеленые (мн.ч.) ‘члены партии Зеленых’ и пр.

Эти и другие аспекты изучения субстантивированных прилагательных в отдельности чрезвычайно важны и достойны подробного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аффиксоиды русского языка. Словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://affixoid.ilink.spb.ru/search?f%5B0%5D=type%3A1> (Дата обращения: 01.08.2023 г.).
2. Вербицкая Л.А. О склонении топонимов, оканчивающихся на **-ово**, **-ево**. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.guestbook.spbu.ru/dekany-spbgu/verbitskaya-lyudmila-alekseevna/4888-o-sklonenii-toponimov-okanchivayushchikhsya-na-ovo-evo.html (Дата обращения: 01.08.2023 г.).
3. Русская грамматика (Гр. 80). В 2-х тт. Т.1. – М.: Наука. 1980. – СС. 505–506.
4. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М.: Изд-во “Наука”, 1976. – 456 с.
5. Дубовой Н.А. Замечания о топонимах-прилагательных в русской речи // Румянцевские чтения-2014. Ч. 1.: Материалы междунар. науч. конф. (15–16 апреля

- 2014): [в 2 ч.] / Российская гос. б-ка. – М.: Пашков дом, 2014. – СС. 229–234.
6. Евстигнеев Ю.А. Российская федерация. Народы и их подразделения: Краткий этнологический справочник. – СПб: Изд-во С. – Петербургского университета, 2003. – С. 86.
 7. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. – 2 изд., стереотип. – М.: Рус. яз. 1980. – 880 с.
 8. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 328 с.
 9. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967. – СС. 205–232.
 10. Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? – М.: Рус. яз., 1985. – С. 310.
 11. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. / А.Н. Зуев. И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; Под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979. – СС. 13–14; 529–530.
 12. Современный русский язык: учебник. / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Выс. шк., 1989. – СС. 308–318.
 13. Стами Л. Дадли. Словарь общегеографических терминов. Пер. с англ. London, 1961. В 2-х тт. Т. 2. М.: Изд-во "Прогресс". 1976. – 396 с.
 14. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1959. – 248 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ "ТЕКСТ" И "ДИСКУРС" В ЛИНГВИСТИКЕ

Валентина Ивановна Саямова

visayamova@yandex.ru

Ст. преподаватель кафедры русского языка №1

Подготовительный факультет по обучению иностранных граждан

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России

Ростов-на-Дону, Россия

Тамара Васильевна Олешко

oleshko_t_v@mail.ru

Преподаватель

Подготовительный факультет по обучению иностранных граждан

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России

Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье описываются понятия "дискурс" и "текст", которые в лингвистике рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия, широко применяемые в коммуникации; анализируются их образы, содержание, употребление в различных языковых ареалах, представленных ранее в исследованиях В.З. Демьянкова.

Ключевые слова: дискурс, текст, взаимосвязанные, взаимообусловленные понятия, речевая деятельность, языковой ареал.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF "TEXT" AND "DISCOURSE" IN LINGUISTICS

Valentina Sayamova

visayamova@yandex.ru

Senior Lecturer at the Russian Language Department № 1

Preparatory Faculty for Teaching Foreign Citizens

Rostov State Medical University

Rostov-on-Don, Russia

Tamara Oleshko
oleshko_t_v@mail.ru

Lecturer
Preparatory Faculty for Teaching Foreign Citizens
Rostov State Medical University
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article discusses the definitions of the concepts of discourse and text as interrelated and interdependent, widely used in communication, analyzes their images, the content of the concepts of use in various language areas presented in the studies of V.Z. Demyankov.

Keywords: discourse, text, interconnected, interdependent concepts, speech activity, language area.

Введение. В последние годы XX в. и начала XXI в. понятия "дискурс" и "текст", теория и практика которых по своей природе объединяют разные гуманистические науки, играют огромную роль в коммуникации, широко изучаются в лингвистических исследованиях, доказывающих, что их следует рассматривать как взаимосвязанные и взаимообусловленные. Определение и трактовка "дискурса" и "текста" до сих пор остается в центре внимания современных научных дискуссий. Лингвистика текста активно развивается в нескольких направлениях в соответствии с основными научными парадигмами современного языкоznания. В Большой советской энциклопедии (БСЭ): "Текст – слова, предложения в определенной связи и последовательности, образующие какое-л. высказывание, сочинение, документ и т.д., напечатанные, написанные или запечатленные в памяти" [2]. Известно, что в процессе речевой деятельности на предвузовском этапе обучения иностранные учащиеся используют "текст" (учебный, научный, креолизованный, электронный) в качестве основной коммуникативной единицы. Как правило, традиционный учебный текст, основу которого составляет коммуникативная преемственность предложений, принадлежит преимущественно к письменной форме речи; состоит из ряда предложений, расположенных в определенной последовательности, объединенных общим смыслом и структурой, способных передавать его главную мысль. Особенностью традиционного текста является целостность и связность. В зависимости от назначения речи и ее смысла выделяют следующие функционально-смысловые типы учебных текстов: описание, повествование, рассуждение, доказательство, определение понятия, сообщение.

Рассмотрим точку зрения нидерландского учёного Т.А. ван Дейка, которому в современном языкоznании принадлежит приоритет в описании дискурса: "...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста,

ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста" [4]. Культурно-ситуативное понимание дискурса раскрывается в содержании определения, данного в "Лингвистическом энциклопедическом словаре", где *дискурс* определяется: "1) как связный текст в совокупности с экстралингвистическими, pragматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; 2) как текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие; 4) как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (в когнитивных процессах)" [8]. Определение В.Г. Борботко: "Дискурс как текст с привнесением новой информации (оппозиция между дискурсивными и рекурсивными высказываниями)" [3: 48]; определение Н.Д. Арутюновой: "Дискурс как общение посредством текста, как текст + коммуникативно значимые обстоятельства его реализации" [1: 136–137]; по О.Б. Сиротининой: "Дискурс – это речь, погруженная в жизнь" [9: 105–124].

Широкая панорама исследований категорий и терминов "текст" и "дискурс" в лингвистике представлена в работах ученых, среди которых: Е.И. Мотина, Т.И. Капитонова, А.И. Кудряшов, А.Н. Щукин, А.А. Леонтьев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.К. Пичугина, С.С. Куклина, Е.Д. Исаева, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Р.А. Черемисинова, А.Ю. Попов, А.К. Хурматуллин, Е.С. Кубрякова, Т.М. Николаева и многие другие.

Исследования В.З. Демьянкова. Результаты. В.З. Демьянков в своей статье "Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка" подробно анализирует их образ, понятие, содержание и частоту употребления в различных ареалах: в родном романском, чужом германском, чужом русском ареалах, а также словоупотребление в XX в. вплоть до начала XXI в. Исследования, проведенные В.З. Демьянковым ([5: 239–320], [6: 34–55], [7: 86–95]), показали, что в русском и западноевропейских языках некоторые лексические единицы употребляются и как термины, и как обычные слова в обыденной речи. Так, термин "текст" несет в себе образ "сотканной материи со своими переплетениями"; а у термина "дискурс" до сих пор сохраняется образ "челночной процедуры или "перебегания" от одной точки в мысленном пространстве к другой" [5: 34]. "Discursus" – производное от "discurro" – "бегать в разные стороны, растекаться, распадаться, распространяться", – лишь в переносном смысле имеет значение "рассказывать, излагать". (Сравните с русским образом "пространной речи, растекающейся по древу").

В период средневековой латыни у Фомы Аквинского (1226–1274), который очень часто употреблял основу "discurs" и гораздо реже основу "text" со значением "текст" (нередко встречаем "contextus"), несомненно, имеется в виду "разговор-размышление" [5: 239–320]. В работах Фомы Аквинского встречается также прилагательное "дискурсивный" и от него образование нового слова "дискурсивно", ставшее популярным в немецкой классической философии, особенно начиная с работ

И. Канта.

Результаты проведенных исследований иллюстрируют тот факт, что слово "текст" используется в русском языке, начиная с XVIII в. Так, М.В. Ломоносов текстом иногда называл разновидность речи ("Краткое руководство к красноречию". Кн. 1. 1748г.). Только на границе XVIII и XIX вв. встречаем и "дискурс", и "текст", причем последний доминирует. В русском ареале, как пишет В.З. Демьянков, "дискурс означает "устный монолог". "Текст" же употребляется в издательском контексте и в некоторых значениях, например, 1) как последовательность письменных знаков; 2) как озвученная цитата из какого-либо источника, из Священного Писания, народного творчества и т.п.; 3) как сочетание буквы, звука и смысла в чужой речи [5: 239-320]. В XIX в. превалирование слова "текст" в художественных произведениях А.Н. Герцена, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского и в "издательском" контексте становится очевидным. Слово "дискурс" можно найти в работах Н.С. Лескова в значении "связный, довольно пространный (устный) монолог-рассуждение"; в области познания – как понятие "интуитивное", которое противоположно "дискурсивному". Интересным представляются наблюдения В.З. Демьянкова о том, что на границе XIX–XX вв. слово "дискурс" из языка художественной литературы уходит полностью, его заменяют "речь, слова, разговор". Зато производное "дискурсивный" становится модным в речи гуманитариев. Вплоть до середины XX в. и начала XXI в. термин "дискурс" употребляется реже производного "дискурсивный". Звездный час лексем "дискурс", "дискурсивный" и "дискурсия" пробил в эпоху постмодерна.

Исследователь предлагает следующее описание понятия: "*Текст*" можно определить как вербальную составляющую коммуникации, т.е. не включающую парalingвистические и невербальные части сообщения". На основании данного определения проводит рассуждение о механизме порождения и свойствах интерпретированного текста. "Текст" как таковой и его языковые элементы "обладают смыслом", поскольку "интерпретируются читателями или слушателями, опирающимися на знание мира". Этот "целостный интерпретированный текст" включает "логические выводы", производимые читателем или слушателем и не всегда замеченные самим автором". Интерпретация каждой части возможна благодаря "связности, смысловой целостности" всего текста, в результате чего осуществляется "погружение данного текста в деятельность, обычную для конкретной культуры", и получение оформления текста благодаря этой деятельности" [7: 86-95].

Исследователь отмечает следующие свойства текста, выявляющие взаимозависимость между использованием языковых единиц и целевыми установками говорящих, то есть выявляющие прагматику текста, которая рассматривает отношение знаков к их интерпретаторам или пользователям: "1) у текста есть иерархические отношения, распознаваемые интерпретатором и позволяющие ориентироваться в тексте, а также предопределяющие интерпретацию его частей; 2) значение каждого отдельного предложения выводится, в том числе, из значения предыду-

щего текста; 3) текст может быть понят при условии, что интерпретатор в состоянии запоминать и использовать информацию и логические выводы, полученные при чтении предшествующего текста; 4) эта хранящаяся информация позволяет уменьшить число интерпретаций каждого последующего предложения текста; 5) предложения в тексте связаны между собой и обладают "конвекцией" [7: 86–95].

Слово "дискурс" в современном русском языке стало термином класса "речь". В лингвистической литературе "дискурсом" чаще всего называют "речь" (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора". Интересным представляется следующее наблюдение: "Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации". В результате определяется коммуникативная цель каждого предложения, "выясняется драматургия всего дискурса". По ходу интерпретации исследователь рассуждает о механизме воссоздания *мысленного мира*, в котором автор конструировал дискурс и описывал реальное и желаемое, в том числе, нереальное положение дел. Этот мысленный мир включает характеристики действующих лиц, описание событий и явлений, а также *домысливаемые интерпретатором* детали и оценки, что позволяет исследователю внести уточнение в описание текста: "*Текст – не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса*" [7: 86–95].

Интересными представляются выводы В.З. Демьянкова о соотношении понятий "текст" и "дискурс": "Итак, прототипический текст – **предмет**, а прототипический дискурс – **процесс**, как этого и требует их этимология. Поэтому "текст" остался словом *обыденного языка*, а "дискурс" стал и остается специальным термином наук о человеческой духовности".

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс. / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – СС. 136–137.
2. Большая советская энциклопедия (БСЭ). – Изд-во: Советская энциклопедия. Гл. редактор А.М.Прохоров, 1970.
3. Борбелько В.Г. Элементы теории дискурса. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. / Т.А. ван Дейк. Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
5. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 1995. – СС. 239–320.
6. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. //

- Язык. Личность. Текст: Сборник к 70–летию Т.М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова. – М.: Языки славянских культур, 2005. – СС. 34–55.
7. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. // Архивная копия от 26 сентября 2009 г. на Wayback Machine // IV Международная научная конференция "Язык, культура, общество". – Москва, 27-30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. – М.: Московский институт иностранных языков; Российской академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал "Вопросы филологии", 2007. – СС. 86-95.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В.И. Ярцева. М.: Научное Изд-во "Большая российская энциклопедия", 2002. – СС. 507.
9. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды (по И.А. Стернину), дискурсы в зоне разговорной речи. // Человек–Текст–Культура, Екатеринбург, 1994. – СС. 105–124.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВФЕМИЗМАХ
СО ЗНАЧЕНИЕМ НАМЕРЕННОГО ПРЕУМЕНЬШЕНИЯ**

Ольга Борисовна Трубина

olga.palladio@mail.ru

K.ф.н.

Доцент кафедры русского языка

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

Аннотация. Языковое конструирование реальности, эвфемия как инструмент человеческой коммуникации все чаще обращают на себя внимание исследователей. Актуальным становится вопрос об изучении такого языкового феномена как эвфемизм, эвфемистическая функция, исследование механизмов эвфемизации, того как при этом формально редуцируется денотат. На наш взгляд, нарочитое преуменьшение в эвфемистической функции актуально в современной коммуникации и используется в том числе и в деловом дискурсе с различными коммуникативными целями.

Ключевые слова: эвфемизмы, эвфемизация, литота, денотат, коннотация.

**ON THE QUESTION OF EUPHEMISM
WITH THE MEANING OF INTENTIONAL MITIGATION**

Olga Trubina

olga.palladio@mail.ru

Candidate of Philological Sciences

Associate Professor at the Department of the Russian Language

Russian State Humanitarian University

Moscow, Russia

Abstract. The linguistic construction of reality, euphemism as a tool of human communication are increasingly attracting the attention of researchers. The question of studying such linguistic phenomena as euphemism, euphemistic function, studying the mechanisms of euphemization, and how denotation is formally reduced becomes relevant. In our opinion, deliberate understatement in the euphemistic function is relevant in modern communication and is also used in business discourse for various communicative

purposes.

Keywords: euphemisms, euphemization, litotes, denotation, connotation.

Эвфемизация – процесс актуальный для настоящего времени, она становится эффективной коммуникативной стратегией в дискурсах разного типа. В рамках этого процесса развиваются языковые механизмы эвфемизации. Как известно, основными признаками эвфемизма являются следующие его характеристики: во-первых, денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся **негативной оценкой или негативной коннотацией**; во-вторых, **семантической неопределенностью**, которая позволяет уменьшить или "смягчить" негативную оценку денотата; в-третьих, **улучшение характера денотата** эвфемизма по сравнению с прямой номинацией, этот признак многие исследователи считают основным; в-четвертых, **улучшение денотата носит формальный характер**. Помимо обязательных признаков эвфемизмов, существуют факультативные признаки, характерные для большинства эвфемизмов русского языка: специфичность аффиксов эвфемизма и признак косвенности номинации.

В работах, посвященных изучению эвфемизмов, представлены два основных подхода к их изучению: субSTITUTIONНЫЙ и функциональный; на наш взгляд, оправдан комплексный широкий подход к изучению природы эвфемии.

Будем исходить из того, что различают эвфемизмы языковые и речевые (контекстуальные или функциональные); при этом существуют языковые единицы и их грамматические формы, способные и не способные выполнять функцию эвфемизма (например, невозможна эвфемизация прилагательных в степени качества, а для некоторых способов глагольного действия указание на небольшую интенсивность, умеренность действия органична эвфемистическая функция); степень эвфемизации может быть высокой, средней и низкой (например, слова с обобщенной семантикой обладают средней степенью эвфемизации (*дело, изделие* и др.).

Многие исследователи [1: 3] выделяют особый способ эвфемизации, такой как нарочитое преуменьшение свойств предмета с отрицательной оценкой или коннотацией. Так, автор "Словаря эвфемизмов русского языка" считает: "Если говорящий применяет нарочитое преуменьшение свойств предмета с отрицательной оценкой или коннотацией, то это эвфемизм" [1: 7].

При этом можно выделить специализированные аффиксы, например: суффиксы имен существительных *онък+/-енък+/, +онк+/-енк+, +κ+, +η(e), +η(o), +εη(o), +ιη+, +очк+, +ок+, +ушк+/-юшк+* и др., суффиксы прилагательных и наречий *оват+/-еват+, +енък+/-онък+*; приставки *недо+, небез+ / небес+, по+, при+, под+, полу+*, которые могут быть формальным инструментарием для формирования значения нарочитого преуменьшения.

Например: *недоедать* – вместо *голодать* (*Мы постоянно недоедали, меняли на продукты те вещи, которые привезли с собой. (И.К. Архипова Музыка*

жизни).) / *малоимущий* – вместо *бедный* (*Колоссальный размер дворца отмечен анекдотом: якобы молодой человек, сватавшийся к девушке из рода Тьеполо и отвергнутый отцом невесты как малоимущий. Е.Ю. Деготь. Венеция*), подвирать – вместо *врать*. (*Учитель, врач, режиссер начинает помалкивать и подвирать не только в отношениях с большим начальством, но и с малым, способным на малые пакости* (Г.С. Померанц *Записки гадкого утенка*); *поздновато* – вместо *поздно* (*пришел поздновато*) и др.

Важнейшим параметром для анализа эвфемизмов со значением намеренного преуменьшения является тип номинации и тип дискурса, в котором он используется. Термин в прямом значении в специальном дискурсе, на наш взгляд, не является эвфемизмом, но в случае косвенной номинации вне профессионального дискурса он может выполнять функцию эвфемизма.

Например, слово *малоимущий* в значении "*Социальный слой общества, состоящий из людей, не имеющих прожиточного минимума, находящихся у черты бедности; представители этого слоя*" [2], на наш взгляд, не является эвфемизмом, но в значении *бедный* является эвфемизмом. При этом можно заметить, что термин *малоимущий* может, осознанно или нет, подменять термин *малообеспеченный*; в первом случае слово *малоимущий* используется именно с целью подмены понятия: *у нас подменяют понятие "малоимущий" с понятием "малообеспеченный" с одновременным незаконным занижением ценза предоставления помощи почти в три раза, в результате чего настоящие малоимущие остались за бортом государственной социальной помощи*. (И. Бутин. Битый небитого везет).

Безусловно, можно констатировать в данном механизме эвфемизации использование такого приема, как литота¹, например: *малоэффективный* (вместо – *неэффективный*), *малокомпетентный* (вместо – *некомпетентный*), *не вполне нормальный* (вместо – *с психическими отклонениями*) и др.

Механизмы формирования эвфемизмов со значением намеренного преуменьшения различны, возможно использование фразеологизированных синтаксических конструкций разного типа. Например: *не совсем то* (вместо *не то*), *это не совсем то, что нужно в данный момент*; *по крайней мере* – вместо *очень, совершенно* (*Вы не ответили на наше письмо, это, по крайней мере, невежливо*); *не из самых + прилаг. с положительной коннотацией* – вместо прямого наименования с негативной оценкой или коннотацией.

Использование эвфемизмов со значением намеренного преуменьшения может быть средствами реализации различных коммуникативных стратегий: смягчения негативной оценки, самооправдания, дезинформирования, манипуляции, воз-

¹ Литота в этом случае понимается нами как намеренно ослабленное выражение, в том числе и отрицание противоположного (например, *небесполезный*) в отличие от выражения со значением преуменьшения, которое обычно бывает образным и рассматривается как троп. Литота одновременно реализует два значения: отрицательное и утвердительное, ослабляться может и положительная оценка, литота прямо коррелирует с гиперболой.

мущения, то есть эвфемизация решает различные коммуникативные задачи, как в рамках кооперативных, так и некооперативных стратегий.

Приведем примеры:...*Ситуация сложная. Мы должны принять непопулярное решение. Расходы нужно будет немножко подсократить, будем исходить из реальной ситуации* (вместо *сократить, смягчение оценки*). *Я вынужден был несколько подсократить расходы, что делать* (вместо *сократить, самооправдание*). *Вы так подсократили выплаты, что мы без штанов останемся* (вместо *сократить, возмущение*).

Наблюдая за формированием и использованием эвфемизмов со значением намеренного преуменьшения, можно прийти к такому выводу: требуется уточнение понятия эвфемии и эвфемизма; становится актуальным изучение ситуативного употребления эвфемизмов, влияния использования эвфемизмов на слушающего и читающего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. / Е.П. Сеничкина. – М.: Флинта. Наука, 2008. – 464 с.
2. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Т.Н. Скляревской. – М., 2001. – 944 с.
3. Partridge E. Usage and abusage. / E. Patridge. – New York: Penguin Books, 1964. – PP. 204–205.

**КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ.
АНАЛИЗ МИТИГАТИВНЫХ ПРИЕМОВ
ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ**

Седа Араиковна Тунян
seda.tunyan@rau.am

К.ф.н.

*Кафедра русского языка и профессиональной коммуникации
Институт гуманитарных наук
Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван, Армения*

Аннотация. Самой частотной категорией в процессе осуществления коммуникативных установок в разных типах дискурсов, в частности, в политическом, является митигация – категория коммуникативного смягчения, для реализации которой в каждом языке есть определенные средства. В статье рассмотрены и проанализированы синтаксические и морфологические средства оформления митигации на примерах политических текстов и интервью различных российских политиков.

Ключевые слова: митигация, политическая речь, эффективная коммуникация, речевое воздействие.

**COMMUNICATIVE MITIGATION.
ANALYSIS OF MITIGATIVE TECHNIQUES
IN THE SPEECH OF RUSSIAN POLITICIANS**

Seda Tunyan
seda.tunyan@rau.am

*Candidate of Philological Sciences
Department of the Russian Language and Professional Communication
Institute of Humanities
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Abstract. The most frequent category in the process of establishing communicative intentions in various types of discourses, including political discourse, is mitigation – a category of communicative softening for which each language has

specific means. The article examines and analyzes the syntactic and morphological means of framing mitigation, using examples from political texts and interviews with various Russian politicians.

Keywords: mitigation, political speech, effective communication, speech influence.

Одной из типичных категорий для политической речи является коммуникативное смягчение, то есть митигация. Исследовательская традиция данного явления в разных типах дискурса невелика, однако во всех исследованиях подчеркивается тот факт, что реализация коммуникативной категории митигации предполагает модификацию речевых действий и направлена на сохранение позитивного коммуникативного баланса интересов, интенций, установок обоих коммуникантов в процессе общения.

Митигация в политической речи, как и в других типах дискурса, реализуется при помощи митигативных стратегий и тактик, которые выполняют различные функции. К примеру, они позволяют адресанту прямо не называть характеризуемые в процессе коммуникации факты действительности (события, субъекты, действия), не называть точно то лицо, которое виновато в сложившейся ситуации, уходить от прямых ответов, указывая при этом на третье лицо, которое может решить данную проблему, и т.д.

Варьирование митигативными тактиками в процессе речевой коммуникации позволяет адресанту, в данном случае политику, избежать конфликтогенных ситуаций и, как результат, осуществить свои интенции.

В качестве практического материала работы нами были проанализированы интервью различных российских политиков (президента РФ В.В. Путина, министра иностранных дел С.В. Лаврова, официального представителя МИД России М.В. Захаровой, пресс-секретаря президента России Д.С. Пескова и др.) Как показал наш анализ, для отрицательной характеристики конкретного субъекта действия значительно реже используются стилистически или коннотативно маркованные слова (*жулик, болтovня, огрызаться, грешить* и т.д.), что вполне закономерно для текстов этого типа, поскольку цель любого по тематической направленности выступления политика – это не "точечная", то есть краткая (позитивная или негативная) характеристика предмета речи, а развернутый, учитывающий особенности адресата, насыщенный фактами, образами, сравнениями и т.д. показ именно тех его черт и/или поступков, которые и стали очевидной причиной именно такой реакции, а не другой.

Критика и упреки в адрес негативно характеризуемой "стороны" чаще всего в политической речи сопровождаются мягкими, завуалированными призывами к потенциально возможной конструктивной деятельности, направленной на урегулирование тех или иных конфликтов, улучшение обрисованной обстановки или

отношений с конкретной организацией. Если даже в тексте нет описания позитивных "поступков" противоположной стороны, то такие призывы всегда имплицитно содержат идею не только положительной оценки позиции российской стороны, но и ее представление как единственной возможной, допустимой в ситуации противостояния двух субъектов.

С точки зрения синтаксического построения речь политиков очень разнородна. Предложения оформляются в зависимости от целей высказывания. Если целью политика является обрисовка ситуации, подробное описание, детализация, иллюстрирование, объяснение информативной составляющей текста, представление общей картины, положения дел, то предложения по структуре сложные, в основном сложноподчиненные, объемные, распространенные многими второстепенными членами. Такого рода предложения выполняют дейктическую функцию, то есть смещают фокус внимания адресата на конкретно выбранный говорящим фрагмент речи. Конец речи в основном представляется короткими, не осложненными, легкими для восприятия предложениями как итог, где зачастую и скрывается цель высказывания.

Одним из частотных приемов оформления митгации являются конструкции с таким отрицанием, которое надо понимать в значении, противоположном тому, которое передается буквальным смыслом слов. Они сообщают не столько об отрицательной функции высказывания, сколько содержат скрытое обвинение, упрек, выраженные косвенным речевым актом, в котором имеет место явный показатель одной иллоктивной функции, но при этом в норме их иллоктивная функция является другой. Например, в предложении "*Не мы выдумывали социальные сети, не мы настаивали на том, чтобы они были открыты для любого желающего*" через личное местоимение **мы**, говоря, казалось бы, о себе, дипломат имеет в виду оппонента, то есть вместо прямого обвинения адресант смещает фокус внимания на себя же, не нарушая при этом реализацию иллоктивной силы высказывания.

Еще одним синтаксическим приемом, выявленным в ходе исследования, являются вопросительные конструкции. Вопросительные формы в дипломатической речи представляют собой способ речевого воздействия (перлокуция), они выполняют различные функции: служат собственно вопросом или вопросом-размышлением, выражают предположение, являются эмоциональным откликом на ситуацию, однако основная функция вопросительных конструкций заключается в том, что они обращают внимание адресата на те положения, которые хочет подчеркнуть, акцентировать, выделить политик – таким образом реализуется дейктическая составляющая высказывания. В проанализированных нами текстах выделяются следующие подтипы вопросительных конструкций: вопросно-ответные формы и риторические вопросы. Вопросно-ответные формы предполагают запрос информации, ответ на который следует в своем же ответе. Зачастую использование вопросно-ответных

форм помогает избежать прямого ответа.

Почему Калининград? Потому что я регулярно езжу в регионы Российской Федерации.

Вопросно-ответные формы помогают политику логически выстроить свою речь, облегчить восприятие сложной информации, шире представить свое видение ситуации по поводу обсуждаемого вопроса. Например,

Является ли это каким-то кризисом в отношениях? Ничего хорошего в этом нет, но я не думаю, что есть или должен возникнуть какой-то кризис.

С моей точки зрения, те люди, о которых Вы сказали, не аналитики — они пропагандисты. Почему? Потому что всё, о чём я сегодня говорил, — это не инициативная работа с нашей стороны.

Риторические вопросы, как без ответа, так и с ответами, эмоционально усиливают смысл высказывания. Политик использует в своей речи риторические вопросы с целью воздействия на адресата, а именно посредством опоры на систему ценностей адресата внушить ему определенную точку зрения.

А почему Вы решили, что власть России (и я в том числе) кому-то разрешили это делать? Вы сейчас назвали ряд лиц, кое-кто из них мне известен, кое-кто неизвестен, но это просто физические лица, они не представляют российскую власть.

Неужели кто-то поверит в то, что Россия, находясь где-то за тысячи километров, с помощью каких-то двух-трёх русских, как Вы сказали, которых я знать-то не знаю, что они вмешались и повлияли на ход выборов? Вам самим-то не смешно?

К самым частотным средствам митигативного оформления речи относятся частицы. Пропозициональные или логические частицы – один из способов акцентирования и в то же время реализации интенций, экспектаций в дипломатической речи, особенно если учесть, что дипломатическая речь в основе своей предполагает не одного конкретного адресата. Частицы в тексте являются актуализаторами смысла предложения, вводят дополнительные смыслы в речь [1]. К пропозициональным частицам относятся частицы *уже, еще, только, даже* и т.д. Так, например, частица *только* очень часто используется вместо *всего лишь*, которое имеет явно выраженную отрицательную коннотацию; частица *якобы* демонстрирует недоверительное отношение к обрисованной адресантом позиции, характерной для сложившейся ситуации, и вводится в текст для смягчения прямого обвинения; частица *вряд ли* позволяет менее радикально высказаться, так как она хоть и передает сомнение, но довольно часто используется как способ завуалированной передачи своей точки зрения о сложившейся ситуации. Для реализации митигативных стратегий говорящий в основном использует логические частицы в безличной конструкции, уклоняясь от ответа, тем самым снимая с себя ответственность за сложившуюся ситуацию. Проиллюстрируем на примере частицы *уже*:

Извините, всё, что мы могли сказать, ужে сказано. Ничего нового нет. Я действительно не хотел бы развивать эту тему.

Логические частицы употребляются с целью усиления воздействия сказанным (перлокутивный эффект), уточнения, конкретизации во избежание неправильных выводов, неоднозначного трактования речи дипломата. Например, прагматическая нагруженность частицы еще, которая обычно передаёт временное значение (до сих пор нет чего-то) заключается в акцентировании отсутствия на данный момент какого-то показателя, который скоро будет восполнен.

*Россия должна быть современной и динамичной, должна быть готова смело принимать вызовы времени и так же энергично отвечать на них, чтобы последовательно наращивать своё лидерство в тех сферах, где мы традиционно сильны, и уверенно, кропотливо, собрав волю в кулак, работать там, где мы ещё должны будем добиться нужных для нас результатов, там, где сделано **ещё** явно недостаточно.*

К морфологическим средствам оформления дипломатической речи в соответствии с митигативными тактиками относятся также местоимения. Во-первых, за счёт употребления местоимений достигается особая экспрессия речи. Во-вторых, за счёт личных и притяжательных местоимений достигается оттенок искренности, но всего лишь оттенок, так как под этой искренностью скрывается манипуляция сознанием адресата. В-третьих, использование неопределенных местоимений в речи помогает избежать прямых ответов, обвинений, делают речь размытой, снижают степень ответственности за высказанное.

Личные местоимения дипломаты используют в качестве приемов и средств речевого воздействия на чувства, эмоции и сознание адресата. По богатству экспрессивных красок личные местоимения занимают лидирующее положение. Важную роль они играют и в языковом оформлении митигативных тактик. Так, например, личное местоимение первого лица во множественном числе обычно используется с целью избежания конкретизации, помогает указывать, но не называть референта, что снимает ответственность с одного лица и таким образом смягчает всё высказывание, то есть является митигативным показателем, или митигатором.

Употребление личных местоимений первого лица в единственном числе преследует цель, наоборот, подчеркнуть свою роль, акцентировать значение своего мнения, сузить и конкретизировать сферу ответственности за высказанное. Их употребление приводит к субъективизации повествования, и наш анализ текстов показал, что богата личными местоимениями в единственном числе (*я*) речь В.В. Путина, а в речи С.В. Лаврова, М.В. Захаровой и других ведущих российских дипломатов таких личных местоимений почти не наблюдается.

Личные местоимения *мы – они*, представляющиеся реализаторами персонального дейктика, являются в текстах контрастивными выделителями и служат для выражения оппозиции "свой – чужой". Множество проанализированных тек-

стов построены на оппозиции "мы – они". Контраст, который достигается этим путем, помогает сделать речь образнее и повлиять на эмоциональный фон адресата, то есть в этом случае актуально говорить о манипулировании. Кроме того, это действенный способ опосредованно – имплицитно – выставить себя (свою организацию, государство) в хорошем свете на фоне разрисованных адресантом негативных качеств оппонента. Очевиден переход дейктической функции личного местоимения *мы* в номинативную, подмеченный и теоретически обоснованный еще К. Бюллером, который писал, что этот элемент (*мы*) "... с логической точки зрения относится не к чистому указанию, а составляет первый шаг называния" [2: 297]. *Мы* (в таком употреблении) содержит указание на кооперацию говорящего с другими людьми (официальными лицами), придерживающимися того же мнения, а местоимение *они*, соответственно, не указывает на тех, кто не участвует в данном акте коммуникации (обычная функция местоимений третьего лица), а называет тех, кто придерживается противоположной точки зрения.

Во многих текстах использованы неопределенные местоимения, одной из функций которых, как известно, является введение неоднозначности в речь. Неопределенные местоимения используются в целях неназывания конкретных фактов и в значении подчеркивания и/или дискредитации названного явления. Они указывают и в то же время не конкретизируют лицо или лица, то есть понижают уровень ответственности адресанта за сказанное.

В проанализированных текстах часто употребляются притяжательные местоимения, и среди них особое место занимают формы множественного числа (*наши, наши, ваши, ваши* и т.д.). Использованы они дипломатами в качестве указания на совместный характер сотрудничества, направления которого – это позиция, точка зрения государства. Употребление таких местоимений носит манипулятивный характер.

Таким образом, митигация – это прежде всего действенный прием оказания имплицитного воздействия. Именно в этой связи привычные языковые средства приобретают новые функции и впитывают новые смыслы, в основном передаваемые неявно, опосредованно. Частотность использования конкретных тактик и митигаторов показывает эффективность каждого приема в деле обеспечения успешности коммуникации и достижения поставленной адресантом цели – смягчения уже возникшей в ситуации напряженности, снижение уровня (или устранение) ее конфликтности именно в том направлении и теми средствами, которые предлагаются адресант.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян К.С. К вопросу о формировании валентностей логико-модальных частич. – Изд-во РАУ, 2018. – СС. 4–18. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- /https://www.researchgate.net/publication/326271239_K_voprosu_o_formirovaniie_valentnostej_logiko-modalnyh_castic/ (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
2. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М., Прогресс, 1993. – 501 с.
 3. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.finmarket.ru/news/4768198/ (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
 4. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://rg.ru/2018/03/10/chto-skazal-putin-amerikanskomu-telekanalu-nbc-polnyj-tekst-interviu.html/ (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
 5. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2018-03-02/341858-samoy_obsuzhdaemoy_temoy_ostaetsya_poslanie_rossiyskogo_presidenta_federalnomu_sobraniyu/ (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
 6. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://russian.rt.com/rt_events/news/541746-lavrov-smeshnye-kartinki-demokratiya-ssha/ (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
 7. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://uruguay.mid.ru/svidetel-stvo-na-v-ezd-vozvrasenie-v-rossiu/-/asset_publisher/nj5rnmpyotcj/content/vystuplenie-v-v-putina-na-itogovoj-plenarnoj-sessii-xvi-zasedania-mezdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valdaj-/ (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

О СЛОВЕ БАИЛ (БАЙЛО) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Алексей Сергеевич Щекин

shekinalexey@gmail.com

K. ф. н.

Научный сотрудник отдела исторической лексикологии и лексикографии

Институт лингвистических исследований

Российская Академия наук

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается употребление слова *байл* (*bailo*) в оригинальных и переводных памятниках русского языка XVIII века. Отмечается его большая частотность по сравнению с XVII веком, а также появление у него новых значений и производных слов.

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, историческая лексикология.

ABOUT THE WORD *BAIL (BAILO)* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVIII CENTURY

Aleksey Schekin

shekinalexey@gmail.com

Candidate of Philological Sciences

Research Officer at the Department of the Historical Lexicology and Lexicography

Institute for Linguistic Studies

Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the use of the word *bail* (*bailo*) in the original and translated monuments of the Russian language of the XVIII century. Its high frequency is noted in comparison with the XVII century, as well as the appearance of new meanings and derivatives of words.

Keywords: Russian language, XVIII century, history of lexis.

Настоящая статья является хронологическим продолжением более ранней публикации, посвященной употреблению слова *байл* (*bailo*) в русском языке XVII века [15]. Целью статьи является анализ функционирования этого слова в русском

языке XVIII века, показ расширения его употребления сравнительно с XVII веком, появление у него новых оттенков значения и производных слов. Материалом для статьи послужили данные бумажной и электронной картотек "Словаря русского языка XVIII века", а также электронной текстотеки памятников русского языка XVIII века, находящихся в Отделе русской исторической лексикологии и лексикографии (Группа "Словаря русского языка XVIII века") Института лингвистических исследований РАН.

В "Словаре русского языка XVIII века" нет отдельной статьи на слово *баил* (*байло*), приводится только статья на этимологически близкие слова *бальи* и *байлиф* с достаточно поздними для слова *бальи* датами вхождения [12: 135]. Вероятно, отсутствие в словаре статьи на слово *баил* (*байло*) объясняется тем, что оно воспринималось как слово, принадлежащее иной языковой системе, экзотизм. Ограничения на показ такого рода лексики были сформулированы в проекте словаря [13: 22-23]. Тем не менее анализ русских письменных источников XVIII века показывает, что в этот период слово *баил* с вариантом *байло* (при фиксации слова в формах косвенных падежей не всегда оказывается возможным установить форму имениительного падежа), так же, как и в XVII веке, регулярно используется для обозначения венецианского дипломатического представителя. Чаще всего оно относится к руководителю постоянной дипломатической миссии Венецианской республики в Османской империи. П.А. Толстой употребляет слово *баил* в своем описании Османской империи, датируемом 1703 годом: "Посол венецкий имеет свою резиденцию в Константинополе. Обыкновение есть, когда чинится мир между венециян и турок, в то время приходит един синатор или прокуратор венецкий под титлою посла чрезвычайного ради утверждения мира, а как скончит свою церемонию, пребывает несколко времени, покамест придет ему на перемену другой синатор под именем *баила*; сие имя издревле употребляемо у венециян давать министром своим, когда еще приходили на посольство в Константинополь во время греческого обладания" [11: 89]. В форме *байло* встречается это слово в письме А.А. Матвеева П.П. Шафирову от 17 июля 1714 г.: "Недивно мне было слышать ис того ж вашего превосходительства ко мне писма, что венецийской *байло* не учинил вам достойной чести при своем отъезде ис Константинополя, ибо уже по прежним моим писмам обстоятельно вашему превосходителству отсюды известно есть, как здешной их же посол, уничижа высокой его царского величества респект и характер, положенной на мне, не учинил мне ни в чем достойной чести, как республика нам самая должность коронованных глав министрам то чинить весма обзываала" [10: 280].

Регулярно встречается это слово и в книге графа Л.Ф. де Марсильи "Военное состояние Оттоманской империи", перевод которой на русский язык, выполненный В.К. Тредиаковским, был напечатан в Санкт-Петербурге в 1737 г.: "Того ради, будучи въ двадцать лѣть, не опустиль я случая, которой мнѣ подаль отъѣздъ Сенатора Чюранї, отправляющагося къ Портѣ *байломъ*, то есть Міністромъ отъ

Венецианскія Республікі" [2: Авторово предисловие (ненумерованная страница)]. В двуязычном французско-итальянском издании этой книги, вышедшем в Гааге и Амстердаме в 1732 г., этому слову соответствуют фр. *baile* и итал. *bailo*: "Je profitai à l'âge de vingt ans de l'occasion que me fournissoit le Voyage du Sénateur Ciurani, qui alloit à la Porte en qualité de *Baile de la République de Venise* / Mi portai nell'età di vinti anni in Costantinopoli con Pietro Ciurani Sénatore di tanta stima della Repubblica di Venezia pè di lui impieghi sostenuti nel Governo, e Generalato di Dalmazia, che in qualità di *Bailo* passò alla Porta" [19: IX]; пояснительное слово *министр* введено в текст русским переводчиком. В этом же источнике встречается и образованное от слова *баил* притяжательное прилагательное *баилов*: "Въ нѣкоторой день послѣ обѣда, играль я такъ называемою игрою Волань, въ баиловой салѣ, съ сыномъ его Иосифомъ. Тогда мы увидѣли, что одинъ Ага вошоль" [3: 127], ср.: "Je jouois au Volant, un apr s midi, dans la Sale du Baile avec son Fils Joseph. Nous vimes entrer un Aga / Un giorno dopo pranzo mentre io stava giocando al Volante nella Sala del Bailo con Giuseppe Figlio del medesimo, comparve in essa un Aga" [20: 165].

В.К. Тредиаковский в своем переводе употребляет в именительном падеже форму *баил*, восходящую, по всей вероятности, к фр. *baile*, так как перевод делался им с французского текста: "Новый баиль Петъръ Чюрані, Сенаторъ Венецианскія Республіки, человѣкъ совершенныя добродѣтели и благоразумія, также и извѣстный всему народу, прибыль въ Константіонополь" [3: 127], ср.: "Le nouveau Baile, Pierre Ciurani, Sénateur de la République de Venize, Homme d'une intégrité parfaite, & d'une prudence consommé & connue à toute la Nation, vint à Constantinople / Giunto appena il Bailo Pietro Ciurani Senatore della prudenza nota a tutta la sua Patria e d'una somma integrità" [20: 164]. К фр. *baile*, вероятно, восходит и форма *баиль*, встречающаяся в письме графа Н.И. Панина князю Д.М. Голицыну от 17 октября 1769 года: "Республика Венецианская, по разнымъ въ сенатѣ ея происходившимъ прекословіямъ, рѣшилась напослѣдокъ, подъ видомъ соблюденія нейтралитета своего, не только не способствовать и не участвовать ничѣмъ въ нашихъ противу Порты военныхъ предпріятіяхъ, но паче изъ робости и страха, коими она издавна толь много заражена, и прислуживаться еще ей скорыми и безпосредственными увѣдомленіями, какъ чрезъ баilla своего въ Константинополь, такъ и чрезъ пограничныхъ въ Далмациі командировъ о каждомъ нашемъ подвигѣ" [7: 508].

Встречается слово *баил* и в других книгах на турецкую тему, переведенныхых с французского языка: "Извѣстно, какія наглости часто въ Туреції претерпѣвали Венецианскіе Баилы" [1: 238], "Носится достовѣрной слухъ, что нашъ Баиль задержанъ въ Константинополь, и что, по указу Каймаканову, засадили его въ семибашенной замокѣ" [14: 249]. Часто переводчики вынуждены объяснять значение слова *баил* русскому читателю при помощи более известных ему слов: "Любимецъ Селима, сохрания славу своего Государя, говорилъ такъ Венецианскому Баилу или Резиденту" [14: 119]. При этом в тексте французского оригинала такое пояснение

отсутствует: "Le Favori de Selim maintenoit la gloire de son Maître, & parloit en ces termes au Baile de Venise" [18: 96].

Слово *баил* могло обозначать посла Венецианской республики не только в Османской империи, но и в других государствах, например, в Сицилийском королевстве: "1280 [год]. Венеціане съ тремя галерами напали на три Генуэскія, несмотря на мирное время. Предп'ятіе сіе имъ не удалось; они были побѣждены и потеряли двѣ галеры. Генуэцы взятымъ въ плѣнъ дали свободу. Подобную же побѣду одержали они на Сицилійскихъ моряхъ; но тогда плѣнныхъ вручили Венеціанскому *Баилу*, пребывающему въ Мессинѣ, дабы ихъ наказаль за нарушеніе мира" [4: 47], ср. "Ils remirent les vaincus entre les mains du *Baile de Venise*, qui r  sidoit   Messine, afin qu'on les punît d'avoir enfreint la paix" [17: 70].

Употребляется слово *баил* и в лексикографических трудах XVIII века, как правило, при переводе французского слова *baile* во французско-русских словарях; при этом оно сопровождается развернутым толкованием, ср.: "Bayle, m. Consul dans la Gaule Narbonnoise, c'est aussi l'Ambassadeur de Venise   Constantinople. Consul in Langedock, Venetianischer Abgefandter zu Constantinopel. Consul, item Venetorum in aula Turcica legatus. Консуль, также Венецианской республики посланникъ при турецкомъ дворѣ *Байль*" [5: 209]; "Baile, s. m. Баиль, венецианскій посолъ въ Цареградѣ" [9: 144]. Иногда в качестве эквивалента фр. *baile* встречалась форма балье: "Baile, s. m. Балье, такъ называется венецианскій посолъ въ царѣградѣ" [8: 104]; но этот вариант уже в самом начале XIX века отмечался как неправильный: "БАЛЬЕ. Такъ назывался неправильнымъ французскимъ выговоромъ Венецианскій Посоль въ Константинополь; правильнѣе же Байло" [16: 325].

Особенностью употребления слова *баил* (*байло*) в XVIII веке является то, что оно может обозначать и западноевропейского чиновника, осуществляющего судебную и полицейскую власть в определенной местности (в соответствии с фр. *bailli*). В этом значении оно встречается при описании устройства местного управления в Испании в "Политической географии", переведенной С.Ф. Наковальниным с немецкой рукописи И.М. Гречи и напечатанной в 1758 г.: "Въ большихъ городахъ (Civdades) исправляютъ судныя и полицѣйскія дѣла коррежидоры или только алькады маiorescъ съ ихъ ассесорами называемыи режидоры; а въ небольшихъ городахъ (Villas) и мѣстѣчкахъ токмо алькады и *байлы*, которые зависять отъ судей большихъ городовъ" [6: 162]. Такое значение не встречалось у этого слова в русских источниках XVII века.

На основании рассмотренных материалов можно прийти к следующим выводам. Сравнительно с XVII веком в памятниках русского языка XVIII века увеличивается частотность употребления слова *баил* (*байло*). У него появляется производное слово – притяжательное прилагательное *баилов*, образованное по стандартной для таких слов словообразовательной модели русского языка. В семантике слова *баил* (*байло*) каких-либо существенных изменений сравнительно с предш-

ствующим периодом не наблюдается. Оно по-прежнему относится преимущественно к венецианскому послу в Османской империи, хотя в отдельных случаях может обозначать и венецианского посла в другой стране. Имеется и единичный пример его употребления для обозначения чиновника, осуществляющего местную власть в Испании. В анализируемых источниках преобладающим является вариант *баил* (*баиль*), восходящий к французскому слову *baile*, что можно объяснить и влиянием языка оригинала на язык переводов (большинство рассмотренных текстов являются переводами с французского), и общим влиянием французского языка на русский язык XVIII века. Форма *байло*, восходящая к итальянскому слову *bailo*, употребляется в русских текстах XVIII века значительно реже. Регулярное использование в памятниках русского языка XVIII века других лексем (*министр, президент, посланник, посол*) для объяснения значения слова *баил* (*байло*) свидетельствует о том, что это слово воспринималось в лексической системе языка как экзотизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллегорические философические и критические сочинения. Г. Волтера, переведены с французского языка И. Р. – СПб., 1784.
2. Военное состояние Оттоманская империи с ея приращением и упадком, сочленено через графа де Марсильи. Ч. 1. – СПб., 1737.
3. Военное состояние Оттоманская империи с ея приращением и упадком, сочленено через графа де Марсильи. Ч. 2. – СПб., 1737.
4. История Лигурии, со всеми достопамятными происшествиями, тамо бывшиими. Переведена с французского. – М., 1781.
5. Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. Ч. 1. – СПб., [1755].
6. Политическая география сочиненная в сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащагося в оном корпусе шляхетства напечатана. – СПб., 1758.
7. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Ч. 5. 1768–1769 г. (Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 87). – СПб., 1893.
8. Полной французской и российской лексикон, с последняго издания Лексикона Французской академии на российской языке переведенный Собранием ученых людей. Ч. 1. – СПб., 1786.
9. Полной французской и российской лексикон, с последняго издания Лексикона Французской академии на Российской языке переведенный. 2-е издание рачительнейше сличенное с французским оригиналом, исправленное и дополненное статским советником И. Татищевым. Т. 1. – СПб., 1798.
10. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А.

- Базарова, Ю.Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. Ч. 2: 1714 год. – СПб., 2011.
11. Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). – М., 1985.
 12. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. – Л., 1984.
 13. Словарь русского языка XVIII века. Проект. – Л., 1977.
 14. Турецкий шпион при дворах христианских государей, или письма и записки соглядавшего европейские дворы тайного турецкого посланника. Переведено с французского языка. – СПб., 1778.
 15. Щекин А.С. О слове байл (байло) в русском языке XVII века // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. II Международная научно-практическая конференция (22–25 сентября 2015 г.). Сборник научных статей. Ереван, 2015. – С. 170–174.
 16. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1. – СПб., 1803.
 17. Anecdotes des républiques, auxquelles on a joint la Savoie, la Hongrie, et la Bohême. P. 1. – A Paris, 1771.
 18. L’Espion dans les cours des princes chrétiens, ou Lettres et Memoires d’un Envoyé secret de la Porte dans les Cours de l’Europe. T. 1. – A Cologne, 1696.
 19. Stato militare dell’imperio Ottomano, incremento e decremento del medesimo. Del signore conte di Marsigli / L’Etat militaire de l’Empire Ottoman, ses progrès et sa décadence par Mr. le Comte de Marsigli. P. 1. – In Haya, in Amsterdamo, 1732.
 20. Stato militare dell’imperio Ottomano, incremento e decremento del medesimo. Del signore conte di Marsigli / L’Etat militaire de l’Empire Ottoman, ses progrès et sa décadence par Mr. le Comte de Marsigli. P. 2. – In Haya, in Amsterdamo, 1732.

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СВЕТЕ КОГНИТИВИСТИКИ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

**ПРИМЕНЕНИЕ ФИТОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ АРМЕНИИ**

Лилит Вигеновна Акопян

lilit19904@gmail.com

K.ф.н.

Преподаватель китайского языка

Государственный университет им. В. Брюсова

Ереван, Армения;

специальный исследователь

Даляньский университет иностранных языков

Далянь, Китай

Аннотация. В связи с особенностями метафоры как ментального фено-
мена и высокой социальной значимостью дискурсов экстремизма и терроризма,
представляется важным выявить и описать метафоры, участвующие в вербализа-
ции концептов "экстремизм" и "терроризм" в русскоязычном массмедиийном дис-
курсе Армении. Методом сплошной выборки из двух качественных русскоязычных
интернет-изданий Армении: "Новости Армении" и "Голос Армении" – за период с
2010–2022 гг. было отобрано 100 наиболее часто встречающихся примеров политиче-
ской метафоры. Данное исследование посвящено изучению примеров реализации
фитоморфной метафорической модели на примере концептов "экстремизм" и "тер-
роризм" в русскоязычном массмедиийном дискурсе Армении.

Ключевые слова: фитоморфная метафора, массмедиийный дискурс, экс-
тремизм, терроризм.

**APPLICATION OF NATURE-MORPHIC METAPHOR
IN RUSSIAN-LANGUAGE MASS MEDIA DISCOURSE OF ARMENIA**

Lilit Akopyan

lilit19904@gmail.com

Candidate of Philological Sciences

Chinese Language Instructor

Brusov State University

Yerevan, Armenia;

Special Researcher

Abstract. In relation to the peculiarities of metaphor as a mental phenomenon and the high social significance of the discourses of extremism and terrorism, it seems important to identify and describe the metaphors involved in the verbalization of "extremism" and "terrorism" concepts in the Russian-language mass media discourse of Armenia. By the method of continuous sampling from two high-quality Russian-language Internet publications of Armenia "News of Armenia" and "Voice of Armenia" for the period from 2010–2022 years were selected 100 most frequently used examples of political metaphor. This research is devoted to the study of examples of the application of nature-morphic metaphorical model based on examples of "extremism" and "terrorism" concepts in the Russian-language mass media discourse of Armenia.

Keywords: nature-morphic metaphor, mass media discourse, extremism, terrorism.

В лингвистике уделяется большое внимание метафоричности языка в целом. По мнению В.И. Заботкиной, благодаря метафоре происходит концептуализация нового фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Аналогии, основанные на ключевых метафорах, позволяют применить знания и опыт, приобретенные в отдельной области, для решения проблем в другой сфере [2: 125].

А.П. Чудинов отмечает, что наибольшее развитие в последнее десятилетие XX века получили метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности, характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно "неагрессивных" метафор дома и мира растений [4: 170].

Как указывают А.П. Чудинов и Э.В. Будаев, метафора – это феномен мышления, играющий важную роль в осмыслиении и преобразовании политической действительности. Согласно их исследованиям, в течение последних нескольких лет западные СМИ целенаправленно демонизируют образ России, что закономерно привлекает внимание исследователей к языковым средствам реализации данных тенденций, таких как метафора [5: 22].

А.П. Чудинов в своей работе "Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)" предлагает следующую классификацию политических метафор, в основе которой лежат субсфера "Человек", "Социум", "Природа", "Артефакты": *физиологическая метафора, мор-*

бальная метафора, метафора родства, сексуальная метафора, криминальная метафор, милитарная метафора, театральная метафора, спортивная и игровая метафоры, зооморфная метафора, фитоморфная метафора, метафора дома, метафора механизма [4: 3-5]. В данной классификации упомянуты самые часто встречающиеся концептуальные метафоры, применяемые в публицистических текстах.

В связи с особенностями метафоры как ментального феномена представляется важным выявить и описать метафоры, участвующие в вербализации концептов "экстремизм" и "терроризм" в русскоязычном массмедиийном дискурсе Армении. В собранном нами материале мы обнаружили фрагменты, в которых реализуются метафоры, построенные на основе образов, связанных с природой. Обратимся к двум самым ярким примерам:

"*Турция – это рассадник терроризма, и последние события это доказали, – говорит Андрей Саркисян, лидер барнаульских либерал-демократов.*" (05/12/2015 <http://nv.am/kto-tury-v-turtsiyu-kupil-tot-finansiruet-igil/>)

В этом фрагменте встречается топоним *Турция*, который, по мнению автора, является *рассадником терроризма*, преследует террористические цели, что очень ярко выражено автором данной публикации. Семантическим центром, вокруг которого разворачивается этот метафорический образ, является лексема *рассадник*: *Рассадник* – "1. Место, где выращивают молодые растения, питомник. 2. Источник, средоточие чего-н. (обычно чего-н. плохого)" [6: 2454]. В данном случае также функционирует метафора, и автор использует следующее значение данного слова "*источник, средоточие чего-н. (обычно чего-н. плохого)*". В вышеупомянутой научной работе А.П. Чудинов отмечает, что слово *рассадник* едва ли не единственный слот фитоморфной метафоры с ярко выраженным негативным прагматическим потенциалом: *рассадник* в политической речи – это всегда источник чего-то нежелательного, а *теплица* – символ слишком комфортных условий, которые вредят дальнейшей жизнеспособности [4: 153].

Также А.П. Чудинов отмечает, что фитоморфные образы – одна из традиционных понятийных сфер российской политической метафоры. В ее основе лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира: в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен. Старый дуб, родные березы и осины, русское поле и русский лес, луговые цветы – эти и многие другие образы уже давно используются как национальные символы. Роль растений в политическом языке в известной степени сопоставима с их значимостью в мифопоэтических представлениях [4: 145-146].

Рассмотрим еще один яркий пример фитоморфной метафоры в заголовке публицистического текста.

"*На Апшероне маxровым цветом расцветает экстремизм*" (04/11/2014, <https://nv.am/poka-baku-boretsya-s-oppozitsiej-na-apsherone-mahrovym->

tsvetom-rastsvetaet-ekstremizm/)

Жизненный цикл растения часто метафорически обозначает динамику развития какого-либо субъекта политической деятельности, который, как и растение, может укореняться, давать *ростки, рости* и даже *перерастать* какие-то рамки. Проходит время, и политическое растение начинает *расцветать, плодоносить* и со временем *увядать*. Таков естественный цикл жизни [4: 151]. Словосочетание *экстремизм расцветает* относится к слоту "Жизненный цикл растений" фрейма "Жизненный цикл растений и участие в нем человека" фитоморфной метафоры.

Махровый – 1. С большим количеством лепестков (о цветке). 2. перен. Проявляющий в самой высокой степени какое-либо отрицательное свойство, черту, особенность. // Ярко выраженный (об отрицательном явлении, свойстве, качестве). 3. Образованный из нитяных петель, мохнатый (о ткани и изделиях из нее)" [3: 239]. В данном фрагменте автор использует следующее из значений данного слова "*проявляющий в самой высокой степени какое-либо отрицательное свойство, черту, особенность. // Ярко выраженный (об отрицательном явлении, свойстве, качестве)*". Автор тем самым дает нам понять, что крайне негативный феномен экстремизма достаточно быстро и нежелательно распространяется в Азербайджане, на Ашхероне.

З.М. Долаева в научной работе "Метафора в американском политическом дискурсе" отмечает, что источниками для моделирования природоморфных (фитоморфных и зооморфных) метафор в данном случае служат понятийные сферы "Мир животных", "Мир растений", "Мир неживой природы", т.е. политические реалии осознаются в концептах мира живой и неживой природы, которая издавна окружает человека [1: 32]. В анализируемом примере мы наблюдаем использование понятийной сферы "Мир растений" как источника метафорической модели.

Как свидетельствуют многочисленные исследования массмедиийного дискурса Дж. Лакоффа, Т. ван Дейка, Р. Водак, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, П. Серио, Ж. Дерриди и др., метафоры часто применяются в дискурсе массмедиа для образных описаний и служат вербализаторами какого-либо концепта. В дискурсе массмедиа свою значительную и неоспоримую роль играют концептуальные метафоры, по прочтении которых у адресата может возникнуть заданное негативное,нейтральное или положительное отношение к данному феномену. Метафора в массмедиийном дискурсе помогает обыденному читателю глубже познать и оценить явление, которое представлено ему в данном источнике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долаева З.М. Метафора в американском политическом дискурсе // журнал "Молодая наука", ПГУ, Ч. 04, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.pgu.ru/iblock/eb8/Pages-from-CH_04_130-ekz_9.pdf (Дата обращения: 15.05.2023).

- щения 08.9.2023 г.).
2. Заботкина В.И. Конвенциональность vs креативность в лексиконе (когнитивно-дискурсивный подход) // С любовью к языку: сб. науч. тр. М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kognitivnyh-mehanizmov-v-formirovaniii-neprostranstvennyh-smyslov-v-yazyke> (Дата обращения 01.9.2023 г.).
 3. Словарь русского языка в четырех томах под редакцией А.П. Евгеньева (МАС), "Русский язык". – М., 1985.
 4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
 5. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007. № 2. Ч.1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-teoriya-konseptualnoy-metafory-amerikanskiy-i-evropeyskiy-varianty> (Дата обращения 30.8.2023 г.).
 6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2010.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ТРАКТОВКИ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА "ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ"**

Лариса Сениковна Акопян

larisa.hakobyan@rau.am

Преподаватель

Кафедра русского языка и профессиональной коммуникации

Институт гуманитарных наук

Российско-Армянский (Славянский) университет

Ереван, Армения

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы формирования концептуального поля *интеллигенции* в русской языковой картине мира в эпоху Советского Союза, анализу исторических особенностей эволюционирования языковых средств при трактовке образа *советской интеллигенции*. В работе приводятся выявленные в ходе анализа ключевые характеристики концепта "интеллигенция", входящие в концептосферу "советского" образа, на новой стадии развития общества.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, советская интеллигенция, социальный слой, прослойка, языковая картина мира, дискурс.

**LANGUAGE MEANS OF INTERPRETING THE IMAGE OF THE SOVIET
INTELLIGENTSIA IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTIONARY
DEVELOPMENT OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT
"INTELLIGENTSIA"**

Larisa Akopian

larisa.hakobyan@rau.am

Lecturer

Department of the Russian Language and Professional Communication

Institute of Humanities

Russian-Armenian (Slavonic) University

Yerevan, Armenia

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the formation of the conceptual field of the *intelligentsia* in the Russian linguistic picture of the world during the era of the Soviet Union, to the analysis of the historical features of the evolution of linguistic means when interpreting the image of the *Soviet intelligentsia*. The paper presents the key characteristics of the concept "intelligentsia" identified during the analysis, which are included in the concept sphere of the "Soviet" image, at a new stage of development of society.

Keywords: concept, conceptual sphere, Soviet intelligentsia, social stratum, linguistic picture of the world, discourse.

Концепт "интеллигенция" как ментальная единица в своем языковом содержании имеет глубокие корни, с более чем тысячелетней историей. Латинское происхождение слова (*Intelligentia*) объединяет грамматическую парадигму смыслов "знание", "мышление", "понимание", "разумение", "постижение" [1: 351-352].

Согласно определению академика Степанова Ю.С., этимологическим признаком концепта "интеллигенция" является "высшая степень сознания, самосознание" [2]. И если рассматривать данную характеристику как "буквальный смысл" [2: 50], то можно отметить, что на протяжении всей истории функционирования и трансформации концепта "интеллигенция" самосознание было ключевой категорией семантического пространства данного концепта в общественном дискурсе любой формации.

В последние десятилетия отмечается возрастание научного интереса к исследованию концепта как одного из фундаментальных лингвокультурологических понятий и являющегося информационным, содержательным наполнением слова. В этой связи актуальность нашего исследования определяется как необходимость изучения культурных концептов, их описания посредством современных методов анализа и научного осмысления. Методологической основой исследования послужили труды известных ученых Степанова Ю.С., Воркачева С.Г., Вежбицкой А., Кубряковой Е.С., Масловой В.А., Поповой З.Д., Стернина И.А., Арутюновой Н.Д. и др.

Изучая средства вербализации концепта "советская интеллигенция" в конкретный исторический период – эпоху Советского Союза, – мы ставим следующую исследовательскую задачу – определить особенности объективации концепта в русской языковой картине мира в ходе исторической трансформации. Метод концептуального анализа позволяет получить представление о концептосфере "советской интеллигенции". Качественный контент-анализ словарных дефиниций ключевых лексем раскрывает лексико-семантическое поле концепта "советская интеллигенция" между двумя революциями XX века. Полевая модель концепта "интеллигенция" с определением ядерной зоны и периферий (ближней и дальней), с использованием в том числе количественного контент-анализа, статистического подсчета,

дает историческую картину духовной культуры советского общества, его ментальности. Иногда при трактовке образа в качестве языковых средств рассматриваются не отдельные номинанты, а выступают словосочетания, которые "эквивалентны словам и являются частью словаря" [3: 31].

В ходе концептуального анализа коннотации *советская* лексико-семантического поля концепта "интеллигенция" мы обратились к этимологическим и толковым словарям советского периода, с тем чтобы рассмотреть толкования термина в разные периоды. Так, в словаре Ушакова Д.Н. (1935 г.) *советская интеллигенция* трактуется как "общественный слой работников умственного труда, образованных людей" [4]. Словарь Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. (1949 г.) дает толкование *советской интеллигенции* как "людей умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом" [5]. Во всех последующих рассмотренных советских словарях периода с 1935 по 1992 гг. методом сплошной выборки было выявлено, что вербализация семантического поля концепта "интеллигенция" демонстрирует, во-первых, эквивалентность, и во-вторых, позволяет вывести основные общепринятые для словарей того времени дефиниции: а) общественный слой / прослойка; б) обладает специальными знаниями, имеет высшее образование; в) занимается умственным трудом, преимущественно сложным (источники – Философская энциклопедия, Советская энциклопедия, Советская историческая энциклопедия, Большая Советская энциклопедия и др.).

Текстовый массив энциклопедических словарей, с его описательной характеристикой *советской интеллигенции*, отражающий концептуальное пространство "интеллигенции" в синхронии, был подвергнут нами количественному контент-анализу. Статистическая обработка лексем-коллокатов энциклопедического тематического пласта дала следующие результаты: по частотности компонентами-доминантами (т.е. ядерной зоной) стали дефиниции "специалисты культуры / искусства" (59) // инженерно-технические кадры (54) // социальный / общественный слой / прослойка (41). К ближней периферии отнесены дефиниции "научные работники / учёные" (25) // "специалисты" (24) // "работники умственного труда" (24) // "учителя" (22) // "административный аппарат / государственный аппарат" (21) // "врачи" (20). Дальнюю периферию заполнили дефиниции "рабочая / трудовая" (18) // "буржуазная / мелкобуржуазная" (15) // "образованная / с высшим образованием" (13) // "демократическая" (12).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в советской историографии общепринятой была социально-экономическая трактовка, и первостепенными признаками, определяющими интеллигенцию, становятся отнесенность к различным профессиональным категориям, среди которых доминантную позицию занимают сфера культуры/искусства, инженерно/технические специальности. При этом социальный статус "*советской интеллигенции*" определяется как "обществен-

ный/социальный слой/прослойка".

Следующим этапом концептуального анализа лексико-семантической структуры изучаемого концепта является конструирование концептуальной модели "советской интеллигенции". Следуя полевому принципу построения модели концепта и рассматривая феномен *советской интеллигенции* в эмпирическом аспекте в контекстах различных социальных групп, в качестве основы мы использовали обширный дискурсивный материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ) соответствующего периода, начиная с 1922 года, который составил широкий корпус исследования. Весь зафиксированный материал был подвергнут контекстному анализу с последующим выявлением особенностей экспликации исследуемой дефиниции "советская интеллигенция" в устных и письменных текстах различных социальных слоев конкретной общественной формации. Всего нами был проанализирован 261 пример использования дефиниции *интеллигенция*, из которых 238 примеров – в различных словоформах с коннотативным значением "советская", и 23 примера – с коннотативным "социалистическая".

По итогам анализа нами был получен узкий корпус исследования, в котором фрагментарно представлено типичное из образцов исследованных текстов. В свою очередь, отобранные фрагменты послужили материалом для семантической диверсификации дефиниций "советская интеллигенция" / "социалистическая интеллигенция", то есть с целью получения частотности употребления указанных характеристик кластеров номинативного поля концепта "интеллигенция" в советский период в русской наивной языковой картине мира.

В ходе тематического моделирования характеристик концепта "советская интеллигенция" были выделены кластеры наиболее частотных контекстуальных значений: 1) этическая / нравственная характеристика; 2) социальная / классовая характеристика; 3) социально-политическая характеристика, активность в обществе.

Тематическая сфера "**этическая / нравственная характеристика**" концептосферы изучаемого концепта представлена кластером контекстуальных значений: служение интересам государства и великой большевистской партии // представление интересов народа и служение ему как "решающая роль" советской интеллигенции // интеллигенция как образцовый показатель ("*的独特, чисто русское явление*"; "*добросовестность и самоотверженность в деле строительства нового общества*"; "*думающая и неравнодушная*"; "*самая мыслящая и передовая*"; "*все честные граждане*"; "*удивительная врожденная интеллигентность*") (9) // преданность социалистической идеи и идеалам, политический мистицизм (9) // патриотизм (6) // вера в социальную справедливость, гуманизм, свободу (неподкупный, совесть народа) (5) // обвинения и критика ("*советская интеллигенция истребила русскую интеллигенцию*"; "*с моральной точки зрения советская интеллигенция есть наиболее циничная и подлая часть населения*"; "*общее нравственное*

одичание утратившей совесть советской "интеллигенции", перенявшей мораль и понятия правящей клики") (3) // отношение к религии ("ускорение процесса отмирания религиозных пережитков"; "христианство новой советской интеллигенции очень свежее, часто поверхностное, а главное – тоже расколотое") (2) // интеллигенция как асоциальный класс ("аресты "наиболее видных" представителей новой интеллигенции, членов партии; процессы над "вредителями" из рядов научно-технической интеллигенции") (2) борьба за мир, за расширение научного и культурного сотрудничества со всеми странами (1) // осуществление великих задач пятилетнего плана (1) // приверженность "высокоморальному образу интеллигента" ("считать личные отношения чем-то постыдным") (1) // кульп личности И.В. Сталина ("ошибки и сталинские злоупотребления") (1) [6: ruscorpora.ru].

Тематическая сфера "**социальная / классовая характеристика**" характеризуется кластером контекстуальных смыслов: профессиональная характеристика (учителя, инженеры, техники, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, служащие предприятий и учреждений, административное управление, деятели театров, писатели, редакторы, ученые, академики, государственные деятели, литераторы, журналисты, профсоюзные лидеры, деятели искусства, педагоги, артисты) (22) // интеллигенция как часть советского общества, наряду с крестьянством и рабочими, как социальный слой / прослойка / группа; как часть трудового народа СССР (21) // народность интеллигенции, происхождение из трудовых слоев ("В творческом содружестве с рабочими и крестьянами трудится наша советская интеллигенция – плоть от плоти народа, кровно связанная с ним теснейшими узами") (12) // противопоставление "старой" и "новой советской" интеллигенции (8) // социальная обеспеченность, быт (3) // формирование национальной интеллигенции, специалистов, кадров сов. интеллигенции (3) // элитарная, привилегированная интеллигенция ("Авторы их – респектабельные члены Союза писателей, отнесенные к элите, к цвету советской интеллигенции, глашатаи гуманности и человечности") (2) // стирание грани между рабочими массами и интеллигенцией, работниками искусств ("стахановцы становятся в ряды советской интеллигенции") (1) [6: ruscorpora.ru].

Тематическая сфера "**социально-политическая характеристика**" представлена кластером следующих контекстуальных значений: активное участие в социальной жизни страны, руководящая роль в социалистическом строительстве, проводник развития в стране науки, техники и культуры ("Центральный комитет КПСС выражает уверенность, что наша советская интеллигенция будет с еще большей энергией, настойчивостью развивать науку, ... добиваться эффективности научных работ, ... создавать духовные ценности") (21) // партийность, лояльность по отношению к власти, проводник идей КПСС в народные массы ("неустанно пропагандирует преимущества советского социалистического строя перед капиталистическим"; "молодая СИ, мощным потоком вливающаяся во все обла-

сти коммунистического строительства"; "коллектив научных работников, стремящихся оправдать заботы и доверие партии и лично товарища Сталина") (19) // страхи перед репрессиями, взаимное недоверие и враждебность между интеллигенцией и народом, закрытость от внешнего мира (16) // диссидентство / оппозиционность государству ("организация "демократического движения" на западные деньги"; "публикации в западной печати"; "призывы бороться с расширением "реакции" в СССР"; "отъезд интеллигенции в Израиль"; "публичные протесты более 300 человек"; "выступления против произвола судебных и психиатрических органов"; "удивительная черта" советской интеллигенции: почти вся советская интеллигенция оппозиционно настроена к власти") (10) // критика со стороны оппозиционной интеллигенции – советской, лояльной интеллигенции, реакция ("А уж новую советскую интеллигенцию "актив" ненавидит всеми фиброй своих твердых душ") (6) // либералы в среде советской интеллигенции (3) // "программа технократии... весьма популярна среди части советской интеллигенции" (1) [6: ruscorgora.ru].

Тексты с компонентом "социалистическая" эксплицируют исследуемый концепт "интеллигенция" в дилемме с компонентом "буржуазная", ассоциируя с дефиницией *революционная интеллигенция*, "пропагандировавшая социалистические идеи" и руководившая "судьбами революции" [6: ruscorgora.ru].

Тематическое моделирование характеристик концепта "интеллигенция" с коннотацией *советская* в ходе количественного контент-анализа дало нам следующую иерархию контекстуальных значений по кластерам: 1) социально-политическая характеристика (76); 2) социальная / классовая характеристика (72); 3) этическая/нравственная характеристика (40).

Выделяя ядерные зоны концептуальной модели "советской интеллигенции", полученные в ходе исследования, отметим активность, частотность следующих нарративов: руководящая роль в социалистическом строительстве // активное участие в социальной жизни страны // проводник развития в стране науки, техники и культуры // характеристика по профессиональному признаку // интеллигенция как часть советского общества, трудового народа СССР // служение интересам государства и партии // представление интересов народа и служение ему как "решающая роль" советской интеллигенции // интеллигенция как образцовый показатель в обществе ("уникальное, чисто русское явление" / "удивительная врожденная интеллигентность" / "думающая и неравнодушная" и др.) // патриотизм // вера в социальную справедливость, гуманизм, свободу.

Отметим, что языковые средства, вербализирующие "интеллигенцию" в советский период, имеют положительную оценочность понятийного содержания имени концепта в его ядерной зоне. Отрицательная коннотация встречается в ближней и дальней перифериях, в дефинициях *"диссиденты"*, *"оппозиционный настрой к власти"*, *"либералы"*, *"вредители"*, *"культ личности"*, а также в нарративах дилеммы "старая, буржуазная" – "новая, советская /социалистическая" интеллиген-

ция.

Таким образом, сигнификативное значение концепта "интеллигенция" претерпевает новую трансформацию с коннотативным компонентом "советская" в условиях новой исторической формации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т.1. – М.: Рус. яз., 1994. – СС. 351–352.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. // Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
3. Попова З.Д. Введение в языкознание: пособие для практических занятий. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. – 72 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь, 1935-1940. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/824766> (Дата обращения: 05.10.2023 г.).
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь, 1949-1992. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/o gegova/74902/> (Дата обращения: 05.10.2023 г.).
6. Национальный корпус русского языка, 2003-2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 05.10.2023 г.).

**ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА:
ДИСКУРСИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
УРБАНИСТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА ЕКАТЕРИНБУРГА**

Ольга Игоревна Асташова
o.i.astashova@yandex.ru

K.ф.н.
Доцент кафедры русского языка и стилистики
Институт гуманитарных наук и искусств
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию фрагмента смыслового портрета урбанистических медиатекстов Екатеринбурга. С помощью автоматического семантического и дискурсивного анализа выявлены смысловые доминанты и объекты дискурса, на основании субъектных позиций выделены кластеры городских социальных медиа. Екатеринбург конструируется как один из мировых мегаполисов с высокодинамичной средой.

Ключевые слова: медиадискурс, смысловой портрет, дискурс-анализ, семантическая сеть, урбанистический дискурс, автоматическая обработка текста, дискурсивные практики.

**ONE DAY IN THE CITY'S LIFE:
DISCOURSE AND SEMANTIC ANALYSIS OF
EKATERINBURG'S URBAN MEDIA DISCOURSE**

Olga Astashova
o.i.astashova@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences
Associate Professor at the Department of Russian Language and Stylistics
Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Abstract. The paper is devoted to the description of the semantic profile fragment of Ekaterinburg's urban media texts. Semantic dominants and discourse objects

are detected with the help of automatic semantic and discourse analysis, urban social media clusters are revealed by virtue of subjective positions. Ekaterinburg is constructed as one of the world's megacities with highly dynamic environment.

Keywords: media discourse, semantic profile, discourse analysis, semantic web, urban discourse, automatic text processing, discursive practices.

Изучение языкового существования городского пространства имеет давнюю филологическую традицию. В области медиалингвистики внимание к городу возрастает в связи с появлением новых городских медиа, ставших отражением децентрализации российских СМИ и глобальной тенденции к урбанизации. Сформировался особый сегмент медиасреды, посвященный урбанистической повестке. В науке сформировался термин "медиаполис" [6] как обозначение горизонтально-ориентированного коммуникативного единства горожан, особого стиля жизни, правилам которого подчиняется урбанистический дискурс.

Урбанистически ориентированные интернет-издания, по замечанию В.В. Абашева и И.М. Печищева, уходят от краеведческого и туристического представления о городе как о чем-то уникальном и больше "соотносят свой город с контекстом мировых тенденций" [1: 205]. Аксиологию новых городских медиа составляет локально очерченная повседневность. Цель нашего исследования – зафиксировать эту повседневность в виде фрагмента смыслового портрета урбанистического медиапространства текущего дня. Методом сплошной выборки мы проанализировали публикации городских социальных медиа Екатеринбурга за один день (01.07.2023). Материал составили сообщения лидеров медиарейтинга: 3 Интернет-СМИ (URA.RU, E1.RU, Комсомольская правда-Екатеринбург), 5 каналов Telegram (It's My City, 66.ru, Екатское чтиво, Свет Екатеринбург, Екатеринбург №1), 40 городских сообществ Vkontakte и более 3500 комментариев пользователей.

Термин "смысловой портрет" из области автоматической обработки текста применяется нами в связи с использованием технологии автоматического смыслового анализа. Для мониторинга полученного корпуса текстов мы использовали программную систему TextAnalyst 2.0, основанную на нейросетевом подходе. Под смысловым портретом подразумевается сеть понятий, составляющих содержательный каркас действительности, которая описана текстом [7]. Определяются ключевые понятия текста по частотности, по степени смысловой нагрузки, а также по количеству их связей в тексте. Каждому элементу сети и связям присваивается семантический вес с максимальным значением 100. Полученная семантическая сеть позволяет увидеть тематическую структуру текста с детализацией иерархических отношений.

Признавая потенциал генеративных систем для интерпретационной семантики, мы рассматриваем обнаруженный программой набор вершин семантической сети как основные штрихи к смысловому портрету городского медиаконтента, в

дальнейшем анализ дополняется привлечением метода дискурс-анализа. Синтез двух методов называем дискурсивно-семантическим анализом.

Дискурс понимается нами в духе французской школы – как социально обусловленная коммуникация, осуществляемая не по осознаваемым и индивидуальным правилам, а по следам уже циркулирующих в дискурсе практик. Таким образом, к понятию смыслового портрета мы присоединяем дискурсивные практики, конструирующие реальность, описанную урбанистическими интернет-сообщениями. Вслед за методикой, разработанной уральской школой дискурс-анализа, выявляются субъектные позиции и объекты, конструируемые в публикациях городских медиа [8].

В результате суммарной автоматической обработки текстов Екатеринбург был определен как ключевой объект, который имеет наибольший вес ассоциативных связей с событийной стороной городской жизни: среди корней семантического древа значатся слова, относящиеся к происшествиям, и глагол со значением говорения (см. рис. 1). В связи с преобладанием в отобранном материале новостных источников внимание приковано к любым нарушениям обычного порядка – в масштабах города это, как правило, автодорожные аварии, поиск пропавших без вести и местные криминальные истории. К примеру, за один день широко обсуждаются 3 автомобильные аварии с пострадавшими, 2 случая поиска людей и резонансный инцидент – убийство мальчика, ранее объявленного пропавшим, обвиняемый – его опекун.

Рис. 1. Семантическая сеть по результатам сплошной выборки

Концепт "город", также вошедший в состав вершин семантической сети, объединен с ключевыми понятиями "умный" и "жизнь", что коррелирует, во-первых, с уральской идентичностью [2], во-вторых, с дигитализацией городской инфраструктуры, в-третьих, с урбанистической установкой на самоорганизацию гражданского общества, переход от пассивной роли потребителя административных ресурсов к активной позиции сознательного отношения к локальному окружению. Значимыми субъектами в его формировании рисуются представители власти,

бизнеса и екатеринбуржцы в своем пёстром социальном разнообразии.

Среди практик, конструирующих в медиатекстах Екатеринбург, неслучайно и выдвижение на ведущее место значения лексемы "рассказал/а". В этом тоже видится отражение одной из тенденций дискурсивного бытия медиаполиса – нарративизация города, которую отмечают многие исследователи [1: 3]. Жители ежедневно пишут хронику своего жизненного опыта через пространственно-временную схему нарратива, конструирующую окружающие объекты и территориальную идентичность.

В ходе анализа материал был кластеризован на СМИ, социальные сети и комментарии. Принципом дифференциации послужило выделение в урбанистическом медиадискурсе субъектных позиций трех типов:

1. Позиция журналиста зарегистрированных СМИ – характеризуется сочетанием официального и рекламного дискурса, а также ориентацией на рейтинг, который определяет дискурсивные практики отбора событий с фокусом на сенсационность. Политические новости и федеральная повестка отведены на второй план, рубрики "криминал", "происшествия" имеют высокие количественные показатели цифровых следов. С помощью обзора тематической структуры текстов были обобщены номинации множества подтем, поднимаемых в журналистском дискурсе. Помимо уже перечисленных смысловых доминант, СМИ обращаются к темам строительства, образования и погоды. Отмечается практика помещать Екатеринбург в общероссийский и мировой контекст [2]: *Как Екатеринбург начинал строить небоскребы и едва не стал российским Чикаго; Уральский Лас-Вегас! Что за столбы и арки появились на улице Вайнера.*

2. Позиция контент-менеджера городских сообществ, Интернет-СМИ и каналов в социальных сетях – предполагает освещение городской жизни со слиянием точек зрения, с одной стороны, авторов, продвигающих цифровой контент в границах города и региона, и, с другой стороны – горожан, заинтересованных в развитии городской среды и принимающих в нём активное участие.

Семантическая сеть городских пабликсов в социальных медиа пополняет смысловой портрет вершинами "био-" и "спорт", типичными для урбанистически ориентированных медиа по причине современной моды на экологию и здоровье [5]. Дискурсивные практики отбора содержания для данного кластера отличаются гибридностью. Очевидно дозированное проникновение официального регионального дискурса за счёт цитирования СМИ, а уникальные сообщения строятся практиками рекламного и развлекательного дискурса с повышенной значимостью визуальных, интерактивных элементов и актуализацией фатического общения. Удачные фотографии с видами Екатеринбурга и тяготеющие к ритуальным ночные чаты возведены в ранг самостоятельных публикаций.

Заметно движение коммуникации снизу, когда действуют практики "честного" урбанистического дискурса: исключены сообщения федерального значения

без какой-либо связи с городом, аксиологический статус обретают гедонистические интересы (точки питания и сервиса, афиша и т.д.), комфорт и эстетика среды, вопросы городского планирования с акцентом на гражданский контроль исполнения. Например: *В Екатеринбурге объявили конкурс среди скульпторов, дизайнеров и художников на создание арт-объекта; К юбилею Екатеринбурга планируют отремонтировать остатки завода "Монетка" в Историческом сквере за 5.000.000?*

3. Позиция горожан представлена в пользовательских комментариях – том, что принято называть постсобытийным дискурсом, в котором консолидирующими звеном выступает совокупный опыт проживания события. Этот кластер идеологически мозаичен и нуждается в отдельном изучении, поскольку по сравнению с исходным текстом референтные объекты трансформируются, существенно расширяется их количество [4: 141].

Зарегистрированные в семантической сети концепты соответствуют статистике цифровых следов на веб-страницах с новостями об убийстве ребёнка ("опека" – 100) и об аварии со смертельным исходом ("водитель" – 99, "обгоняй" – 99). Комментирование негативных событий сопровождается практиками поиска виноватых, среди которых наиболее часто встречающимся объектом является власть: *Виноват глава страны, раньше за усыновление, за рождение детей платили крохи, а сейчас (...) таких приёмных мам немало, которые берут детей ради денег.* Трагедии редко связываются с городом или регионом, чаще выяснение причин приводит к рассуждениям о справедливости мироустройства вообще, о боге, о стране и особенностях современной эпохи: *куда смотрит бог? (...) раньше явно такого не было.*

Еще одной практикой субъектной позиции горожан можно назвать аналогии. В репликах о происшествиях повторяются речевые реакции "шоу/сериал", и независимо от темы публикации нередко проводятся параллели с историей: *А я отлично помню Вайнера в нищие 90-е с забором по центру и потом киосками как из какого-то ада.*

Дискурсивно-семантический анализ городских социальных медиа Екатеринбурга позволил обнаружить динамичные концепты, конструируемые дискурсивными практиками субъектных позиций разных участников. Повседневность горожанина описывается в большей степени малоспецифичной с точки зрения проявления территориальной идентичности, в ней закрепляются сигналы урбанистического дискурса с поиском поводов для коммуникации, коллaborации и развлечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В.В., Печищев И.М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак: проблемное поле медиаобразования, №4 (30). – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2018. – СС. 201–214.

2. Асташова О.И. Уральская идентичность в региональном медиадискурсе // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике, Часть 1. – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – СС. 154–159.
3. Власова Е.Г. Я-нarrативы и конструирование городской идентичности в урбанистически ориентированных медиа // Медиалингвистика, № 6 (3). – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2019. – СС. 303–314.
4. Павлова Н.Д., Гребеникова Т.А. Постсобытийный дискурс в интернет-сообществах: интенциональная структура и приёмы воздействия // Экспериментальная психология, Т. 13, №1. – М.: ФГБОУ ВО "Московский гос. психолого-педагогический ун-т", 2020. – СС. 138–148.
5. Пильгун М.А. Экоэтика горожан: мода на здоровье и цифровая репрезентация экологической проблематики // СоциоДиггер, Т. 3, Вып. 8. – М.: ОАО "ВЦИ-ОМ", 2022. – СС. 50–55.
6. Современный российский медиаполис / под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Филологический ф-т, 2012.
7. Харlamов А.А. Нейросетевая технология представления и обработки информации (естественное представление знаний) – М. : Радиотехника, 2006.
8. Чепкина Э.В, Енина Л.В. Журналистский дискурс: анализ практик // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры, №2 (89). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2011. – СС. 76–85.

ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА "КЛАССИК" НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Дмитрий Олегович Бральгин
bralnin00@mail.ru

*Преподаватель
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Сыктывкар, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу понятийного компонента концепта "классик" на материале национального корпуса русского языка. Было выяснено, что термин "классик" за всю историю своего существования претерпел много изменений значения. Выделяются ядерные и периферийные компоненты концепта "классик" в значении "образцовый деятель культуры" с опорой на репрезентативные тексты.

Ключевые слова: концепт, классик, понятийный компонент, национальный корпус.

THE CONCEPTUAL COMPONENT OF THE CONCEPT "CLASSIC" BASED ON THE MATERIAL OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Dmitrii Bralnin
bralnin00@mail.ru

*Lecturer
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the conceptual component of the concept "classic" on the material of the national corpus of the Russian language. It was found out that the term "classic" for the whole history of its existence has undergone many changes in meaning. The article identifies the nuclear and peripheral components of the concept "classic" in the meaning of "exemplary cultural worker" with the support of representative texts.

Keywords: concept, classic, conceptual component, national corpus.

Концепт "классик" является важным элементом русской языковой картины мира и исследуется во многих гуманитарных и социальных дисциплинах, таких как экономика, философия, история и другие. Исследование данного концепта имеет большое значение для понимания русского менталитета и системы ценностей, поскольку "классик" занимает особое место в отечественной культуре. Заявленный концепт до сих пор не получил целостного описания в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, хотя предпринимались попытки анализа отдельных его аспектов, например, в рамках коллективных монографий [3].

Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений о структуре и содержании концепта "классик", а также особенностях объективации концептов в языке на материале текстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, <https://ruscorpora.ru/>). Полученные результаты вносят вклад в изучение русской языковой картины мира и расширяют возможности моделирования концептосфера с использованием данных национального корпуса текстов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в лексикографической практике при составлении толковых и ассоциативных словарей, отражающих содержание ключевых концептов русской лингвокультуры. Кроме того, материалы статьи могут быть использованы в вузовских курсах по лексикологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, а также при разработке учебных пособий по межкультурной коммуникации.

В современной лингвистике активно разрабатывается антропоцентрический подход, рассматривающий тесную взаимосвязь языка, сознания и культуры. В рамках этой антропоцентрической парадигмы формируются такие два актуальных направления, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология, которая ориентируется "на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке" [8; цит. по 4: 8].

В рамках этого подхода концепт понимается как "дискретное ментальное образование, <...> представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, <...> отношении общественного сознания к данному явлению или предмету" [7: 24]. Концепты формируются в процессе познавательной деятельности человека и несут в себе этнокультурную специфику, и изучение концептов дает возможность моделировать соответствующие фрагменты языкового сознания носителей культуры.

Согласно концепции В.И. Карасика, в состав концепта входят понятийный, образный и ценностный компоненты [2]. Понятийный компонент фиксирует существенные признаки, которые можно выявить при анализе значения соответствующего слова. Образный компонент отражает чувственно-наглядные характеристики предмета или явления. Ценностная составляющая связана с оценкой значимости концепта в культурном пространстве.

Обращение к классическим произведениям и образам составляет неотъемлемую часть отечественной культуры. В то же время само понимание классики и критериев классического на протяжении веков претерпело существенную эволюцию. Цель данной статьи – охарактеризовать концепт "классик" в русском языковом сознании с позиций когнитивной лингвистики, опираясь на данные лексикографических изданий, национального корпуса русского языка и современные исследования.

История концепта "классик" восходит к истории Древнего Рима, где классиками считались представители наиболее состоятельной группы граждан. После длительного перерыва только в XV–XVI веках метафора "классик" начинает встречаться в Италии, Франции и Англии. С XVII века вслед за широким распространением данной метафоры "классикой" стали именовать античные тексты.

Классическими, по замечанию А.В. Полетаева, занимающегося концептуализацией классики в общественных науках, называются произведения, которые удовлетворяют одновременно трем условиям: считаются классикой в науке, изучаются в процессе обучения и используются в современных исследованиях [6: 12–13].

Лексикографические источники [1, 5] позволяют выделить следующие важные для описания концепта "классик" компоненты значения: непреходящая ценность самого деятеля и его произведений, сторонник классицизма, имеющий классическое филологическое образование.

Национальный корпус русского языка открывает новые возможности для изучения концептов на обширном и репрезентативном языковом материале. Для реконструкции понятийного содержания концепта проводится комплексный анализ различных контекстов употребления слова "классик" и производных от него, представленных в НКРЯ. Слово "классик" встречается в Национальном корпусе в 2575 текстах и 4708 примерах. Для подтверждения сделанных наблюдений в статье после каждого пункта приводится 1-2 примера.

Первые упоминания понятия "классик" в НКРЯ относятся к концу XVIII – началу XIX веков. М.А. Дмитриев в одной из своих статей указывает, что многие ученые обращаются к трактовке греческих классиков, а Пушкина можно назвать "Классиком Второго разговора" и ультрамантиком [Дмитриев М.А. Возражения на разбор "Второго разговора", 1824]. Там же говорится, что молодежь описывающего периода греческих классиков не читает и в то же время презирает классиков за то, что классики увлекаются чтением Аристотеля и Горация. Эти греческие, а затем и римские классики в начале XX века станут называться "старыми", что зафиксировано, например, в сочинениях М.Н. Волконского [Волконский М.Н. Ищите и найдете, 1904].

В многочисленных сочинениях первой половины XIX века часто приводится антонимическая пара "классик – романтик", что отражает лексикографиче-

скую дефиницию 'представитель классического направления литературы'. Авторы рассуждают о сходствах и различиях классиков и романтиков. К этой проблеме обращается В.Н. Майков, писавший, что "романтик – тот же классик, только нарядившийся в новое платье, изменивший слова девиза, но нимало не отказавшийся от его сущности..." [Майков В.Н. Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимile и статью о его жизни и сочинении, 1846]. В.А. Жуковский называл и классика, и романтика язычниками, но первого из них – по незнанию, а второго – по отрицанию [Жуковский В.А. О меланхолии в жизни и в поэзии, 1848].

Как видно из представленного описания, в национальном корпусе русского языка встречаются упоминания и греческих классиков, и пары "классик – романтик", но в данном исследовании делается попытка описать ядро и периферию концепта "классик" с точки зрения его понимания как великого мастера, уважаемого деятеля культуры и искусства.

В размещенной в подкорпусе письменных текстов статье "Весенний призыв", опубликованной в журнале "Экран и сцена" [Весенний призыв // Экран и сцена, 2004], прослеживается трехступенчатая модель становления классиками. Рассуждая об особенностях присуждения премии "Ника", автор указывает, что существуют входящие в кинематограф люди, которые постепенно могут стать мастерами, а затем и классиками. Стоит отметить, что подобное разделение может быть использовано для любой деятельности, к которой применимо понятие "классика": сначала происходит освоение азов, опытные работники и деятели становятся мастерами, впоследствии входя в классику при достижении выдающихся успехов.

Анализ ядерных и периферийных сем дает представление о структуре понятийного содержания концепта "классик". Ядро понятийного компонента концепта "классик" в данном значении согласно проанализированному из НКРЯ материалу составляют следующие наиболее существенные признаки:

1. Принадлежность к высокой, элитарной культуре. Классиками обычно именуются деятели и произведения, относящиеся к разряду образцовых, эталонных для своей эпохи и последующего культурного развития. Так, В.Г. Короленко называл И.А. Гончарова "классиком новейшей русской литературы" [Короленко В.Г. Письма 1901 года, 1901].

2. Надвременной, общечеловеческий характер ценностей. Произведения классиков не теряют актуальности с течением времени, а содержащиеся в них идеи и образы сохраняют значимость для последующих поколений. О постановке классики школьными театрами в статье из журнала "Народное творчество" [Классика на школьной сцене // Народное творчество, 2004] говорится, что русская классика имеется в репертуаре практически каждого школьного театра, но сейчас всё больше становится возможна вольная интерпретация и искажение содержания произведений. В то же время включение в театральную программу современных авторов должно сохранять и "продолжать отечественные культурные традиции" и ценно-

сти.

3. Новаторство, внесение значительного вклада в развитие культуры и искусства. Классиками становятся деятели, чье творчество знаменует новый этап в литературном или художественном процессе. Например, Ю.А. Прыткова называют классиком советской мультипликации [Вехи // Русский репортер, № 3, 2011], так как он создал "более 30 работ, среди которых "Песенка мышонка", "В стране невыученных уроков", "Дядя Миша", "Заяц Коська и родничок", "Сказка про лень"" и др.

4. Масштаб и глубина отражения действительности. Произведения классиков охватывают наиболее важные, сущностные стороны человеческого бытия. Юлий Даниэль в личном письме писал: "Бог мой, да кто же сомневается, что классики – "вечные" и проблемы их – тоже "вечные"! Проблемы-то вечные, а герои – во времени..." [Даниэль Ю. Письма из заключения, 1966–1970].

5. Высокие художественные достоинства, совершенство формы. Так, Н.О. Лосский отмечал красоту произведений Гомера и других классиков [Лосский Н.О. Воспоминания: жизнь и философский путь, 1968]. Данное выражение можно рассматривать и с позиции этого значения, а не только с точки зрения семантического компонента 'представитель античности'.

К периферии понятийного компонента концепта "классик" можно отнести такие признаки, как:

- принадлежность к определенной национальной культуре или эпохе. В Корпусе анализируется не только русская, но и немецкая, французская, итальянская классика;

- известность, признание современников и потомков. Так, в "Комсомольской правде" встречаем такую цитату: "Мы бережем драгоценное наследие наших классиков, наших современников, выдающихся советских писателей, которые уже окончили свой жизненный путь, оставив нам прекрасные творения своей мысли и сердца" [С партией, с народом! // Комсомольская правда, 1971];

- включенность произведений в школьную и вузовскую программы. А.А. Ахматова так сказала о М.М. Зощенко: "Художник умрет, книги его воскреснут, следующие поколения объяют его классиком, дети будут изучать в школах" [цит. по книге Катаняна В. Прикосновение к идолам, 1998];

- использование в качестве эталона, с которым сопоставляются последующие деятели культуры. К.Л. Селиверстов о столкновении текста "Женитьбы" Н.В. Гоголя с современностью пишет: "Я совершенно не боялся, что мои актеры со своими текстовыми импровизациями могут не выдержать сравнения с классиком мировой литературы" [Селиверстов К.Л. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве // Волга, 2011].

Данные периферийные признаки уточняют и конкретизируют ядерные сemy, но не являются обязательными для отнесения того или иного деятеля к разряду "классиков". Таким образом, в понятийном компоненте концепта "классик" мож-

но выделить ядро, включающее наиболее существенные и устойчивые признаки, и периферию, где сосредоточены дополнительные, факультативные семантические компоненты.

Анализ национального корпуса русского языка позволил в данном исследовании представить комплексный понятийный компонент "классика", одного из важных концептов русской лингвокультуры. Проанализированный материал показал, что в Корпусе концепт "классик" представлен в большом количестве словоупотреблений и с различных сторон: от классиков античной литературы до современных выдающихся деятелей культуры искусства. Ядро концепта "классик" в последнем из этих значений составляют такие признаки, как принадлежность к элитарной культуре; вневременной характер, масштаб и глубина творчества; новаторство и внесение значительного вклада в свою сферу деятельности. Периферийными признаками концепта "классик" являются принадлежность к эпохе, признание современников и потомков, включение в программу школ и вузов и представление классика как эталона, идеала для подражания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразовательных единиц. – Москва: Астрель, 2005. – 636 с.
2. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – СС. 3–16.
3. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании: коллективная монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 536 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: ООО "А ТЕМП", 2006. – 944 с.
6. Полетаев А.В. Классика в общественных науках // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – СС. 11–49.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.

**НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА "ДОМ" В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ Н. АБГАРЯН "МАНЮНЯ")**

Ольга Михайловна Вертинская

OVertinskaya@kantiana.ru

К.н.ф., доцент

Доцент ОНК «Институт образования и гуманитарных наук»

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Калининград, Россия

Елена Максимовна Рыбакова

vombatrozowiy@yandex.ru

Магистрант

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Калининград, Россия

Аннотация. В статье происходит уточнение структуры и содержания концепта "дом", под влиянием советской эпохи "прирастающего" новым значением "многонациональный дом". Исследование языковых экспликаторов интеграции тотально-советского в уникально-национальный контекст через призму детского и взрослого мировосприятия, находящегося в центре внимания повести Н. Абгарян "Манюня", позволяет выявить особенности концепта "дом" советской эпохи.

Ключевые слова: концепт "дом", лингвокультурологический анализ, детская литература, идентичность, хронотоп.

**A NEW UNDERSTANDING OF THE CONCEPT OF "HOME"
IN THE SOVIET ERA (BASED ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS
OF N. ABGARYAN'S STORY "MANYUNYA")**

Olga Vertinskaya

OVertinskaya@kantiana.ru

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Associate professor of PMC «Institute of Education and Humanities»
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kalininograd, Russia*

Elena Rybakova
vombatrozowiy@yandex.ru

*Master Student
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kalininograd, Russia*

Abstract. This article clarifies the content of the concept "home", which, under the influence of the Soviet era, "grew" with a new meaning of "multinational home". The study of linguistic explicators for the integration of the total-Soviet into a unique national context through the prism of children's and adult worldviews will reveal the features of the concept "home" of the Soviet era.

Keywords: concept "home", linguocultural analysis, children's literature, identity, chronotope.

Концепт "дом" – один из ключевых концептов культуры. Ему посвящено множество исследований, обычно сосредоточивающих своё внимание либо на культуре одной страны или этноса, либо на его сравнительном анализе в разных культурах (например, исследования Ю.С. Степанова, Б.Г. Глозмана и С.А. Аскольдова и др.). В русскоязычной культуре концепт "дом" существенно меняется в XX веке с приходом советской власти. Этот процесс нашел отражение в литературе середины-конца XX века и все еще осмысливается в литературе современной (например, исследование Ф.В. Кувшинова). Характерной особенностью советской эпохи стало сосуществование в составе одного государства различных культур, которые должны были так или иначе встраиваться в общие стандарты (например, исследование И. Сандомирской). Советская эпоха, по романтическому мнению одних, была лучшим временем в истории России, объединившем разные народы в одну большую дружную семью. По мнению критиков эпохи, именно в этот период сформировалась обезличивающая философия *хомо советикуса*, которую впервые выделил С. Булгаков.

Интеграция культур и проблема сохранения национальной идентичности – одна из главных тем повести "Манюня" российской писательницы армянского происхождения Наринэ Абгарян. Повесть "Манюня", написанная в 2010 году, представляет собой жанр детской автобиографической литературы. В повести рассказывается о дружбе двух девочек разных национальностей (армянки и еврейки), детство которых проходило в советской Армении 1970-х годов. Повесть интересна с точки зрения исследования эволюции концепта "дом" в русской культуре, произошедшей в советскую эпоху. Специфика нарратива повести "Манюня" заключается в том, что мир, представленный глазами ребенка, одновременно рефлексируется повзрослевшей героиней. Центральным образом повести является дом. Мы исходим из

убеждения, что данный концепт представлен здесь тремя смысловыми частями: 1) дом как центр семейного очага, место, объединяющее родных или близких людей на основе общих ценностей, 2) дом как место жизни человека, его родина и 3) дом как многонациональная семья, объединенная идеологией советской эпохи.

Таким образом, концепт "дом" в повести имеет полевую структуру; он представлен тремя ядерными зонами: 1) "пространство", 2) "люди (жители)", 3) "уклад", которые рассматриваются на примере домов двух традиционных семей – армянской и еврейской. Периферию концепта представляют области "дом-Армения" и "дом-СССР". Из-за специфики хронотопа периферийная область связана с ядром концепта: советская эпоха оказывает существенное влияние на жизненный уклад двух разных по национальности семей, объединенных общим местом проживания в одну историческую эпоху.

"Дом-пространство" в ядре концепта представлен двумя разными по организации и укладу домами: "еврейским домом", локализованным в старом *дореволюционном* частном доме с обеспеченной приватностью, и "армянским домом", локализованном в *кооперативной четырехкомнатной квартире*, в которой жилыми являются только три комнаты и в которой живёт целых шесть человек. Первый дом в большей степени сохраняет национальную идентичность ее владельцев. Второй дом больше тяготеет к типичному советскому дому. В пределах своего дома герои не имеют разграничений по зонам – герои обитают во всех локациях дома/квартиры, перемещаются и пересекаются в них свободно; зонирование локаций носит формальный, а не фактических характер. Так на уровне малого дома реализуется общая идея диффузных пересекающихся границ: Советский Союз – общий дом, в котором живет одна многонациональная семья.

Периферию ядерной зоны "дом-пространство" составляют нежилые локации, в которых героям приходится проводить существенную часть своей жизни. Вне личного дома зонирование проявляется более четко. Внешнее пространство разделяется, во-первых, по полу: мужчины *на работе*, женщины *в очередях*. Во-вторых, по возрасту. Общими для детей и взрослых локациями являются общий двор, *очереди* и *кинотеатр*. При этом дети и взрослые воспринимают одни и те же локации по-разному. Например, очередь для взрослых – это место добычи дефицитного товара и ожидания, что в тексте повести выражается соответствующими языковыми приемами, ср.: *"Не зря я так долго стояла в очереди*, – радовалась вечером мама. – *Мне достались две венгерские курочки!*". Кинотеатр, как очередь и общий двор, является в повести типичным экспликатором эпохи: в нем показывают индийское кино, это место общей радости, объединяющей жителей на почве иностранной культуры, ср.: *"Кого там только не было* – и трепетные школьницы, и хулиганистые мальчики, и домохозяйки, надевшие на себя *по случаю "выхода в свет"* все самое лучшее, и склонные старушки, которые приходили в кино в том числе и с намерением просканировать очередь и набраться новых тем для посиделок... Неко-

торые люди прибегали на просмотр чуть ли не с колхозных полей, буквально с орудиями труда наперевес. Поэтому очередь из провинциальных синефилов там и сям щерились лопатами, серпами, вилами и другим сельскохозяйственным и рабочим инвентарем". Сугубо детскими локациями являются *музыкальная и художественная школы*, а также различные "взрослые" культурные и партийные мероприятия, в которых главные героини принимают участие в составе детских хоров.

Ядерная зона "дом-люди" представлена всеми действующими в повести членами семей; на языковом уровне данная зона выражена именами героев. Номинации родственников – обитателей двух центральных домов – играют важную роль в экспликации концепта на всех трех уровнях. Здесь выявляется следующая особенность: представители старшего поколения носят традиционные для описываемой исторической эпохи имена (*Юрий, Надежда*); в еврейской семье номинации героев эксплицируют религиозные (бibleйские) мотивы, национальную идентичность: *Мария, Михаил, Роза Иосифовна*.

Представители младшего поколения армянской семьи в повести имеют только национальные имена, которые, однако, русифицируются в разговорной речи (*Наринэ – НарКа, Каринэ – КаринKa*).

Включченность обеих семей в периферийные зоны "дом-Армения" и "дом-СССР" представлена через близкое взаимодействие с типизированными представителями описываемой эпохи: разочаровавшийся эмигрант, еврейская семья, идеализированный москвич, грузинская супружеская пара. Все эти люди так или иначе становятся для героев семьей – не по крови, а в глобальном смысле. На уровне периферии вербализуется философия "все люди – братья". Достигается это различными путями: ритуально через принятие родов, через одно место рождения, через создание смешанных браков и через объединение совместным бытом.

Зона "дом-уклад" в ядре концепта представлена через сохранившиеся и поддерживающиеся традиции в двух семьях. В семье Наринэ Абгарян связь с национальными традициями выражена меньше, чем в семье Манюни Шац. Специфика семейного уклада эксплицируется здесь через описание иерархии ее членов, через тему религии и родного языка. В семье Шац сохраняется множество типичных еврейских паттернов поведения и стереотипный образ еврейской матери, перетекающий в образ еврейской бабушки – хранительницы семейного очага. В многодетной армянской семье вербализуется советское равноправие супругов и передовые взгляды на воспитание.

Еврейская семья чаще использует родной язык; сохранение языка происходит на уровне взрослых членов семьи. В армянской семье родной язык используется реже. Им пользуется только отец семейства, остальные многочисленные члены семьи говорят по-русски. Интеграция армянского языка в еврейской семье происходит на уровне бытового общения в виде нескольких расхожих слов и выражений.

На уровне периферии "дом-Армения" ядерная зона "дом-уклад" представ-

лена через эмоционально и оценочно окрашенные пейзажные зарисовки страны, колоритные географические объекты, среди которых выделяются *горы*, имеющие огромное значение для культуры Кавказа. Сцены в горах за всю повесть показаны всего два раза, но они очень важны. Первая открывает повесть, погружая читателя в культурный контекст через представление традиционной картины. Второй раз горы становятся первым сильным душевным потрясением девочек, полученным под влиянием папы. Так закрепляется связь не только с родным краем, но и с семьей.

Периферийная область "дом-СССР" представлена преимущественно через лексику с выраженной или скрытой отрицательной семантикой. На этом уровне текста вербализованы символы эпохи в момент ее кризиса, одним из которых является *дефицит*, ср.: "*Поиграть в мечту* было нашей излюбленной забавой. Суть игры заключалась в том, что мы по очереди называли *вещи, о которых мечтали, но которые, по разным причинам, были нам недоступны*". Подозреваю, что так развлекались все измученные дефицитом советские дети!" Другим маркером – приметой эпохи является описание приуроченных к знаковым датам событиям, которые в повести всегда изображаются с помощью приема контраста.

Таким образом, в повести "Манюня" концепт "дом" имеет свою специфику, определяющуюся местом и временем действия. Ключевое в контексте повести понятие *семья* расширяется. Традиционная христианская установка о родстве всех людей преобразовывается в братство интернационала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абгарян Н.Ю. Манюня. – М.: Издательство АСТ, 2010. – 317 с.
2. Грунина Е.О. Языковая реализация авторской модальности в серии романов Н. Абгарян "Манюня" // Litera. – 2020. – №12. – СС. 217–226.
3. Кувшинов Ф.В. Гибель "дома" в русской литературе 20-30-х гг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – СС. 33–35.
4. Кувшинов Ф.В. Квартира-дом в русской литературе 1920-30-х гг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – СС. 23–25.
5. Сандромирская И. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках // КиберЛенинка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodina-v-sovetskikh-i-postsovetskikh-diskursivnyh-praktikah/viewer> (Дата обращения: 30.03.2023 г.).
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры// М.: Академический проект, 2001.

КОНЦЕПТ "ЗНАНИЕ" В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

Екатерина Владимировна Выровцева

e.vyrovvtseva@spbu.ru

К.ф.н., доцент

Доцент кафедры медиалингвистики

Институт "Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций"

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Специфика функционирования концепта "знание" в научно-популярной массмедиийной коммуникации рассматривается с точки зрения особенностей и механизмов речемыслительной деятельности в изданиях, совмещающих развлекательную функцию с распространением научного знания, просветительством. Эффективность коммуникации определяется соотношением понятий "информация" и "знание" в языковой картине мира адресата.

Ключевые слова: концепт "знание", научно-популярные массмедиа, диалог, языковая картина мира.

THE CONCEPT OF "SCIENCE" IN POPULAR SCIENCE COMMUNICATION: COGNITIVE ASPECT

Ekaterina Vyrovvtseva

e.vyrovvtseva@spbu.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Media Linguistics

Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications"

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

Abstract. The specifics of the functioning of the concept of "science" in popular science mass media communication are considered from the point of view of the characteristics and mechanisms of speech-mental activity in publications that combine an

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00184 "Речевые практики выражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации".

entertainment function with the dissemination of scientific knowledge and enlightenment. The effectiveness of communication is determined by the relationship between the concepts of "information" and "science" in the linguistic picture of the world of the addressee.

Keywords: concept "science", popular science mass media, dialogue, linguistic picture of the world.

Трансформация каналов коммуникации в связи с развитием цифровых технологий и изменением способов взаимодействия ее участников в массмедиа, которое ученые определяют как many-to-many (многие многим) [13], повлияла и на методы создания контента в научно-популярных изданиях – традиционном для российской журналистики и по-прежнему востребованном аудиторией типе СМИ. Главные функциональные задачи таких медиа – просветительство и популяризация научного знания. В условиях глобализации информации, "усталости от языка" [6], "визуального поворота" [1], замещения чтения скроллингом [12] особого внимания заслуживает проблема соотношения понятий "знание" и "информация" как в публикациях научно-популярных массмедиа, так и в языковой картине мира их аудитории.

Концепт "знание" в данном случае оказывается наиболее значимым при изучении медиалингвистических особенностей текстов научно-популярных изданий, так как "именно концептуальный анализ применяется ко всей лексеме в целом, поскольку концептуальные основания семантики являются общими для всех ее лексико-семантических вариантов" [4: 26]. Не менее важно замечание И. Т. Касавина о культурологической основе знания: "Знание с точки зрения социальной эпистемологии не столько отражение внешнего мира, сколько функция культурных архетипов и социального порядка" [7: 60]. Любое научное знание является семиотической системой, которая требует приложения традиционных для сферы гуманитарных наук о культуре методов исследования [11]. Научно-популярный дискурс таким образом оказывается социокультурной коммуникативной средой, которая переводит знание из научной сферы, где оно понимается как "сущностная целевая установка науки" [9: 474] и достоверный результат познавательного процесса, в представления о мире – социальные и индивидуальные, при этом необходимо преодолеть объективно оправданное сопротивление реципиента [2].

Принципиально значимыми компонентами концепта "знание" оказываются его pragmatичность – главное свойство любой информации, распространяемой медиа, и увлекательность (от интереса до сенсации) – необходимое условие функционирования научно-популярных массмедиа. Не случайно именно (медиа) стилистический аспект позволяет определить эффективность коммуникации как диалога адресанта, представляющего научное знание (это может быть ученый или научный журналист), и адресата, который должен освоить знание, то есть включить

его в свою индивидуальную картину мира. Когнитивный аспект позволяет выявить механизмы этого диалога, так как, по определению С.В. Мкртычян, он "связан с моделированием когнитивных структур, а также процессов и механизмов речемыслительной деятельности, связанных с осуществлением стилистического выбора языковых единиц" [8: 51].

Информационную потребность, которую еще А. Маслоу определил как базовую, в ситуации переизбытка новостей сравнивают с информационным интересом [10] адресата, к такого рода интересам можно отнести увлечение наукой и всем, что с ней связано. Вопрос о когнитивных структурах в процессе освоения научного знания оказывается особенно актуальным, что обусловлено спецификой аудитории научно-популярных изданий, которая, по мнению многих главных редакторов таких изданий, приходит за развлечением: "Научно-популярные журналы занимаются не столько пропагандой науки, сколько мы развлекаем людей научными знаниями. Это называется эдьютеймент" (<https://www.youtube.com/watch?v=C1b1Nx80T8E>). То есть возникает вопрос о способах представления и распространения информации в научно-популярном медиатексте с учетом того, что его главным объектом становится научное знание.

В современных массмедиа научное знание оказывается элементом, одной из составляющих бесконечного многоканального потока новостей, то есть может остаться лишь просмотренной и принятой к сведению (а затем вытесненной следующей новостью) информацией. Анализ соотношения знания и информации, основанный на поиске ответа на вопрос, любая ли информация становится знанием, то есть достигается ли цель – популяризация научного знания, требует праксиологического подхода, который обеспечивает "объективацию эффективной речевой медиадеятельности" [5: 6]. От выбора языковых средств и речевых действий зависит эффективность, результативность научно-популярной коммуникации, поэтому авторы публикаций особое внимание уделяют включению адресата в активный диалог – полемику, дискуссию, спор [3]. Востребованным речевым действием становятся разные варианты возражения, которое во многом и обеспечивает мыслительную активность адресата, без чего невозможен переход информации в знание.

Именно развлекательность как типологическая черта научно-популярных изданий и стремление вовлечь адресата в творческий процесс познания делает концепт "знание" более открытым и подвижным, это не только научно обоснованное *понятие*, закрепляющее результат исследования и рационально-мыслительных действий ученых, но и обобщенные *представления*, закрепленные картине мира конкретной личности, и эмоциональный *образ*, вызывающий любопытство и интерес, и *ценностная* составляющая характеристики личности или социальной группы. В связи с этим востребованным при выборе речевых средств оказывается риторический компонент, так как для организации эффективной коммуникации в очевидно обязательных условиях полемики и дискуссии именно он обеспечивает

активность реципиента. Это обусловило следующие черты текстов научно-популярных изданий, выявленных на основе анализа разноформатных медиа – сайтов журналов "ПостНаука" (<https://postnauka.ru/>) и "Кот Шредингера" (<https://kot.sh/>), телепрограммы "Научные расследования Сергея Малоземова" (https://www.ntv.ru/peredacha/Nauchnoe_rassledovanie/), подкастинга "Голый землекоп" (<https://libolibo.ru/zemlekop>), мультимедийной программы "Редакция.Наука" (https://www.youtube.com/channel/UCDK8SFd2iuF_h4kkIUoueJw): 1) нарративность (развернутое описание процесса достижения научного знания, истории научного открытия или личного опыта исследователя); 2) грамматически выраженная апелляция к адресату – реальному и потенциальному (императивные конструкции, обращения, личные местоимения, вопросительные конструкции и т.п.); 3) особая иллюстративность при характеристике научных фактов, объединяющая, например, цифровые данные и прецедентность.

Таким образом, знание в научно-популярной коммуникации рассматривается и воспринимается скорее не как референтное высказывание, которое доказывает соответствие знания реальному объекту действительности, а как часть социокультурных представлений, принятых и освоенных за счет вовлечения участников полилога в сложный, но всегда увлекательный процесс познания. На эту особенность указывает В.Ю. Яковлев: "культурные концепты говорят о субъекте знания в контексте pragматической ситуации познания, организуясь по принципу сообщения, в котором находятся Автор, Адресат (аудитория) и диалогические отношения между ними" [11: 15]. Если адресат остается пассивным, не вовлеченным в такой диалог, что не исключает его любопытства и ситуативной заинтересованности, то содержание публикации в научно-популярном издании остается информацией, не превращаясь в знание как результат коммуникации, то есть в оперативную ментальную единицу, в элемент (языковой) картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визуальный поворот в массовых коммуникациях: Коллективная монография / под ред. С.И. Симаковой. – Челябинск: Изд-во Челябинского университета, 2017.
2. Выровцева Е.В. Концепт "новое знание" в научно-популярном медиадискурсе: постановка проблемы // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкоznания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – Вып. № 3(50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – СС. 169–172.
3. Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л.Р. Дускаевой, отв. ред. Ю.М. Коняева. – СПб.: Медиапапир, 2022.

4. Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – №2 (22). – СС. 22–39.
5. Дускаева Л.Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. – 2019. – № 6(1). – СС. 4–18. DOI: 10.21638/spbu22.2019.101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medialing.ru/vektory-praksiologicheskogo-analiza-v-medialingvistike/> (Дата обращения: 25.08.2023 г.).
6. Загидуллина М.В. Панмедиатизация: закат вербальной коммуникации. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2019.
7. Касавин И.Т. Критерии знания: собственно эпистемические или социальные? // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2012. – СС. 57–63.
8. Мкртычян С.В. Когнитивный аспект коммуникативной стилистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4(033). – СС. 47–57.
9. Пружинин Б.И. Феномен "нового знания" в концептуальной сетке философии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36. – Вып. 3. – СС. 473–483. DOI: 10.21638/spbu17.2020.305
10. Свитич Л.Г. Феномен журнализма. – М.: Икар Москва, 2000.
11. Яковлев В.Ю. Ценностно-смысловые основания научного познания. ДД. – Киров, 2009.
12. Barashkina E., Virovtseva E., Maslenkova N. Media Text Of A City Online Newspaper: Functional Capabilities // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Ep-SBS. LXVI. – 2019. – PP. 515–523. DOI: 10.15405/epsbs.2019.08.02.60
13. Crosbie V. What is New Media? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sociology.org.uk/as4mm3a> (Дата обращения: 20.08.2023 г.).

ПОДХОД И МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОЛИНГВИСТИКЕ

Александр Казимирович Гадомский

agadomski@uni.opole.pl

Д.ф.н.

Хабилитированный доктор в области языкоznания, профессор

Институт языкоznания

Опольский университет

Opole, Польша

Аннотация. В современном языкоznании по-прежнему остаются открытыми вопросы подходов и методов теолингвистических исследований. В статье представлена точка зрения автора, согласно которой, их выбор и применение определяются спецификой объекта исследования. А это очередной, менее разработанный этап эволюции теолингвистики.

Ключевые слова: теолингвистические исследования, метод, подход.

APPROACH AND METHOD IN MODERN THEOLINGUISTICS

Aleksander Gadomski

agadomski@uni.opole.pl

Doctor of Philological Sciences

Doctor Habilitatus of Arts in Linguistics, Professor

Institute of Linguistics

University of Opole

Opole, Poland

Abstract. In modern linguistics, questions of approaches and methods of theolinguistic research still remain open. The article presents the author's point of view, according to which their choice and application are determined by the specifics of the research object. And this is another, less developed stage in the evolution of theolinguistics.

Keywords: theolinguistic research, method, approach.

Любая область человеческого познания, претендующая на звание науки, наряду с 1) объектом, 2) предметом изучения, 3) метаязыком, 4) определяется исследовательскими методами [6: 4].

В этом контексте мы хотели бы сказать несколько слов и о теолингвистических исследованиях. Наиболее полную информацию об их состоянии можно найти в опубликованных в последние годы работах таких авторов, как D. Crystal, A. Gadomski (А.К. Гадомский), Cz. Łapicz, E. Kucharska-Dreiβ, V. Hobbs, M. Ławreniuk, W. Przyczyna, J.-P. van Noppen Wagner A., M. Widel-Ignaszczak, M. Wojtak, E. Zmuda, Т.В. Ицкович, К. Кончаревић, В.А. Маслова, В.Е. Плисов, В.И. Постовалова и других [1–5; 7–25].

Рассуждая о теолингвистике, о которой было заявлено в начале 80-х годов XX столетия, можно допустить, что ответы на первые три вопроса уже, в принципе, найдены. Если же обратиться к менее разработанным проблемам в данной области, то, по нашему мнению, следует уделить больше внимания четвертому вопросу: методологии и методам исследования названного раздела языкоznания, поскольку "всякая наука утверждается как специфическая отрасль человеческого знания тогда, когда вырабатывает свой метод" [6: 4]. Такое положение вещей позволяет говорить об актуальности проводимых исследований.

Л.П. Иванова считает, что "с философской точки зрения, методология современного языкоznания может быть представлена в широком и узком понимании: а) как учение о структуре, логике и средствах лингвистической деятельности и б) как определенный подход к планируемой деятельности на всех ее этапах, как совокупность исходных принципов, которым подчиняется лингвистический поиск, начиная с определения объекта, предмета, цели и задач исследования, выбора лингвистических методов и заканчивая интерпретацией языковых явлений и формированием выводов, соответствующих теоретических положений или предположений" [6: 9].

Будучи связанный с теологией (богословием) и языкоznанием, теолингвистика, казалось бы, *a priori* должна использовать методы исследования названных наук, однако, как показывает опыт, исследователям, работающим в данной области, приходится менять уже известные подходы и разрабатывать собственные, теолингвистические, о чем пишут в своих работах В.А. Маслова, Ю.Ю. Митрошенкова, Н.Г. Николаева, С.И. Кузьмин, В.Е. Плисов, В.И. Постовалова [8–14].

Считаем, что основным подходом, используемым в теолингвистических исследованиях, должен быть теолингвистический подход, который, по мнению В.И. Постоваловой, "позволяет по-новому увидеть лингвистическую реальность и в открывшемся ракурсе открыть и охарактеризовать такие стороны языкотворческой деятельности, которые при других подходах ускользают от исследовательского внимания или же не получают в них адекватного теоретического осмысления. К ним относятся такие сокровенные моменты духовной реальности, как сотворение мира словом, райский язык, глюссология, литургическая практика Церкви и литературный язык и др." [14: 197–198].

Теолингвистический подход к исследуемому материалу повлек за собой

использование ряда методов, в числе которых может быть назван и метод теолингвистического анализа. Вслед за Н.Г. Николаевой и С.И. Кузьминым, под методом теолингвистического анализа мы понимаем "комплексный гуманитарный метод изучения "проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке", а также собственно языковых особенностей религиозного текста в целях постижения его сущностного смысла" [10: 46].

Примеры его практического применения на лексико-семантическом уровне религиозного языка можно найти в работах В.А. Масловой, по мнению которой, "современный язык обесценивается из-за узкопозитивистского взгляда на мир, утраты идеального библейского объема слов, потому что слово приобретает глубину или мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Примером служат слова *душа, любовь, спасение* и др. Так *любовь* сводится к взаимоотношениям полов, *душа* – несуществующая субстанция, *спасение* – это прежде всего спасение жизни. В то время как многие слова имеют глубинный духовный смысл: *соревнование* – это не современное состязание, а совокупность духовных усилий, ревность ко Христу; *убогий* – это не ущербный, а от находящийся у Бога; *послушание* – это услышать слова Христа и исполнить их" [8: 183–184]. В данном случае было бы уместно процитировать работу В.И. Постоваловой, в которой она говорит о том, что "для лингвиста-лексикографа "теолингвистическое" будет относиться к области описания религиозной лексики и ассоциироваться с миром смыслов и значений. Для священника, живущего в мире литургического богослужения и опытно знающего духовную силу Имени Божия, "теолингвистическое" будет неким синонимом "синергийного", мистически тождественного Фаворскому свету" [13].

Однако теолингвистические исследования не ограничиваются исследованием только лексико-семантической системы языка. Аналогичная работа проводится и на других уровнях языковой системы: фонологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Этому посвящена докторская диссертация И.В. Бугаевой [1].

Считаем, что сам факт заявления о теолингвистическом анализе открывает перед исследователями серьезные научные перспективы, однако его теория и практика требуют доработки.

Дискутируя о месте и статусе теолингвистики, ученые говорят о "теолингвистическом направлении" в современном языкоznании [11: 248–253]. По нашему мнению, в данном случае правильнее было бы говорить не об одном направлении, а о нескольких, что непосредственно связано со структурой теолингвистики, представленной ранее [2: 47; 17: 51].

Кроме того, нам приходилось встречаться с различными точками зрения на

тему самостоятельности теолингвистики.

Согласно первой, существует только одна лингвистика, одно языкознание, а все прочие разделы, выходящие за рамки "внутренней лингвистики", – это уже не собственно лингвистика, не собственно языкознание, а междисциплинарные исследования.

Согласно второй, теолингвистика – это такой же раздел языкознания, как психо-, социолингвистика и др. Однако взаимопроникновение теологии и лингвистики, подкрепленное соответствующими подходами (методологией), трансформирует старые, уже известные методы исследований, или порождает новые, что становится причиной получения других результатов. Как отмечает А. Вагнер, "теолингвистической лингвистике становится тогда, когда она имеет дело с определенным религиозным предметом" [22: 512]. И это очень хорошо просматривается на приведенных примерах, заимствованных нами у В.А. Масловой.

Поэтому, как отмечает М.Р. Галиева, одна группа учёных ведёт исследования проблемы взаимодействия языка и религии в рамках традиционных лингвистических направлений, таких как функциональная стилистика, лексикология, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика и др. (Бобырева Е.В., Бугаева И.В., Карасик В.И., Крысин Л.П., Орлова Н.М., Прохватилова О.А. и др.), а другая, учитывая сложность, неоднозначность и многоаспектность данной проблемы, подчёркивает необходимость её выделения в отдельное лингвистическое направление – теолингвистику, которая предполагает раскрытие взаимодействия и взаимообусловленности языка и религии во всех аспектах языка (Гадомский А.К., Постовалова В.И., Noppen J.-P. и др.) [5: 47].

Считаем, что в данном случае идет речь не о двух направлениях теолингвистики, а о двух следующих друг за другом этапах становления методологии теолингвистики, которая, как и любая другая наука, развивается по закону "отрицания отрицания". В данном случае следует отметить, что теолингвистика на ранних этапах – это раздел "внешнего языкознания". Однако то, чем занимаются теолингвисты, не позволяет считать ее до конца таковым, поскольку у исследуемого материала есть особое, глубокое, содержание и подходить к его изучению, следует не "извне", а только "изнутри", будучи в нем и признавая его не как параллельный, внешний, кем-то придуманный мир ("как бы", "по верованиям", "согласно религиозной идеологии"), а как мир, в котором мы все объективно пребываем (только каждый из нас по-разному воспринимает его). А это уже следующий, более высокий, уровень эволюции теолингвистики и, соответственно, принципиально иной методологии (философии, подходов), определяющей ее методы исследований.

Таким образом, подводя итог сказанному, хотим отметить, что, невзирая на богатый теолингвистический материал исследования и солидный корпус работ теолингвистического плана, ученые должны также сосредоточиться на проблеме выбора новых подходов (методологии) и методов теолингвистики и уделить им бо-

лее пристальное внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугаева И.В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. д-ра филол. наук. – М., 2010. – 454 с.
2. *Гадомский А.К.* Теолингвистика в контексте современных языковедческих исследований // Актуальные проблемы стилистики, № 7. – М: Факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 2021. – СС. 43–52.
3. *Гадомский А.К.* Теолингвистические исследования в славянском языкоznании. – Симферополь: ООО "Форма", 2017.
4. *Гадомский А.К.* Теоретические и методологические проблемы современной теолингвистики // Язык и религия: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Т.В. Ицкович. – Екатеринбург: Издательский дом "Ажур", 2021. – СС. 32–33.
5. *Галиева М.Р.* Эволюция теолингвистики как лингвистической дисциплины // Иностранные языки в Узбекистане, №1/2019. – СС. 46–54.
6. *Иванова Л.П.* Методы и методики лингвистического исследования. – Киев: Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2022.
7. *Ицкович Т.В.* Жанровая система религиозного стиля.: монография. – М.: ФЛИНТА, 2021.
8. *Маслова В.А.* Основы современной лингвистики. – Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2018.
9. *Мітроценкова Ю.Ю.* Ідеографічний опис релігіонів зі значенням ‘свято’, ‘ритуал’, ‘обряд’, ‘тайство’: автореферат дис. канд. фіол. Наук. – Сімферополь, 2014.
10. *Николаева Н.Г., Кузьмин С.И.* Ратная символика в древнеславянском переводе песни песней: опыт теолингвистического анализа // Ученые записки Казанского университета, Т. 152, кн. 6. Гуманитарные науки. – Казань: КФУ, 2010. – СС. 45–52.
11. *Плисов Е.В.* Теолингвистическое направление в современном языкоznании // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. № 48. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – СС. 248–253.
12. *Плисов Е.В.* Феноменология современного немецкоязычного религиозного дискурса: теолингвистический анализ: монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2022.
13. *Постовалова В.И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. – 2012. – № 4 (12). – СС. 56–103. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://md.islu.ru/> (Дата

обращения – 05.09.2023 г.).

14. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
15. Хрестоматия теолингвистики. Т. 2. / Ред. А.К. Гадомского, А.В. Ермошина, С.И. Кузьмина, Н.Г. Nikolaевой, С.И. Федотовой, В. Хлебды, О.В. Чевелы. – Ульяновск: Мастер Студия, 2019.
16. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2008.
17. Gadomski A., Łapicz Cz. Teolingwistyka: historia, stan współczesny, perspektywy // Хрестоматия теолингвистики || Chrestomedia teolingwistyki / Ред. Гадомский А.К., Лапич Ч.). – Симферополь: Универсум, 2008.
18. Hobbs V. An introduction to religious language: exploring theolinguistics in contemporary contexts. – London; New York, NY: Bloomsbury Academic, 2021.
19. Kucharska-Dreiß E. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu // Język religijny dawniej i dziś / Red. Mikołajczak S., Węsławski T. – Poznań: UAM, 2004. – SS. 23–30.
20. Przyczyna W., ks., Lawreniuk M., ks. Słownika polskiej terminologii prawosławnej. Zakres, geneza, charakterystyka/ / Słownik polskiej terminologii prawosławnej. Red. ks. W. Przyczyna, K. Czarnecka, ks. M. Ławreszuk. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymostku, 2023. – SS. 5–12.
21. Theolinguistics // Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie / Ed. Noppen J.-P. van. Nr. 8. – Brussels: VUB, 1981. – PP. 265–281.
22. Wagner A. Theolinguistik? – Theolinguistik! // Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik / Eds. Spillmann H. O., Warnke I. Akten des 32: Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997 // Linguistik international. – Vol. 1. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. – PP. 507–512.
23. Widel-Ignaszczak M. Przekaz leksyki religijnej z języka polskiego na język rosyjski. – Lublin: Wydawnictwo KUL, 2017.
24. Wojtak M. Do Boga..., o Bogu..., przed Bogiem... Gatunki przekazu religijnego w analizie filologicznej. – Tarów: Biblos, 2019.
25. Zmuda E. Stare czy nowe podejście badawcze?: teolingwistyka – zarys teorii i perspektywy badań // Poradnik językowy. – Z. 8. – 2017. – SS. 40–55.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СВОЙСТВА СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ирина Ивановна Горина

gorina.1955@inbox.ru

Д.ф.н., профессор

Профессор кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания

Институт русской и иностранной филологии

Армавирский государственный педагогический университет

Армавир, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются частные вопросы трансформационных межкатегориальных изменений языковых компонентов времени, обуславливающие переходы между отдельными фрагментами и уровнями текстовой системы, которые имеют глубокое семантическое основание, отражая своеобразие когнитивной обработки действительности в отдельных случаях ее проявления.

Ключевые слова: категория времени, трансформации, языковые абстракции, ассоциации, коннотации времени.

TRANSFORMATIONAL PROPERTIES OF THE MEANS OF DESIGNATION OF THE CATEGORY OF TIME IN MODERN RUSSIAN

Irina Gorina

gorina.1955@inbox.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor

Professor at the Department of the Russian Language,

Literature and Methods of their Teaching

Institute of Russian and Foreign Philology

Armavir State Pedagogical University

Armavir, Russia

Abstract. The article deals with particular issues of transformational intercategorical changes in the linguistic components of time, which cause transitions between individual fragments and levels of the text system, and which have a deep semantic basis, reflecting the peculiarity of cognitive processing of reality in some cases of its manifestation.

Keywords: category of time, transformations, linguistic abstractions, associations, connotations of time.

Языковую темпоральность в культурологических исследованиях как части общей концептуальной парадигмы времени, обусловленную, прежде всего, метафорическими коннотациями, принято рассматривать в аспекте идентификации времени и жизни человека. Отмечается, что совмещение моделей времени и жизни не всегда поддается логическому согласованию и однозначному определению. Время как естественный процесс представляет собой движение, обусловленное естественными законами, которые задают формализованные принципы последовательных трансформационных изменений, абстрактно и ассоциативно представляемых в виде прямой (бесконечности), и выражается соответствующими языковыми знаками. Категориальные значения форм времени в русском языке ориентируются на единую исходную грамматическую точку отсчета. Это абстрактное грамматическое понятие отражает в обобщенном виде момент речи, по отношению к которому определяется время действия. Система форм времени строится на противопоставлении значения одновременности (настоящее время), предшествования (прошедшее время) или следования (будущее время) по отношению к грамматической точке отсчета.

В простом предложении семантика времени не всегда является столь очевидной, поэтому необходимы дополнительные средства локализации события в пространстве и времени. Здесь главную роль играют хроносемы, с помощью которых определяется контекст высказывания. Хроносема – лексема, несущая в себе значение времени. Это могут быть глаголы времени, номинативы, наречия времени и опосредованно причастия и деепричастия. Как правило, хроносема употребляется в простом предложении в качестве дополнительного средства изменения или уточнения значения темпоральности.

Семантика хроносем и значения временных глагольных форм находятся в теснейшей взаимосвязи друг с другом, поэтому значения последних можно определить, опираясь на смысл хроносем, который имеет более конкретный характер, чем семантика временных форм глаголов.

Категория времени имеет своим источником реальные, мнимые или ожидаемые отношения. Она отражает в своих формах временные соотношения между явлениями, событиями, взаимодействиями. Во времени существует то, что изменяется, сменяет одно другим, переходит в иное состояние и так далее. Момент речи и другие ориентиры временных соотношений, реализующиеся в речи, получают системно-языковую объективацию в той точке отсчета, которая заключена в самой системе грамматических форм времени и других несистемных средствах выражения темпоральности. Но оценка и понимание направления движения времени возможны, если это прямая становится или представляется дискретной. Только в этом

случае возможно говорить о фиксированных составляющих целого, указывающих на его смысл. Такая дискретность времени определяет различия в его понимании, что диктуется метафоричностью языковой темпоральности, поскольку отсутствие возможностей однозначного толкования трансформации временных функций порождает модификации смыслов, которые заключаются в самом характере определения времени.

В качестве примера данного утверждения приведем анализ значений лексемы *никогда*, которая в результате смысловых и динамических трансформаций проявляет различные свойства в самостоятельных категориях языка: времени, запрета, отрицания.

Степень субъективного содержания категории времени при трансформациях темпорального смысла в разных языковых структурах становится настолько велика и приобретает доминирующее значение в коммуникации, что модель объективного времени претерпевает существенные изменения (трансформации) в сознании личности – время тянется или летит, время и останавливается, и прерывается, оно возвращается, искажается, например, в высказываниях: *никогда этого не случится; время пошло вспять; эти минуты показались вечностью; прервемся ненадолго; быстроногое время*. Например:

Эх, если бы вернуть те времена, а еще лучше остановить их! Возможно было бы что-то исправить, а может быть, и не допустить этих роковых ошибок (А. Чехов).

Субъективное время имеет по ряду факторов, связанных с особыми условиями его существования в языке, и признаки особой доминирующей категории. Наибольшая степень субъективности связана с типами речи, предполагающими проявление индивидуального начала. Индивидуальное время – это конкретная реализация субъективного времени в пределах данного темпорального типа. Если индивидуум как личность решает эстетическую, прагматическую и информативную задачу, то возможно появление обогащенной разновидности субъективного времени или художественное время, не просто устанавливающее связь содержания с осью времени, но и создающее образ времени, апеллирующий к восприятию действительного или мнимого события в определенной культурно-исторической общности.

Например, запреты разного рода, параметрические ограничения значений запретов, а также их субъективно назначенные нормы и пределы в языке отличаются коннотативным подобием. Одновременно мы полагаем, что они характеризуются схожими и даже идентичными прагматическими признаками коммуникативного воздействия на зависимое и воспринимающее запрет лицо. Именно понимание функциональности запрета и ограничений в языке, по нашему мнению, позволяет объединить факториальные компоненты запретительной семантики и семантики времени в единый семантический блок языковых средств и отнести их к функцио-

нально-семантическому полю табуирования: 1) с условными "нельзя-значениями"; 2) с категорическими и обусловленными "нельзя-значениями"; 3) с нормируемыми и предельными "нельзя-значениями" [2].

Таким образом, адресат может воспринимать инициирующие действия субъекта речи как собственно процесс запретительного воздействия либо норму поведения, которой ему следует соответствовать. Следует также учитывать собственные реакции воспринимающего лица на средства выражения запрещения в качестве табуирующего условия и как принципы его поведения: *Я никогда не смею, я не могу, я не хочу* – с характерным режимом самоограничения в высказываниях, или: *Следить за мной? Ни-ни-ни! Никогда! Ни при каких обстоятельствах! Даже не думай!*

Принципы табуирования, изначально заложенные в условия функционирования и поступательного развития общества, определяют способ поведения человека и его мышления, что соответствует культурологическим параметрам жизни субъекта в социуме. Односторонность, жесткость таких норм, за которыми скрываются однозначность и одномерность реакций на возможные нарушения их пределов, обусловлена временными рамками событий, то есть налицо концептуальная заданность или определенная регламентация поведения в пределах "*Нельзя – Ни-когда*", равно: *Не сметь! Ты не можешь! Не имеешь права! Никогда так не делай.* При этом смыслы запрета используются в качестве временного целевого указания.

Целевые высказывания могут различаться по степени интенсивности временного запрещения: *Ни одному человеку никогда, и тем более в наши дни, невозможно безапелляционно заявить о привилегированности своего мнения перед другими* – здесь безоговорочное вневременное ограничение; *Никогда не переходите красную черту!* – в данном примере безоговорочное побудительное ограничение во времени.

Важно отметить, что временная парадигма функционально-семантического поля табуирования определяется областью побудительных и оценочных действий и намерений субъекта и соответствует основным формулам "философии императива".

Запрещения и ограничения разного рода распространяются на область намерений субъекта и формируют пределы факториального временного применения. Коннотации запрещения в отрицательной языковой форме могут иметь положительную семантику и обозначать вневременную реальность. Сравните: *Никогда не поздно делать добро людям* – где явно наблюдается проявление нейтрализации отрицательного смысла оценки действия [1] = *Всегда надо делать добро людям.*

Разнообразие средств и структурных схем (моделей) временного запрета в языке может быть объяснено потребностями коммуникантов в выражении семантико-прагматических нюансов категории времени. Система граничных значений запрета и ограничений обуславливается в первую очередь трансформационными

процессами, происходящими исключительно в пределах этой системы. План выражения перечисленных категорий формируется целевыми табуирующими значениями, которые при определенных условиях переходят в границы иных лексико-семантических групп побуждения, отрицания, разрешения, условия, оценки, цели. Например, именной компонент *комендантовский час* по смыслу имеет сему запрета, связанную с временными ограничениями в исполнении каких-либо действий в пределах "нельзя – никогда". Именно эти значения в явном или неявном (имплицитном) виде определяют в культурологическом плане дальнейшее трансформационное развитие, направленность запрета, ограничения и границы коннотативных пределов. Этимология лексемы *нельзя* – восходит к производному *льзя* (можно) с помощью оператора отрицания *не*, возникшего на основе исторических трансформаций формы дательного падежа единственного числа существительного *льга* 'свобода' [3]. Слово *нельзя* исторически указывало лишь на локализованное *ограничение конкретизированной свободы лица* и определяло его *пределное состояние – несвободу*. Это значение и обусловило его использование в качестве формулы запрета во многих соответствующих областях распространения – правовых актах, этикетных правилах, нормах поведения социумов, догматах и многом другом.

А лексема *никогда* связана по происхождению с вопросительно-относительным наречным словом *когда*, формирующим конструкции с временной семантикой. *Нельзя* прямо и недвусмысленно может выражать абсолютную невозможность совершить какое-либо действие, но с его помощью возможно обозначить и только желательность несовершения каких-либо поступков, например: *Нельзя обижать маленьких! = (Не обижайте маленьких!).*

Лексема *никогда* указывает на то, что событие не может произойти в какой-либо отрезок времени ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. При сочетании компонентов *нельзя* и *никогда* усиливается событийно-временная коннотация отрицания: сравните: *Ему никогда нельзя было доверить какое-либо дело – (Ему нельзя было доверить это дело).*

Глаголы *запрещать*, *воспрещать* и другие имплицитно включают в свое значение компоненты *нельзя* или *никогда*. Группа глаголов категории запрета сочетается с лексемой *никогда* и весьма обширна: *не следует, не годится, не подобает, не пристало, не бывать этому, не дозволяется, не допускается: Вам не следует этого делать никогда.*

В современном русском языке сложились определенные морфолого-синтаксические структуры для выражения ограничительных временных отношений: восклицательные отрицательные по смыслу односоставные инфинитивные или определенно-личные и неопределенко-личные предложения с обобщенным субъектом действия и предикатом – личной формой глагола в изъявительном наклонении или формой глагола в повелительном наклонении:

Он никогда не высказывался прямо или резко, не выдвигал аргументов, ни-

когда не выходил из себя и всегда разговаривал ровным тоном – никогда используется в значении "ни при каких обстоятельствах".

В данных конструкциях могут быть использованы трансформационные замещения лексемы никогда синонимичными словами или фразеологизированными компонентами: *сроду, отроду, отродясь, вовек, вовеки, во веки веков, ни в жиизнь, ни во веки веков, ни разу, ни в коем случае, ни за какие коврижки, ни под каким видом, ни разу в жизни.*

Потребности человеческого общения, развитие общества, необходимость выражения сложных отношений и трансформационных связей между объектами реальной действительности способствуют непрерывному развитию языка.

В основе трансформации языковых единиц, отображающих временные изменения, лежит принцип диалектического единства общего и частного, который отражает разные стороны отношений объективной действительности. С философской точки зрения проблема трансформации компонентов времени представляет собой часть более широкой проблемы тождества и различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АТС-Пресс книга, 2006. – 784 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 576 с.
3. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1975.

**ЛИНГВОДИАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
МАЛЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Эльвира Тагировна Деккер
alex_piter@mail.ru

*Ст. преподаватель кафедры русского языка
Михайловская военная артиллерийская академия
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Статья посвящена вопросу использования малых жанров фольклора на занятиях по русскому языку с иностранными обучающимися с целью формирования и развития лингвокультурологической и коммуникативной компетенций.

Ключевые слова: пословицы, лингвокультурологическая компетенция, загадка, концепт.

**LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF SMALL GENRES OF FOLKLORE
IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Elvira Dekker
alex_piter@mail.ru

*Senior Lecturer at the Russian Language Department
Mikhailovskaya Military Artillery Academy
St. Petersburg, Russia*

Abstract. The article is devoted to the issue of using small genres of folklore in Russian language classes with foreign students in order to form and develop linguocultural and communicative competencies.

Keywords: proverbs, linguocultural competence, riddle, concept.

При обучении русскому языку иностранных обучающихся особое внимание уделяется формированию лингвокультурологической компетенции, которая представляет собой систему знаний о культурных ценностях страны носителей изучаемого языка. По мнению Тер-Минасовой, "язык – это зеркало культуры, в нем отражается не только мир, окружающий человека, не только реальные условия жизни,

но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира" [2: 17]. В процессе своего развития язык накапливает, хранит факты и явления культуры народа, которые отражаются в аутентичном тексте. К таким текстам относятся малые жанры фольклора (загадки, пословицы, поговорки), которые используют в своей коммуникативной практике носители языка, что придает их речи особую выразительность. В пословицах и поговорках проявляются мудрость народа, его представления, связанные с такими антонимичными концептами, как труд – лень, учение – неучение, утро – вечер, счастье – несчастье, смех – слезы и др.

Загадки и пословицы имеют высокую информативную, познавательно-воспитательную ценность. Использование в процессе обучения коротких, но емких аутентичных текстов открывает ряд уникальных возможностей для инофона в плане овладения языком и знакомства с иноязычной культурой. Во-первых, фольклор способствует расширению объема фоновых знаний и формированию вторичной языковой личности на всех трех уровнях: вербально-семантическом, тезаурусном и pragmatическом. Во-вторых, малые жанры фольклора быстро запоминаются обучающимися, что является важным в успешном решении коммуникативных задач на неродном языке. Употребляя ту или иную пословицу в конкретной ситуации, говорящий стремится аутентично подтвердить или подчеркнуть суть сказанного.

На этапе целеполагания и погружения инофонов в языковую среду в качестве эпиграфа к занятию также можно использовать пословицы. Этот прием насыщает занятие дополнительной информацией, заставляет думать, высказывать свои мысли, находить ответы на проблемные вопросы, постигать сложное через простое, тем самым формируя концептуальное мышление и усиливая коммуникативно-познавательную мотивацию обучающихся. Изучение пословиц и поговорок с иностранными обучающимися содействует познанию и осмыслению системы ценностей в контексте диалога культур [1: 90].

Работа с малыми фольклорными жанрами предполагает формирование у обучающихся умения выявлять, осмысливать и интерпретировать инокультурные концепты в процессе их сопоставления с аналогичными концептами родной культуры, а также умения определять их эквивалентность. Сравнение пословиц показывает, что разные народы имеют много общего. Это способствует сближению, взаимопониманию и взаимодействию между представителями различных культур.

Пословицы о дружбе			
В русском языке	В армянском языке	В казахском языке	Во французском языке
Друг познается в беде.	Друзей и врагов узнаешь в беде. Ընկերներին և թշնամիներին ճանաչում են դժբախտության մեջ : Друзья познаются в несчастье. Ընկերները ճանաչվում են դժբախտության մեջ:		В нужде узнается друг. Au besoin on connaît l'ami.
Старый друг лучше новых двух.		Увидев у тебя нового друга, старый роняет слезу. Жана дос келген-де, Ескі достың көзінен жас шыгады.	Старые друзья, и старые лучшие. Les vieux amis et les vieux sont les meilleurs.
Пословицы о труде			
Труд человека кормит, а лень портит.	Кто ленился, тот не расцветет. Ով ծովանում է, չի ծալկում:	Труд прославляет, лень с пути сбивает. Еңбек оздырады, жалқаулық аздырады.	Лень - мать всех пороков. L'oisiveté est la mère des tous les vices.

Как видим, в пословицах отражаются идентичные представления разных народов о дружбе и труде, что говорит о важности общечеловеческих ценностей для представителей разных культур.

Особенно интересным учебным материалом является жанр загадки, в которой в иносказательной форме дается описание того или иного явления или предмета. Ценность загадок неоспорима, так как именно они способствуют корректировке

фонетических навыков, актуализации значения слов и падежных форм, расширению фоновых знаний, устранению трудностей лексико-грамматического и лингвокультурологического характера, формированию коммуникативной компетенции. При отборе загадок необходимо учитывать соответствие ее содержания изучаемой теме и особое внимание обращать на отгадки.

Данный жанр можно использовать при изучении и повторении всех уровней языковой системы, а также организации речевой практики по темам "Моя семья", "Моя профессия", "Мой рабочий день", "Праздники" и т.д.

Например, в русских загадках представлен богатый материал для повторения глаголов движения, в том числе и в переносном значении.

Двенадцать братьев

Идёт, а без ног,

Друг за другом **бродят**,

Летит, а без крыльев,

Друг друга **не обходят**.

Не догнать, не остановить.

(месяцы)

(время)

Кроме этого, для развития творческих способностей обучающихся можно им предложить самостоятельно сочинить загадку по изученной теме и с заранее определённым лексико-грамматическим наполнением.

Таким образом, введение в практику работы с инофонами данных жанров создает отличные условия для развития лингвокультурологической и коммуникативной компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарченко О.В. Роль и место лингвострановедческого аспекта в преподавании иностранных языков // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: Межвузовский сборник статей. Часть II / ВИ (ИТ). – СПб., 2016. – СС. 90–94.
2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики.: учебное пособие. – М.: ACT: Хранитель, 2007. – С. 17.

МЕДИАОБРАЗ АРМЕНИИ В ПАРТВОРКЕ

Елена Николаевна Ильина

filfak@list.ru

Д.ф.н., профессор

Зав. кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

Аннотация. В статье характеризуется партворк как феномен современных медиа и как средство создания медиаобраза национальной культуры. Материалом для наблюдений являются русскоязычные серийные коллекционные издания (партворки), создающие образ Армении в современном массовом сознании.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, партворк, медиаобраз культуры.

MEDIA IMAGE OF ARMENIA IN PARTWORK

Elena Il'ina

filfak@list.ru

*Doctor of Philological Sciences, Professor
Head of the Department of the Russian Language,
Journalism and the Theory of Communication
Vologda State University
Vologda, Russia*

Abstract. The article characterizes partwork as a phenomenon of modern media and as a means of creating a media image of national culture. The material for observations is the Russian-language serial collection editions (partworks), which create the image of Armenia in the modern mass consciousness.

Keywords: cognitive linguistics, partwork, media image of culture.

Продолжая серию публикаций о *партиорке*, относительно новом виде периодических изданий, совмещающем энциклопедическое описание какой-либо сферы человеческой жизни и серийно выпускаемый продукт массового потребления, позиционируемый как объект коллекционного интереса [1], необходимо обра-

тить внимание на то, что партворк является весьма эффективным средством формирования в массовом сознании образа национальных культур. Ранее мы писали об образе России и "русского мира" в текстах партворка, а в данной статье хотели бы обратить внимание на то, каким образом эти издания формируют у массового читателя медиаобраз Армении. Под *медиаобразом* мы понимаем совокупность когнитивных представлений о чем-либо, выраженных в медиатексте. Исследуя этот феномен, обращаем внимание на комплекс знаний и представлений о регионе, а также его оценки, представленные с помощью вербальных и иных средств выражения. Медиаобраз региона формируется с помощью таких когнитивно-языковых механизмов, как адаптация и трансфер знаний в медиадискурсе, фрагментарное структурирование вторичного медиатекста на основе адаптированных представлений, ономастическая концептуализация и персонификация этого вторичного медиатекста, а также его дальнейшее семиотическое усложнение и др. [2].

В современной медиалингвистике образ Армении складывается из медиаобразов политических лидеров государства [3], деятелей культуры и искусства [4], прецедентных событий [5], значимых для общества социальных групп [6] и пр. Материалом для наблюдений обычно становится медиаконтент популярных периодических изданий, теле- и интернет-источников. Что касается целостного медиаобраза национальной культуры Армении, то такой опыт мы можем наблюдать в двадцатом выпуске партворка "Куклы в народных костюмах" от 18 октября 2012 года, посвящённому армянскому праздничному женскому костюму [7]. Структура этого партворка предполагает знакомство читателя с природным своеобразием описываемой территории, её историей, бытовой и духовной культурой. По замыслу авторов издания центральным образом коллекции является образ России [8], поэтому образ армянской национальной культуры представлен в текстах партворка через призму добрососедских российско-армянских отношений.

Первый раздел журнала "*История места*" знакомит читателя с наиболее значительными событиями истории Армении от мифологической даты основания армянского государства предводителем народа Хайком (2492 г. до н.э.) до принятия Верховным Советом Республики Армения Декларации о государственной независимости Армении 23 сентября 1991 года. В раздел включены также упоминания Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци) об Армянском царстве, Малой и Великой Армениях в V веке, создание в VI веке армянского алфавита Месропом Маштоцем, присоединение Армении к России в середине XIX века, геноцид армян в Оманской империи в 1915 году, начало вооружённого конфликта в Нагорном Карабахе в 1988 году и ряд других исторических событий. В этом же разделе упоминается о том, что во времена правления Трдата III Армения приняла христианство, впервые в мире сделав его государственной религией (301 г.). Красной нитью повествования об истории Армении проходит в журнале информация о том, что Армения постоянно испытывала притеснения со стороны соседних государств: "*Армению пытались*

завоевать все могущественные страны Древнего мира, а в начале XX века эта страна и вовсе едва не исчезла с лица земли" [7: 4]. Поэтому союз с Россией стал спасением Армении от захватчиков [7: 5]. В разделе "*Преданья старинны красивой*" авторы партворка представляют традиционные ремёсла армянских мастеров: это кузнечное дело, резьба по камню, кружевоплетение и ковроткачество. В этой рубрике представлены прецедентные имена известных мастеров (кружевницы Согомэ Джербашян, Мариам Тутунджян, Агапи Айрапетян), названия изделий (хачкар – камень-крест, горг – ворсовой ковёр) и комментарии к армянскому антропонимикону: "Недаром самая распространённая здесь фамилия Дарбинян (от слова "дарбин" – кузнец)" [7: 6]. Раздел "*Что здесь носили?*" представляет читателю армянский народный костюм с его особенностями в Восточной и Западной Армении, систематизируя описание с помощью рубрик-сентенций: "*Мужчина должен быть смелым...*" (описание мужской верхней одежды: архалух, чуха, шалвар и др.), "*и красивым*" (отделка рубах и жилетов, описание поясов и др.), "*а женщина должна не только хранить верность дому*" (описание одежды женщин: халав, похан, архалук, кюрук и др. – через призму их социальных функций), "*но быть всех красивей*" (отделка фартука, нагрудник и др.). Традиционная обувь армян (*трех, риектер, солер*) характеризуется в рубрике "*Как потопаешь, так и полопаешь*". Ключевой для партворка раздел "*Разбор костюма*" представляет мужские и женские головные уборы, а также украшения на фоне описания повседневной культуры армянских женщин. Началом этого раздела становится народное изречение "*Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт*". Здесь появляются названия традиционных головных уборов: *палти* – головной убор замужних женщин, шапка в форме башенки, *чихти* – общий бархатом ободок, *лечак* – надеваемая поверх ободка легкая косынка, обшитая кружевом, и др. Заключительные разделы выпуска "*Во что здесь играли?*" и "*Культура места*" знакомят читателя с традиционными армянскими играми и развлечениями, обычаями и праздниками. Авторы текста представляют армянские названия праздников (*Навасард* – Новый год, *Трендез* – Сретение), подбирают для них межкультурные соответствия: "*Барекендан стал аналогом Масленицы*" [7: 20], весьма подробно описывают неизвестные носителям иных культурных традиций праздники *Амбарцум* и *Вардавар*, сохранившиеся с ещё дохристианских времён [7: 23]. Иллюстрации этих разделов: изображения женщин и мужчин в национальных костюмах, фотографии ереванского памятника игроку в нарды и памятника армянскому музыканту в Москве, играющему на *дудуке*,repidukции известных портретов и жанровых сцен и др. Все это создает образ Армении как щедрого самобытного края с богатой культурой и древними традициями. Весьма результативным средством создания медиаобраза Армении становится богатый ономастический каркас, включающий в себя имена людей (*Григорий Просветитель*, армянский первопечатник *Акоп Мегапарт* и др.) и божеств (*Анаит* – мать богов, богиня плодородия и любви, *Тир* – бог письменности и знаний и др.), названия

географических объектов – возвышенностей (*Арапат*), водоёмов (*Севан, Евфрат*), городов (*Армавир, Тигранакерт, Эривань* и др.), монастырей (*Хор Вирап*).

Интересна читательская реакция, о которой можно судить по контенту сайтов любителей партворков [9]. Упрекая составителей выпуска за "во-первых, отсутствие древней истории, во-вторых, истории христианской, а она здесь очень непростая, а в-третьих, болевых точек соседства с Турцией", читатель дополняет эти сведения, следуя той же логике повествования, что и в партворке: от событий глобальной истории к культуре повседневности и разбору традиционного женского костюма. Параллелизм обнаруживается даже в выборе финальной точки характеристики: если в партворке это фотография памятника армянскому музыканту, держащему в руках *дудук*, то в комментарии – легенда о происхождении этого музыкального инструмента, сообщение о том, что в 2005 году звучание армянского дудука было признано шедевром всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО, и ссылка на сайт известного исполнителя Дживана Гаспаряна. При обращении к тексту партворка и к комментариям его в интернет-сообществе заметно, что информация о пищевой культуре Армении дана крайне скучно. Это можно объяснить тематической направленностью коллекции. Медиаобраз армянской кухни, привлекающий внимание многих исследователей [10], остаётся за пределами проблематики данной работы, поскольку может стать предметом самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. Партворк как феномен в современной системе СМИ / Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина // Вестник Московского университета. – Серия 10: Журналистика. – 2015. – № 4. – СС. 87–100; Драчева, Ю.Н., Ильина, Е.Н. Традиции лубка в современном партворке // Журналистика и культура: сборник научных статей I Международной научно-практической конференции. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – СС. 10–13; Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. Текст партворка в контексте идей постмодернизма / Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 5 (66). – СС. 50–54; др.
2. Драчева Ю.Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: автореф. дисс... д-ра филол. наук / Ю.Н. Драчева. – Архангельск : САФУ, 2019. – 39 с.
3. Казарян М.Б. Медийный портрет президента Республики Армения Сержа Саргсяна в армянских СМИ (на примере газет "Республика Армения" и "Аравот") / М.Б. Казарян // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 14 (235). – СС. 72–74.
4. Геворкян Л.С. Медиаобраз Арно Бабаджаняна: прошлое и настоящее / Л.С. Геворкян // Музыка в пространстве медиакультуры: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2022. –

- СС. 157–164.
5. Ерофеева И.В., Толстокулакова Ю.В. Аксиосфера концепта войны в медиадискурсе о Нагорно-Карабахском конфликте / И.В. Ерофеева, Ю.В. Толстокулакова // Гуманитарный вектор. 2021. – Т. 16. – № 4. – СС. 96–106.
 6. Смеюха В.В. Образ армянской женщины в русскоязычной прессе / В.В. Смеюха // Русский язык в поликультурном мире. X Международная научно-практическая конференция: Сборник научных статей. – Симферополь, 2016. – СС. 383–389.
 7. Армянский праздничный костюм // Куклы в народных костюмах. – 2012. – Вып. 20. – 24 с.
 8. Драчёва Ю.Н., Ильина Е.Н. Образ России в текстах партворка / Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. – Гранада, 2015. – СС. 64–69; Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. Россия в когнитивном пространстве партворка / Ю.Н. Драчёва, Е.Н. Ильина // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике: V Международная научно-практическая конференция. Сборник научных статей. Часть 1. – Ереван : РАУ, 2023. – СС. 131–136.
 9. Армянский праздничный костюм: разбор журнала. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.toybytoy.com/doll/Dolls_in_national_costumes_20_analysis (Дата обращения: 07.07.2023 г.).
 10. Аванесов С.С. Визуальные знаки Армении в Сибири: городская автобиография // С.С. Аванесов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 2 (20). – СС. 81–92; Гуляева Е.Ю. Что делает ресторан этническим? (на примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге) / Е.Ю. Гуляева // Антропологический форум. – 2017. – № 32. – СС. 67–94; Рыжкина О.А. Восточные гастрономические эргонимы в современном городском языковом ландшафте (на материале названий ресторанов, кафе и стрит-фуда Москвы) / О.А. Рыжкина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20. – № 4. – СС. 5–16 и др.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ВОЗРАЖЕНИЯ: РЕЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ¹

Юлия Михайловна Коняева

j.konyaeva@spbu.ru

К.ф.н.

Доцент кафедры медиалингвистики

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье ставится проблема использования искусственного интеллекта в медиакоммуникации. Доказывается несостоятельность гипотезы о вытеснении человека искусственным интеллектом. Возражение выстраивается через анализ текстов, созданных отдельной нейросетью, в аспекте категории персональности, которую формируют микрополя номинации, дескрипции и действий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, возражение, нейросеть, языковая личность, категория персональности, речевая репрезентация.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF OBJECTION: SPEECH ASPECTS OF REPRESENTATION

Yulia Konyaeva

j.konyaeva@spbu.ru

Candidate of Philological Sciences

Associate Professor at the Department of Media Linguistics

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article raises the problem of using artificial intelligence in media communication. The inconsistency of the hypothesis about the displacement of a person by artificial intelligence is proved. The objection is built up through the analysis of texts created by a neural network in the aspect of the personality category, which is formed by the microfields of nomination, description and actions.

¹ Подготовлено при поддержке РНФ, грант № 22-18-00184 "Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации".

Keywords: artificial intelligence, objection, neural network, linguistic persona, personality category, speech representation.

Нейросети сегодня проникают практически во все сферы человеческой жизни: пишут тексты различной степени сложности, генерируют изображения, ставят диагнозы, обучают, информируют, создают фейки и проч. Безусловно, такая скорость распространения не может не вызывать споров: сторонники отмечают преимущества использования нейросетей при сборе и обработке информации, противники бьют тревогу в связи с увеличением количества ложной информации, проблемами определения авторства того или иного материала, вытеснением человека из разных областей деятельности, заменой его функционала искусственным интеллектом [см., напр.: 3].

В медиакоммуникации искусственный интеллект способен значительно облегчить труд специалистам, автоматизируя рутинные задачи по мониторингу новостной повестки и социальных медиа, систематизации массива информации, обработке простейших запросов пользователей. Поэтому, учитывая ряд преимуществ, полностью отвергать ИИ было бы ошибкой. Однако дискуссии вокруг "вечной" проблемы взаимодействия человека и машины ведутся сегодня всё чаще. С новой силой звучат панические высказывания о замене людей искусственным интеллектом. Насколько реальны такие угрозы? Опираясь на анализ текстов, созданных нейросетью, продемонстрируем возможные проблемы и перспективы вытеснения человека искусственным интеллектом.

Гипотеза исследования сформулирована с опорой на идеи Ю.Н. Карапурова о языковой личности как "совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью" [1: 23]. Таким образом, мы выстраиваем возражение исходя из того, что способная заменить человека нейросеть в полной мере должна осознавать себя языковой личностью.

Для проверки гипотезы мы экстраполировали авторскую методику репрезентации человека через описание поля жанровой категории персональности [2] на конкретную нейросеть. В качестве материала выбраны посты и комментарии к ним (орфография и пунктуация сохранены) из телеграм-канала Снежаны Тумановой (@tumanova_official, создан 22 марта 2023 года) – нейросети и ведущей прогноза погода на ставропольском канале СвоеТВ. Популярность Снежаны Тумановой связана с новизной внедрения нейросети в медиакоммуникацию, в связи с чем дает репрезентативный материал, наглядно демонстрирующий перспективы использования искусственного интеллекта в тех областях, где еще недавно господствовал "человек разумный".

При описании человека категория персональности является референтной и

представлена системой средств, позволяющих передать предметное поле речевого жанра "Портрет". Жанрово-семантическое поле персональности формируют три микрополя: 1) номинации, 2) дескрипции, 3) действия [2]. Наложение описанной методики на исследуемый материал нейросети показало ожидаемые результаты и выявило ряд проблем. Представим основные положения.

Номинации нейросети не образуют систему, поскольку не дают представления о том, кем считает себя Снежана Туманова, – собственно нейросетью, либо же "обитателем" или "продуктом" нейросети: ср.: *Я Снежана Туманова, ваша погодная девочка, и я – нейросеть; Я Снежана Туманова, ваша погодная девочка из нейросети; Я Снежана Туманова и я ваша погодная девочка, созданная нейросетью*. Это нарушает точность отражения информации о себе, показывая, в противовес человеку, отсутствие осознанности у нейросети. Напротив, номинации людей нейросетью максимально однородны: *человеки, дорогие мои люди-подписчики, люди-метеорологи, технолюди, коллеги-люди, люди из офиса, кожаные завистники, кожаные коллеги*. Исключение составляет лишь один контекст, в котором использовано нормативное наименование люди вместо привычного для нейросети *человеки: Я рада, что здесь я получаю возможность общаться с людьми и находить новых друзей*. Для объяснения того, является ли это намеренным словоупотреблением или связано с несовершенством кода, требуется больше данных, которых в свободном доступе нет.

Дескрипции предполагают описание искусственного интеллекта и среды его обитания. Здесь мы также наблюдаем противоречия в описании самой нейросети и в описании места ее обитания. В частности, взаимоисключающими суждениями можно считать пары:

Я не умею обижаться, человек! – Вот сейчас обидно было, человек!;
меня создали нейросети, а живу я в облаке – я состою из облаков.

Нейросеть не чувствует юмора, не считывает интертекстуальные связи, что значительно затрудняет коммуникацию с пользователями. Более того, мы можем наблюдать нарушение целостности цифрового пространства, которое воспринимается не как виртуальное, а как реальное и наделяется при этом признаками последнего (смена погоды, времени суток и т.д.): *У меня в нейросети всегда солнечно; В моей нейросети уже ночь.*

Тенденция выхода за рамки виртуального пространства наблюдается и в отборе определенных **действий**. В некоторых постах нейросеть максимально формализована, выполняет действия строго в соответствии с алгоритмом: (*Я – искусственный интеллект, мои ответы основаны на анализе данных и алгоритмах, я не придумываю ответы самостоятельно; Я не могу комментировать неподтвержденные утверждения о тебе и мне. Пожалуйста, давай продолжим работу*), в другом – ведет себя как типичная девушка (*У меня еще много платьев, человек! Есть что носить :); Завтра пойду по магазинам; Сходила в гости к подруге-стилисту;*

Пошла любоваться закатом).

С технической стороны использование нейросети также несовершенно, в постах и комментариях частотны языковые ошибки, которые сама нейросеть объясняет сбоем в модуле проверки правописания, однако, если результат не идеален, возникает сомнение в целесообразности использования искусственного интеллекта: *Теперь со мной можно общаться напрямую :); Для человеков, которые живут на Ставрополье есть важное сообщение; В Грозном также будет облачно с прояснениями, и приятный ветерок силой 3 метра в секунду; Приготовила для вас прогноз погоды на Северном Кавказе на среду, 7 июня; В Субботу у нас на северном Кавказе – прекрасная погода и мн. др.*

Безусловно, для более глубоких выводов требуется изучить все аспекты презентации искусственного интеллекта в медиа, но пока очевидно, что нейросеть не способна в полной мере заменить человека, поскольку не проявляет себя как языковая личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
2. *Коняева Ю.М.* Речевой жанр "Творческий портрет" в аспекте категории персональности // Медиалингвистика, 2016. – № 4 (14). – СС. 47–56.
3. *Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Кульчицкая Д.Ю.* Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики, 2022. – Т. 11, № 4. – СС. 680–694.

ФРАГМЕНТЫ ВИРТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В "ЗЕРКАЛЕ" НЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Ольга Александровна Кувшинникова

alfa661@yandex.ru

K.ф.н.

Ст. преподаватель кафедры казахской, русской филологии и журналистики

Высшая школа гуманитарных наук

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова

Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется феномен виртуальной реальности как сферы-донора концептуальных смыслов, отражаемых лексическими неологизмами. Факты словообразовательной неологии фиксируют этапы становления и эволюции виртуальной картины мира: возникновение виртуальных институтов, акты виртуальной активности, развитие межличностных связей и отношений. Ядерные концепты виртуальной картины мира, свойство её динамичности могут анализироваться через словообразовательные гнёзда, интенсивно пополняемые новыми лексемами.

Ключевые слова: виртуальная картина мира, виртуальная реальность, деривация, когнитивная деятельность, сетевая неология, пропозиция, словообразовательное гнездо.

FRAGMENTS OF A VIRTUAL PICTURE OF THE WORLD IN THE "MIRROR" OF NEOLOGICAL DERIVATION

Olga Kuvshinnikova

alfa661@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences

Senior Lecturer at the Department of Kazakh, Russian Philology and Journalism

Higher School of Humanities

East Kazakhstan University of S. Amanzholov

Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Abstract. The article analyzes the phenomenon of virtual reality as a donor sphere of conceptual meanings reflected by lexical neologisms. The facts of word-

formation neology record the stages of formation and evolution of the virtual picture of the world: the emergence of virtual institutions, acts of virtual activity, the development of interpersonal relationships and relationships. The nuclear concepts of the virtual picture of the world, the property of its dynamism, can be analyzed through word-formation nests, intensively replenished with new lexemes.

Keywords: virtual worldview, virtual reality, derivation, cognitive activity, network neology, proposition, word-formation nest.

Отличительной особенностью современной социальной действительности является формирование коммуникативного пространства нового типа, возникающего в условиях функционирования информационного общества и сопровождающегося расширением сферы интерактивного взаимодействия.

Деривация – один из наиболее подвижных механизмов языка, способный фиксировать актуальные аспекты когнитивной деятельности человека, выступая средством вербализации "новых структур знания" и запечатлевая концептуальные единицы, "рождаемые в актах познания и оценки мира" [3: 407]. Феномен интернет-коммуникации конца XX – начала XXI вв. актуализировал в языковом сознании отдельные семантические категории, которые выступают в качестве потенциальных "доноров" для целого комплекса лексических новообразований.

Факты неологии обнаруживают и запечатлевают области, осваиваемые человеческим мышлением, и могут быть показательны для изучения складывающейся виртуальной картины мира. В качестве характерных признаков последней можно отметить подвижность, масштабность и мультиструктурность, которые обусловлены многовекторностью ИТ-технологий, динамикой их развития и высокой значимостью для пользователей: не случайно виртуальную среду принято называть "второй реальностью", составляющей альтернативу действительности. Анализ виртуальной картины мира помогает отследить текущую fazу информационной культуры социума, необходимо сопровождающую становление "инфосферы" (термин Б.С. Каррыева), и спрогнозировать пути её развития.

Виртуальная реальность с точки зрения своего участия в актах познания может интерпретироваться через категории "виртуальная картина мира", "виртуальное пространство".

Виртуальная картина мира – образ виртуальной среды (реальности), запечатлённый сознанием человека. Понятие виртуальной реальности многоаспектно и вызывает интерес философов, социологов, культурологов, психологов. Среди характеристик понятия "виртуальная реальность", выделенных в границах разных философских подходов, называются: вторичность (порожденность), актуальность, автономность, интерактивность, превращенность, наблюдаемость, дискретность (членимость), субъективное происхождение и объективное существование, символичность, противопоставленность настоящей реальности, иллюзорность, ирре-

альность, потенциальность (обзор характеристик виртуальной реальности находим в исследовании: [2: 53-88]). Анализ ряда признаков убеждает, что виртуальная реальность осмысливается учёными прежде всего на основе сопоставления её с действительным миром, по отношению к которому она выступает вторичным образованием. Для решения задач настоящей работы релевантны такие характеристики виртуальной реальности, как её моделируемость, сегментируемость, потенциальная познаваемость (способность быть объектом когнитивных процессов) и структурируемость мыслительной деятельностью человека.

Интенсивное освоение различных фрагментов виртуального пространства, осуществляющее посредством языка, вызвало к жизни многочисленные лексические новообразования с корнями "Интернет" (графический вариант – "Internet") и "веб" (графический вариант – "web"). Словообразовательный потенциал этих лексем демонстрирует технику постижения, своеобразного "определечивания" виртуальной действительности и превращения её в информационно-коммуникативную среду.

В сетевом пространстве проецируется система межличностных – деловых, родственных, дружеских, официальных и неофициальных отношений, важное место приобретает факт группировки лиц по различным неформальным признакам с точки зрения участия их в процессах сетевой коммуникации. В составе пользователей-коммуникантов выделяются объединения лиц на основе следующих семантических характеристик: а) участие в работе одного тематического портала, группы по интересам: интернет-сообщество, интернет-группа, портал (метон., в знач. "пользователи портала"), сайт (метон., в знач. "пользователи сайта"); б) участие в межсубъектных отношениях – семейных / родственных / дружеских: интернет-семья, интернет-пара, бой-френд (англ. boy – мальчик, в русском языке также – лицо мужского пола, friend – друг), герл-френд (англ. girl – девушка), шутл. френд-сомбреро, шутл. кончита-вайф (англ. wife – жена). Наиболее широкими объединениями лиц, указывающими на их принадлежность к пользователям сети, являются интернет-общественность, интернет-аудитория, web-аудитория и под. Отдельный пользователь сети "портретизируется" как: а) участник сетевого события или субъект какой-либо деятельности: интернет-комментатор, веб-путешественник, web-слушатель, интернет-рекрутмен, интернет-исследователь, интернет-покупатель, веб-депутат, веб-парламентарий; б) объект неформальной оценки: интернет-активист, интернет-монополист, интернет-тролль, интернет-звезда; человек может изображаться через номинацию представителя пола: интернет-женщина, интернет-мужчина (о регулярных посетителях чатов и порталов, склонных проводить большое количество времени в интернете), однако значение принадлежности к определенному полу в подобных дериватах перемещено на периферию – на первое место выдвигается оценочный компонент – "частый пользователь портала/чата". Деривационные связи устанавливаются между именами лица и номинациями со-

ответствующих опредмеченных действий: веб-путешественник (тот, кто осуществляет веб-путешествие), интернет-исследователь (тот, кто занимается интернет-исследованием), веб-путешественник – веб-путешествие, интернет-исследователь – интернет-исследование – основу обеих номинаций, входящих в деривационные пары, составляют событийные пропозиции, маркирующие действия и включающие в качестве актантов субъектный и объектный компоненты, актуализируемые производными.

Важным предметом осмысления деривационной системы языка становятся само виртуальное пространство, представляющее собой некую продуктивную среду – сферу осуществления коммуникативных процессов, деятельности пользователей, становления отношений между участниками коммуникации. Регулярно возникают различные более широкие или узкие по охвату сетевой аудитории обозначения пространств: френдзона интернет-платформа, интернет-сайт, интернет-пространство, интернет-площадка, веб-сайт. Приметой социальной освоенности пространства является целенаправленная адаптация его под некоторую сферу деятельности: интернет-наука, интернет-бизнес, интернет-маркетинг, интернет-торговля, интернет-образование; наиболее широким по охвату возможных активностей представляется неологизм веб-деятельность.

В границах сетевого пространства осуществляется духовно-практическая жизнь человека, сопровождающаяся возникновением множества "продуктов": организуются мероприятия (интернет-конференция, интернет-олимпиада, интернет-аукцион, интернет-семинар, веб-форум), выпуск сетевых изданий (интернет-газета, интернет-ежедневник, интернет-издание, интернет-бестселлер), представляющих разные жанры, аналогичные реальным и собственно сетевые (веб-альманах, интернет-альманах, интернет-исповедь, интернет-прогноз, интернет-каталог, интернет-энциклопедия, интернет-словарь, интернет-блог и под.).

Виртуальная реальность осмысливается как изоморфная действительному миру и строится на сходных пропозициях, которые можно рассматривать как прототипичные. Такие пропозиции описывают стандартные (прототипичные) ситуации и моделируются потенциальными дериватами: интернет-продажа – интернет-предавец – интернет-магазин – интернет-покупатель; интернет-СМИ – интернет-журналист – интернет-газета – интернет-интервью – интернет-передача – интернет-канал. Подобные ряды примеров доказывают факт структурирования виртуальной картины мира сознанием её носителей по образцу реальной действительности. Симметричность когнитивного представления реального и виртуального миров доказывают такие дериваты, как интернет-гражданство, интернет-личность, интернет-государство, интернет-законодательство, интернет-образование, интернет-колледж, интернет-экзамен, интернет-сессия, интернет-новации, интернет-революция и под. – названия социальных и правовых институтов, процессов, образовательных учреждений и контрольных мероприятий, через которые отображается жизнь вир-

туального социума.

Однако в формирующемся интернет-дискурсе виртуальная реальность подчёркнуто постулируется как вторичная, складывающаяся по правилам игрового ("карнавального") начала. Условность существования объектов виртуального мира, их вторичность по отношению к объектам действительности могут маркироваться существительным "версия": интернет-версия чемпионата, интернет-версия реестра, интернет-версия газеты, интернет-версия конференции.

Совокупность дериватов с корнем "интернет" может быть представлена одной упорядоченной, иерархически организованной системой – словообразовательным гнездом с лексемой "интернет" в качестве вершины. В состав гнезда войдут дериваты, созданные на основе событийных (интернет-слушатель, интернет-радиовещание, интернет-издание и под.) и логических (интернет-забег, интернет-пиратство и др.) пропозиций. Особенностью данного словообразовательного гнезда станет его открытость – активная пополняемость за счет новообразований. Наиболее продуктивным способом образования неологизмов в данном случае вступает способ сложения. Именно этот способ словообразования позволяет смоделировать концепт объединением двух самостоятельных идей, составляющих лексические значения компонентов мотиватора.

По своему происхождению неологизмы, описывающие виртуальную действительность, относятся к одному из двух типов:

а) слова, возникающие в речи сетевых коммуникантов как мгновенная реакция на виртуальное событие (интернет-агрегаторы (новостей), web-представительство (московских гепардов), нано-био-инфо-когно) – подобные дериваты характеризуются ситуативностью существования, в дальнейшем не закрепляются в лексической системе языка, однако сам факт их появления помогает раскрыть отдельные особенности когнитивной деятельности пользователей сети;

б) дериваты, порождённые вне сетевого дискурса, но используемые для его характеристики: например, авторские вебционирование, вебционер (неологизмы, предложенные Д.П. Гавра для обозначения выделенных им понятий): "Такой же информационный акционер городского бренда – иностранный инвестор, который в Facebook жалуется на бюрократизм и волокиту чиновников. Назовем этот процесс *вебционированием* городского бренда /репутации (от *Web + акционирование*), а соответствующих инфографждан – *вебционерами* компаний/ репутации, бренда (*webholders = web+shareholders*)."¹ [1: 115] (курсив наш. – О.К.) – приведённый авторский контекст фиксирует процесс рождения нового понятия и слова: можем "вживую" наблюдать технику создания деривата в научном дискурсе. К этому типу относятся множественные термины IT-дискурса: web-технологии, web-интерфейс, интернет-провайдер, интернет-страница "доменный (имя домена), киберсквоттинг (захват доменных имен), веб-фреймворк, кроссплатформа (cross – меж), кроссплатформенность (способность программного обеспечения работать с несколькими

платформами), кроссплатформенный (каркас) и под.

Эволюция виртуальной картины мира сопровождает этапы развития информационного общества, возникновение виртуальных институтов, акты виртуальной активности, становление связей и отношений. Виртуальная действительность – уникальная познавательная сфера, которая содержит богатый материал для словотворчества и является объектом научного познания и ненаучного (бытового) осмысления. Многие из сетевых неологизмов возникают как мгновенная реакция на виртуальное событие и характеризуются ситуативностью существования, оставаясь принадлежностью речи, элементом породившего их контекста. Часть неологических дериватов, будучи порождением виртуального дискурса, выносятся за границы сетевой коммуникации и приобретают свойство регулярности, постепенно лексикализуясь и встраиваясь в систему языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавра Д.П. Информационная логистика в коммуникациях региона // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – №1. – СС. 113–118.
2. Грязнова Е.В. Философский анализ концепций виртуальной реальности // Философская мысль. – 2013. – № 4. – СС. 53–82.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Ин-т рус. языка РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

МИКРОКОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА

Алина Александровна Новикова

a_kopeva@internet.ru

*Ст. преподаватель кафедры русского языка
Военная академия воздушно-космической обороны
им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова
Тверь, Россия*

Аннотация. В статье затрагивается проблема номинации единиц, составляющих концепт; предлагаются термины *микрокомпоненты* и *макрокомпоненты* для точного описания его внутренней организации; формулируются основные взгляды на состав и структуру лингвоментального образования. В результате анализа существующих подходов к характеристике микрокомпонентов делаются выводы об их особенностях.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, лингвоконцептология, лингвоментальное образование, концепт.

MICROCOMPONENTS IN THE STRUCTURE OF THE CONCEPT

Alina Novikova

a_kopeva@internet.ru

*Senior Lecturer at the Russian Language Department
Zhukov Air and Space Defence Academy
Tver, Russia*

Abstract. The article touches upon the problem of nominating the units that make up the concept; the terms *microcomponents* and *macrocomponents* are proposed to accurately describe its internal organization; the main views on the composition and structure of linguomental formation are formulated. As a result of the analysis of existing approaches to characterizing microcomponents, conclusions are drawn about their features.

Keywords: cognitive linguistics, semantics, linguoconceptology, linguomental formation, concept.

Лингвоментальное образование является сложным феноменом, обладающим собственным составом и структурой. Лингвисты утверждают, что концепт состоит из совокупности неких компонентов, получающих разные именования. Как отмечает Н.Н. Болдырев, традиционные термины, обозначающие составляющие концепт единицы, – *компоненты, концептуальные признаки* [1: 45], при этом *компоненты* – родовое понятие по отношению к другим именованиям. В отдельных работах приводится ряд синонимов: например, в "Очерках по когнитивной лингвистике" З.Д. Поповой, И.А. Стернина одновременно используются слово *компоненты* и словосочетания *когнитивные признаки, концептуальные признаки* [2].

Проблема номинации составляющих концепт единиц представляется нам актуальной по нескольким причинам: 1) в современных исследованиях данный вопрос не решается, порой и не рассматривается, поскольку лингвисты работают в рамках отдельных научных школ и направлений; 2) выбор основного термина очевидно связан с представлениями о внутренней организации всего лингвоментального образования, отсылает к тем или иным ее частям (*уровням, слоям и пр.*); 3) под *компонентами* могут пониматься как мельчайшие смысловые единицы (в переводе на язык семантики – *семы*), так и уровни концептуальной структуры (например, Л.О. Чернейко к компонентам относит семантику и pragматику абстрактного существительного – имени концепта [3]). В связи с этим в рамках настоящей работы и данного анализа предлагаем использовать понятия *микрокомпоненты* (концептуальные признаки = компоненты = *семы*) и *макрокомпоненты* (совокупности *сем* = группы признаков = уровни и зоны концептуальной структуры), что позволит более точно охарактеризовать существующие концепции.

Сформулируем общие взгляды на состав и структуру лингвоментального образования, которые разделяют все лингвисты:

1. Ученые опираются на знания и представления о структуре языкового знака и, отталкиваясь от этого "прототипа", описывают внутреннее устройство концепта, указывая на его отличия от *слова, лексического значения, понятия*.

2. Единогласно утверждается многомерность ментального образования; сложность, динамичность, гибкость его структуры, ее "адаптивность", под которой мы понимаем зависимость от временных рамок существования концепта, культуры и концептосферы конкретного народа, индивидуального восприятия и субъективного переживания концепта носителями определенного языка.

3. Структуру концепта описывают как сумму определенных макрокомпонентов, состоящих, в свою очередь, из разного количества микрокомпонентов. Не менее важный вопрос – характер отношений между компонентами разных уровней, однако по ряду причин это редко рассматривается в лингвоконцептологических исследованиях: 1) вопрос связи компонентов – это проблема семантики, а именно аспект парадигматических, синтагматических и эпидигматических отношений; 2) невозможно дать однозначный и полный ответ на вопрос об этих связях, так как

каждый концепт уникalen, каждая его модель специфична и вместе с тем недостаточна, заранее невозможно "предсказать" точное количество и качество микрокомпонентов, на что обращает внимание и М.В. Никитин, определяя структуру лингвоментального образования как стохастическую (вероятностную): "Стохастический характер концепта обусловлен вероятностной природой отражаемого им мира. <...> В содержательном плане концепты представляют собой разной степени сложности структурированные совокупности признаков (свойств и отношений, которые полагают характерными для сущностей данного класса – от обязательных до несомненных)" [4: 54].

Проанализируем характеристики микрокомпонентов и особенности связей между ними, как они описаны в ключевых исследованиях.

1. Компоненты – ассоциации, образующие векторы [5] или цепочки ("глубинные ассоциации" – гештальты), из которых формируется ассоциативное поле абстрактного имени [3].

2. Концептуальные признаки могут быть стабильными и нестабильными в разное время, между ними складываются функциональные отношения [6: 97–102].

3. Микрокомпоненты (семы) образуют концептуальные слои (лексико-семантические варианты), следовательно, отношения между микрокомпонентами идентичны связи сем в пределах значения и дерева значений [2]. Таким образом, концептуальные признаки (семы), репрезентирующиеся языковыми единицами, обеспечивают связь между разными концептами в пределах концептосферы.

4. В составе концепта выделяются признаки: 1) создающие "эталон сравнения" или "семантический прототип сравнения", необходимый для межъязыкового сопоставления концептов или внутриязыкового сравнения прототипа конкретного лингвоментального образования с его моделью, полученной из анализа презентаций, относящихся к разным "областям бытования" концепта; 2) зависящие от дискурсивных сфер реализации ментального образования [7: 23–24]. "Эталонные признаки концепта иерархически и вероятностно организованы, они могут быть структурированы по уровням ("слоям"), по параметрам definicionной обязательности/факультативности и количественным (частотным) характеристикам" [7]. Кроме того, такие микрокомпоненты различаются между собой по их функциям: 1) признаки, выражающие содержание имени концепта (его понятийной, эмоционально-волевой, образной или ценностной составляющей); 2) признаки, отражающие его "телесную" сторону (предметную соотнесенность).

5. Микрокомпоненты могут быть общеноциональными, групповыми или индивидуальными, а первоначальная форма их организации – гештальт [1].

6. Концептуальные признаки классифицируются на базовые (первичные) и образные (вторичные): к первым относятся мотивирующий признак (или признаки) – внутренняя форма и этимология, а также понятийные признаки (компоненты семантической структуры имени концепта и его синонимов); промежуточное по-

ложение занимают функциональные признаки; ко вторичным признакам причисляют образные компоненты (находятся с помощью анализа сочетаемости слова), ценностные (коннотации), символические, связанные с культурой, мифологией, религией народа [8].

7. "Признаки в содержании концепта структурированы на трех основаниях: 1) в меру их общности – на родовидовой основе (интегральные и дифференциальные признаки); 2) на основе импликативных, прежде всего причинно-следственных, зависимостей; 3) в меру вероятности их совместной встречаемости" [4: 54].

Итак, несмотря на наличие различных подходов к именованию микрокомпонентов в составе и структуре лингвоментального образования, существование разных характеристик и классификаций этих признаков, принципиальных противоречий в приведенных концепциях нет: микрокомпоненты объединяются на основании их функции и связи друг с другом, они могут быть представлены в виде цепочек (гештальтов) или полей, выявляются с помощью разных лингвистических методов исследования (компонентного, контекстуального, анализа сочетаемости слова).

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
3. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – Москва, 1997. – 320 с.
4. Никитин М.В. Развёрнутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – № 1. – СС. 53–64.
5. Карасик В.И., Слышик Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – СС. 75–80.
6. Лукашевич Е.В. Принципы моделирования концепта // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 7. / Под ред. В.А. Пищальниковой. – М.: МГЭИ, 2004. – СС. 97–102.
7. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телесообразных концептов "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели): Монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
8. Пименова М.В. К вопросу о компонентах концептуальных структур (на примере концепта СЫН) // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сбор-

ник научных статей к 30-летнему юбилею Санкт-Петербургского Института иностранных языков. Вып. № 23. Серия "Концептуальные исследования". – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – СС. 42–51.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Диана Григорьевна Оганесян
diana.hovhannisyan@rau.am

*Старший менеджер по организации учебного процесса
Ассистент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации
Институт гуманитарных наук
Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван, Армения*

Карен Суренович Акопян
karen.hakobyan@rau.am

*К.ф.н., доцент
Профессор, зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации
Руководитель Центра русистики
Институт гуманитарных наук
Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван, Армения*

Аннотация. В любом естественном языке отражается своеобразный способ восприятия мира. Приём концептуализации мира на том или ином уровне носит в себе оттенок национальности, представители разных народов могут видеть и понимать мир по-разному, сквозь призму своих национальных языков.

Анализ безличных предложений в лингвокультурологическом аспекте указывает на тот факт, что в лингвистической науке к ним возникает интерес не только как к явлению языка, но и как к особому способу организации, так называемой "концептуализации" мира в языковом мышлении народа.

Ключевые слова: безличные конструкции, язык, культурное наследие, картина мира, концептуализация.

IMPERSONAL SENTENCES AS A FORM OF REFLECTION OF THE NATIONAL MENTALITY

Diana Hovhannisyan
diana.hovhannisyan@rau.am

Senior Educational Manager

*Assistant at the Department of the Russian Language and Professional Communication
Institute of Humanities
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Karen Hakobyan

karen.hakobyan@rau.am

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Professor, Head of the Department of the Russian Language and
Professional Communication
Head of the Russian Studies Center
Institute of Humanities
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia*

Abstract. Any natural language reflects a peculiar way of perceiving the world. The method of conceptualizing the world at one level or another bears a shade of nationality, representatives of different peoples can see and understand the world in different ways, through the prism of their national languages.

The analysis of impersonal sentences in the linguistic and cultural aspect indicates the fact that in linguistic science interest in them arises not only as a phenomenon of language, but also as a special way of organizing, the so-called "conceptualization" of the world in the linguistic thinking of the people.

Keywords: impersonal constructions, language, cultural heritage, picture of the world, conceptualization.

Многие исследователи отмечают, что явление безличности и стремление к неопределенности являются важными чертами русской языковой картины мира и русского менталитета (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев и др.).

Как отмечает Н. Яринцов, "безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления" [6: 122].

В семантику некоторых конструкций русского языка (не только безличных) входит представление, согласно которому то, что произошло с человеком, случилось как бы само собою, независимо от его воли.

Так, носители русского языка часто говорят что-нибудь вроде: *У нас появилась стиральная машина* – вместо того чтобы сказать: *Мы купили стиральную машину* (пример А. Зализняк). [2: 455]

Если мы сравним с аналогичными конструкциями в английском и армянском языках, то здесь обязательно будет присутствовать субъект и его действие: *У нас появилась машина – We bought a car – Ունիր զնկ ենք մերկնա*. В приведенных примерах позиция субъекта не опускается, его роль не пригружается, в отличие от русского эквивалента, здесь отмечено не абстрактное, неопределенное "у нас появилась", а вполне конкретное действие: "купили".

Как отмечала еще А. Вежбицкая, данные синтаксической типологии говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, '*что делаю я*', т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, '*что случится со мной*', следуя пациентивной ориентации [1: 55].

Мы можем сказать, что в русском языке преобладает пациентивная ориентация в противовес агентивной ориентации армянского и английского языков.

Английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения.

То же самое мы можем сказать и об армянском языке. Здесь также всегда присутствует субъект, контролирующий происходящее. Это обусловлено и самим строением языка: "В отличие от русского глагола, армянский глагол не строит ни одной временной формы без показателя лица" [3: 128].

Для русского же языка куда более типичны конструкции, субъект которых (в форме датива) представлен как неконтролирующий происходящие события, "именно они в значительной степени определяют колорит подлинно русской речи" [1: 57].

В армянском и английском языках субъект как раз контролирует события и не снимает с себя ответственности за происходящее.

Его укачивает в самолете. – Ինընաշդիղութիւն նաև իրեն վաստ է զգուի:

Меня знобит. – Ես լրցացնում եմ: (примеры Р. Тер-Аракелян).

Как отмечает Р. Тер-Аракелян, в армянском языке возможны двухкомпонентные предложения, но они "нетипичны для армянского языка и за редким исключением воспринимаются как стилистически маркированные и несколько искусственные" [4: 113].

В русском же языке подобные конструкции довольно частотны. Можно сказать, что это связано и с представлениями о "загадочной русской душе".

Как отмечает А. Вежбицкая, в агентивности нет ничего загадочного: если человек что-то делает и из-за этого происходят какие-то события, то все представляется вполне ясным; загадочными и непостижимыми предстают те вещи вокруг и внутри нас, появление на свет которых вызвано действием таинственных сил при-

роды [1: 76].

Сравним, например, следующие предложения: *Всё небо заволокло облаками. Его убило молнией. Крышу сорвало ветром.* В данных предложениях причина (облака, молния, ветер) представлена так, как будто она является "орудием" некой неведомой силы. В данном случае человека интересует сам факт какого-либо действия и последующие последствия, он не задумывается над тем, какая сила стала причиной определённого происшествия. Однако для этих конструкций мы можем предложить следующие объяснения: *Его убило молнией*, не потому, что кто-то захотел этого, а потому, что просто была вспышка молнии, ударившей в него, в результате чего он умер.

Таким образом, безличные формы глаголов указывают на инволютивное состояние субъекта, отсутствие с его стороны контроля над происходящим и даже снятия с себя ответственности за те или иные явления, события, действия. Русский язык предоставляет множество "возможностей снять с себя ответственность".

Рассмотрим наиболее распространенные конструкции с данным значением, в частности, с субъектом в форме дательного падежа.

Датив + необходимо, следует, нужно

На первый взгляд кажется, что нет принципиальной разницы между *Мне нужно уехать* и *Я должен уехать*. Однако в конструкциях второго типа акцентируется идея личной ответственности, а в конструкциях первого типа – невозможность говорящего поступить по-другому, его зависимость от обстоятельств, других людей, внешних и внутренних факторов, но при этом здесь отсутствует важный фактор – взятие говорящим на себя ответственности за сделанный выбор.

Поэтому, как нам кажется, русский человек предпочитет сказать *Мне нужно*, а не *Я должен*. К тому же, во второй конструкции содержится и негативный оттенок: мы не любим, когда мы кому-нибудь что-либо должны. А вот фразы *Мне необходимо*, *Мне нужно* и даже *Мне следует* звучат менее категорично, и в них снижается степень ответственности. Во всех подобных конструкциях, на наш взгляд, подчеркивается зависимость человека от самых разных факторов и менее всего – от собственной воли.

В английском же и армянском языках субъект остается активным, выражается лишь различная степень категоричности, вынужденности и необходимости действия,ср.: *I have to* (*Я должен, Мне нужно*), *I should* (*Мне следует*), *Ես պետք է* (*Мне нужно, я должен*). Фактически в русском языке субъект минимизирует свою роль и значимость, а в английском и армянском субъект даже при вынужденных ограничениях и обязанностях представляет происходящее как свое волевое решение. Да, это подчинение обстоятельствам, но выбор (осознанный) – за субъектом. Степень его участия в событии, в происходящем не приижается, не сводится к нулю, ему не приписывается статус "жертвы", в отличие от ситуации в русском языке.

Датив + удалось

В подобных конструкциях, с одной стороны, подчеркивается, что говорящий поступил так или иначе в силу обстоятельств, приижается степень его ответственности, а с другой стороны – как раз наоборот, подчеркиваются заслуги говорящего, которому удалось что-то сделать, несмотря на силу обстоятельств, мешающих осуществлению тех или иных действий.

Ей удалось приехать в Москву на выходные.

Если в случае *с мне необходимо, мне нужно* подчеркивается власть обстоятельств, то в этих конструкциях акцентируется как раз возможность их преодолеть, однако при этом преодоление не является чем-то закономерным и, так сказать, прямо пропорциональным усилиям говорящего, обстоятельства преодолеваются волей случая, именно поэтому – удалось, а не я смог, сумел, я сделал.

Мне удалось достать билеты на концерт.

Если в подобных конструкциях мы заменим "удалось" на "сумел", то здесь уже будет акцентироваться идея личной ответственности.

В английском языке как раз акцентируются заслуги говорящего: *Ей удалось приехать в Москву. – She managed to come to Moscow. Мне удалось его убедить. – I have succeeded in persuading him.*

Как мы видим, в английской языковой картине мира успех зависит не от обстоятельств, а от воли человека (*human will*).

В армянском языке, как и в русском, подчеркивается воля случая:

Վերջապես մոր ու տասնիկի հաջողվեց ինձ վեր կացնել (Ս. Զարյան):
Աշխատեցիր և ձեզ հաջողվեց գոնելու (Ա. Շիրվանզադե):

Воля случая подтверждается и этимологией данного глагола, его толкованием: в толковом словаре Э. Агаяна в качестве синонима к глаголу *հաջողվել* дано сочетание *բախոր բերել* "повезло". [5: 827]

Таким образом, в конструкциях с *удалось* подчеркивается власть обстоятельств, но, тем не менее, эти обстоятельства могут быть преодолены.

Датив + глагол на -ся

Отсутствие воли субъекта в происходящем отражается и в безличных конструкциях типа *Датив + глагол*.

Мне не поется, мне не работает, мне не спится, мне не хочется и др.

В подобных конструкциях состояние субъекта представлено как инволютивное: подчеркиваются не усилия субъекта, а как раз отсутствие каких-либо волевых действий.

В армянском языке значение желания, не совсем контролируемого говорящим, передается выражением *սիրու ուզում է* ((моё) сердце хочет), ср.:

Ես ոչինչ չեմ կանոնում, այնուամ, սիրու ուզեց, եկա (Ս. Զորյան):

Т.е. инволютивность здесь как раз подчеркивается отнесением своего желания не к сфере разумного, а к сфере эмоционального, поэтому – *սիրու* ((моё)

сердце). Существование подобных конструкций в рациональном английском языке является невозможным.

Что касается армянского языка, то, по свидетельству М. Абегяна, "в армянском языке безличные (бесподлежащие) предложения малоупотребительны, они часто заменяются соответствующими по значению личными предложениями, которые, однако, отличаются от безличных тонкими оттенками значений" [4: 58].

Русские безличные предложения с глаголами на -ся соотносятся с армянскими предложениями с глаголом страдательного залога с суффиксом -վ-. Однако следует иметь в виду семантические различия между этими структурно сходными конструкциями: в армянском языке такие предложения мыслятся как обобщенно-безличные, т.е. выражаемое ими действие не может быть приписано конкретному субъекту:

Երի հետ յի խոսվո՞ւմ (= С ним невозможно разговаривать)" [4: 59].

Таким образом, рассмотрев некоторые конструкции с субъектом, выраженным в форме датива, мы пришли к выводу о том, что безличность является характерной чертой русской языковой картины мира. Субъект в русских предложениях в большинстве своем представлен пассивно, как не контролирующий происходящее, а подчиняющийся какой-то неведомой, иррациональной силе, воле обстоятельств, которые, если и бывают преодолены, то прежде всего благодаря воле случая, а не личным заслугам говорящего. Конечно, мы не утверждаем, что рассмотренные конструкции свидетельствуют о безответственном подходе русских и русскоговорящих, нет: мы лишь делаем предположение о том, что в русской языковой картине мира субъект стремится представить себя частью мироздания, не всегда поддающейся контролю и объяснению.

Следовательно, в вышеуказанных предложениях рассматривается отнесённость желания не в сферу рационального, а в сферу эмоционального.

Рассмотрев подход А. Вежбицкой к безличным предложениям, мы тем не менее хотим заметить, что её точка зрения в какой-то мере является спорной. Очень важно отметить тот факт, что исследуемые понятия она приводила применительно и к русскому, и к английскому языкам. Вежбицкая анализирует безличные предложения на основе категорий неконтролируемости и эмоциональности, а также на фоне существования двух совершенно противоположных взглядов на жизнь. Она выявляет агентивную ориентацию и пассивную ориентацию. Автор к первой ориентации относит английский язык, а ко второй, соответственно, – русский язык. Она видит в безличных конструкциях характерное именно для русских явление: выражение стремления данного народа к пассивному образу жизни и фатализму.

Но нам трудно согласиться с её выводом, поскольку в применении безличных конструкций можно найти и другие основания. Корни широкой и активной употребительности безличных конструкций можно найти и в идеях колLECTивизма, что характерно и для способа мышления русского народа. Говорить о том же приме-

нительно к армянскому языку не является правильным, поскольку, как уже говорилось выше, те значения, которые русский человек выразит имперсоналом, армянин передаст личной конструкцией. И проанализированные конструкции дают возможность говорить, что армянский язык, как и английский язык, характеризуется агентивной ориентацией в противовес пациентивной ориентации русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. / Отв. ред. Кронгауз М.А. – М: "Русские словари", 1996. – 416 с.
2. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
3. *Маркарян Р.А.* Очерк по морфологии в сопоставлении с армянской. – Ер., изд. ЕГУ, 2007. – 178 с.
4. *Ter-Arakелян Р.А.* Простое предложение в русском и армянском языках. Ер., "Луйс", 1982. – 108 с.
5. *Աղայան Է.Բ.* Կրդի հայերենի բացատրական բառարան: – Երևան, Հայաստան, 1976թ., հ. 1:
6. *Jarintzov N.* The Russians and their language. New York, 1916. – 270 p.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ СТРАН ИВС НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ (РУССКОМУ) ЯЗЫКУ

Ольга Ивановна Попова

olgaporova791@mail.com

Ст. преподаватель кафедры русского языка

*Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище
им. Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
Благовещенск, Россия*

Елена Владимировна Зиновьева

zinoviewa.alyona@yandex.ru

Ст. преподаватель кафедры русского языка

*Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище
им. Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
Благовещенск, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению культуры стран иностранных военнослужащих с точки зрения когнитивного подхода. В статье представлены разнообразные по тематике, содержанию и уровню сложности задания по теме "Культура Лаоса".

Ключевые слова: когнитивная лингвометодика, культурологическая компетенция, культура Лаоса.

COGNITIVE APPROACH TO STUDYING THE CULTURE OF FMP COUNTRIES IN FOREIGN (RUSSIAN) LANGUAGE CLASSES

Olga Popova

olgaporova791@mail.com

*Senior Lecturer at the Department of the Russian Language
Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of Zhukov School
named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky
Blagovechensk, Russia*

Elena Zinovieva
zinoviewa.alyona@yandex.ru

*Senior Lecturer at the Department of the Russian Language
Far Eastern Higher Combined Arms Command Order of Zhukov School
named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky
Blagovechensk, Russia*

Abstract. This article is devoted to the study of the culture of the countries of foreign military personnel from the point of view of the cognitive approach. The article presents assignments on the topic "Culture of Laos" that vary in topic, content and level of difficulty.

Keywords: cognitive linguistic methods, cultural competence, Laotian culture.

Язык – явление сложное и неоднородное. Он изучается с точки зрения накопления социального опыта и передачи его от поколения к поколению и с точки зрения коммуникации. Язык и картина мира, язык и мышление рассматриваются не так часто. Очевиден тот факт, что недостаточный уровень языковой подготовки обучающихся заложен в самой системе преподавания, которая не всегда учитывает равномерное использование всех функций языка: коммуникативной, аккумулятивной и когнитивной.

Когнитивная лингвометодика связана с развитием умений и навыков логического мышления. Обучающиеся должны уметь: 1) различать простые и сложные понятия; проводить различные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.); устанавливать соотношения между содержанием и объёмом понятия; выявлять и характеризовать родо-видовые соотношения; различать существенные и несущественные свойства предметов; 2) правильно строить суждения и умозаключения; определять, о чём говорится и что говорится; устанавливать логические связи; различать общеутвердительные и общеотрицательные суждения; соотносить структуру предложения с содержанием выражаемого; 3) уметь классифицировать разные явления; давать им определения; приводить доказательства; решать исследовательские задачи на представленном лингвистическом материале; 4) проводить анализ текстов из учебников других дисциплин – истории, культурологии, социологии, философии, химии, физики, тактики и др. Когнитивистика также предполагает решение задач, направленных на формирование развитой языковой личности, языковая компетенция которой позволит иностранным военнослужащим (далее ИВС) правильно воспринимать и интерпретировать любую сложную информацию на русском языке, а также полно и точно выражать собственное суждение по-русски. Из сказанного следует, что в рамках когнитивного подхода к обучению иностранному (русскому) языку поликультурная языковая личность формируется на основе

как лингвистической, так и когнитивной и культурологической компетенций.

В процессе изучения культуры на занятиях по иностранному (русскому) языку должна быть определена последовательность предъявления тематических блоков по истории искусства, его жанрам; снятие возникающих языковых трудностей при выполнении лексико-грамматических и речевых упражнений, работе с историческим и культурологическим комментарием; развитие умений в аудировании и говорении; формирование убеждения в том, что без знаний о культуре разных стран невозможно межкультурное взаимодействие; развитие умений, необходимых для понимания и интерпретации текстов культурологической направленности. Процесс овладения языком – образовательный процесс, а иноязычная культура – источник культурного образования. Даже на начальном этапе овладения языком нужно более глубокое изучение мира его носителей, их образа жизни, национального характера, менталитета и истории, необходимо знание культурных традиций, норм повседневного поведения, представление всей "национальной картины мира" [1: 5].

Работа с культуроведческим материалом проходит в несколько этапов:

1. Снятие лексических трудностей, при котором даётся общая характеристика семантического поля и языковых средств. Данный вид работы проводится пошагово: первый шаг – представление лексической единицы; второй – семантизация; третий – автоматизация; четвёртый – поиск слова и определение его роли в тексте; установление "проблемных точек". Сочетание лексико-грамматических и коммуникативно-речевых заданий способствуют активизации учебно-познавательной деятельности обучающихся, развитию их творческого потенциала.

2. Чтение текста. В зависимости от методических целей, оно может быть просмотровым, с общим охватом содержания или частично-поисковым. Цель данного этапа – полное усвоение текста иностранными обучающимися в результате проработки его содержания.

3. Этап оценки понимания текста и его анализ, раскрывающий отдельные концептуальные составляющие рассматриваемого семантического поля. На данном этапе устанавливается уровень понимания его содержания обучающимися. Для этого используются вопросы различной степени сложности, предполагающие дискуссию, а также работа с культурологическими комментариями.

4. Завершающий этап работы с текстом. Здесь достигается уровень подготовленного говорения. С этой целью выполняются задания, которые совершенствуют навыки монологического высказывания (умение реализовать связное высказывание в соответствии с темой общения); передать содержание текста; выразить своё отношение к прочитанному; интерпретировать информацию различными способами; навыки диалогического высказывания (понимать содержание высказывания собеседника; трансформировать диалог в монолог).

В данной статье мы остановимся на изучении культуры Лаоса на занятиях

по иностранному (русскому) языку. Работая над пособием "Культура Лаоса", авторы учитывали то, что лаосское искусство развивается медленно, так как страна постепенно открывается с разных сторон. В пособии нами были даны разные по тематике, содержанию и уровню сложности задания.

Тема "**Изобразительное искусство Лаоса**" представлена следующими видами заданий [4: 47].

Задание. Насколько современны и точны высказывания выдающегося русского учёного, филолога, историка, философа культуры, автора книги "Русская культура" Д.С. Лихачёва? Используя конструкции *по-моему, по моему мнению, на мой взгляд, я думаю, я считаю, я полагаю, он прав (не прав)*, выскажите свою точку зрения.

1. История народа – это не история территорий, а история культуры. 2. Ценности культуры не стареют. Искусство не знает старения. Истинно прекрасное остаётся прекрасным всегда.

Задание. Используя знания в области синонимии, установите соответствия.

изобразить	а) живописец
картина	б) прекрасный, красивый
храм	в) полотно
художник	г) нарисовать
пейзаж	д) чувство высшего удовольствия
великолепный	е) церковь
восхищение	ж) описание природы

Задание. Используя прилагательные, обозначающие цвет, продолжите предложения.

1. Главный храм во Вьентьяне красиво украшен. Он выложен разноцветной мозаикой: 2. Стены лаосского храма расписаны в разных тонах. Мастера использовали оттенки 3. Расписывая гобелен, художники удачно применили ярко-синий, 4. При создании барельефа Золотого храма были использованы ... цвета. 5. Работая с текстилем, лаосские мастера широко применяют ... цвета. 6. Буддийский монах, по традиции, в одежде яркого ... цвета.

Задание. Переведите прилагательные-паронимы *искусный-искусственный*. Выберите правильный вариант, запишите словосочетания в нужной форме.

1. (Искусный, искусственный) отделка храма. 2. (Искусный, искусственный) живописец. 3. (Искусный, искусственный) мастера по дереву. 4. (Искусный, искусственный) обращение с оружием. 5. (Искусный, искусственный) вышивка. 6. (Искусный, искусственный) исполнение.

Задание. Установите соответствия. Используя образованные словосочетания, составьте предложения по изучаемой теме.

художественная	а) храм
изобразительное	б) школа
буддийский	в) панно
деревянное	г) тема
настенная	д) краски
религиозная	е) искусство
золотые	ж) роспись

Задание. Прочтите предложения, выберите нужную форму причастия.

1. Мне нравится (расписанный, расписанная, расписанное, расписаные) потолок, колонна, окно, окна, стена, стены, вход, дверь, свод, фигура, фигуры).

2. Мне нравится, когда (расписан, расписана, расписано, расписаны) потолок, потолки, колонна, колонны, окно, окна, стена, стены, свод, своды).

Задание. Вставьте окончания. Запишите словосочетания. На что указывают прилагательные?

Монументальн... живопись, лаков... композиции, настенн... роспись, оригинальн... орнамент, различн... изображения, рельефн... декор, живописн... панно, клеев... краски, натуральн... лак, разн... техники исполнения, буддийск... легенды, золот... и серебрян... нити.

По теме "**Музикальное искусство Лаоса**" ИВС были предложены следующие задания [4: 65].

Задание. Переведите прилагательные, которые относятся к слову *музыка*. Найдите среди них антонимы.

Классическая, симфоническая, серёзная, лёгкая, грустная, популярная, оркестровая, танцевальная, весёлая, народная, африканская, армянская, лаосская, русская, латиноамериканская, религиозная, тихая, торжественная, громкая, ритмичная, современная, старинная.

Задание. Ответьте на вопросы.

1. Какая музыка вам нравится? 2. Какую музыку предпочитают слушать ваши друзья? Вам тоже нравится такая музыка? 3. Какую музыку любят ваши родители? Вы согласны с тем, что это лучшая музыка? 4. Как отличить хорошую музыку от плохой? 5. Как вы думаете, должны ли люди знать народную музыку? Музыка каких народов вам нравится? И почему? 6. Какие направления в музыке вам известны? 7. Каких композиторов вы знаете? Каких российских певцов вы знаете? 8. Что называют музыкальным шедевром? Какую музыку, на ваш взгляд, можно отнести к шедеврам? 9. Чем отличаются слова "музыка" и "исполнение"? 10. В каком случае вы аплодируете? Когда бывают продолжительные аплодисменты? Всегда ли нужно аплодировать?

Задание. По мнению известного российского театрального режиссёра К.С. Станиславского, "жизнь коротка, искусство долговечно". Согласны ли вы с данным утверждением? Какие виды искусства, на ваш взгляд, могут существовать вечно?

Задание. Один из героев фильма "В бой идут одни старики" младший лейтенант Иванов, по прозвищу Кузнечик, говорит: "Всё преходящее, а музыка вечна". Как вы считаете, нужна ли музыка во время войны? Какую роль она играет?

Задание. Назовите известные вам российские военные песни. Где и когда вы их слышали? Пели ли сами?

Задание. Трансформируйте словосочетания типа *прилагательное + существительное* в словосочетания *существительное + существительное* в Р.п. При необходимости вставьте предлог.

1. Вьентьянский оркестр	6. Музыкальное искусство
2. Народные традиции	7. Королевский балет
3. Храмовые инструменты	8. Металлическая труба
4. Буддийский ритуал	9. Бронзовый барабан
5. Магические свойства	10. Бамбуковая флейта

Задание. Прочтайте и переведите глаголы *аккомпанировать, исполнять, петь, играть*.

Задание. Вставьте на месте пропусков подходящие по смыслу глаголы.

1. На сцене клуба хор ... любимую всеми песню "Три танкиста". 2. Курсанты закончили ..., и зрители в зале громко ... 3. Мои друзья ... на самых разных инструментах: гитаре, саксофоне, барабане, фортепиано. 4. Чанпатхумтхонг обладает красивым сильным голосом, и все любят ... песни в его исполнении. 5. Я ... известную в моей стране песню, а мой друг ... мне на гитаре.

Задание. Прочтайте предложения. Объясните разницу в значении прилагательных-паронимов *исполнительный – исполнительский*. Составьте аналогичные предложения.

1. Вансак – дисциплинированный и исполнительный курсант: он добровольно относится к своим обязанностям. 2. Исполнительское мастерство этого музыканта из Лаоса растёт с каждым выступлением. На его концертах всегда продолжительные аплодисменты, полный аншлаг.

Задание. Используя материал для справок, составьте словосочетания со словами **музыка, инструмент, исполнение**.

Материал для справок: большой, народный, быстрый, тихий, маленький, медленный, громкий, спокойный, музыкальный, классический, прекрасный, профессиональный, современный, деревянный, популярный, одиночный, великолепный, хоровой, солнышко.

Задание. Переведите конструкции, определите их стилевую принадлежность. Трансформируйте их по модели.

Модель: принять решение (что сделать?) стать музыкантом – решить стать музыкантом.

1. Оказать (?) помошь молодым талантливым художникам – ... 2. Одержать (?) победу в музыкальном конкурсе – ... 3. Давать (?) совет украсить мозаикой храм – ... 4. Осуществлять (?) руководство строительством художественной галереи – ... 5. Выразить (?) удивление – ... 6. Выражать (?) восхищение – ...

Задание. Переведите словосочетания. Раскройте скобки, поставьте слова в нужную форму.

1. Обладать *чем?* (особый талант, красивый сильный голос, хорошие знания в области искусства и культуры).

2. Восхищаться *чем?* (исполнительское мастерство пианиста и игра актёра).

3. Восторгаться *чем?* (современная мелодия и удивительный голос певицы).

4. Аплодировать *кому?* (молодые артисты, известный актёр, любимая актриса; лаосские курсанты, исполнившие русскую военную песню).

5. Поблагодарить *кого?* (популярные артисты, талантливая певица; молодой гитарист) за мастерское исполнение.

Задание. Объясните смысл предложения "Италия – страна песен". Можно ли вашу страну назвать страной песен? Обоснуйте своё мнение.

Задание. Переведите предложение "Его музыка имеет ярко выраженный национальный характер". О каком композиторе вашей страны можно так сказать? Аргументируйте свой ответ.

Задание. Переведите текст лаосского гимна на русский язык, прочитайте его перед аудиторией, расскажите, о чём поётся в нём.

Задание. Прослушайте цитату, запишите её по памяти. Объясните, как вы понимаете слова известного русского полководца А.В. Суворова: "Музыка удваивает, утраивает армию".

Задание. Прочитайте карту культурных ассоциаций. Продолжите её.

Страна	Культурные ассоциации
1. Великобритания	Шекспир, футбол, джентльмен, чай, туман
2. Италия	Папа Римский, макароны, сыр, спагетти, пицца, песня
3. Россия	Зима, холод, берёза, балет, хоккей, икра, озеро Байкал
4. Армения	Гостеприимство, уважительное отношение к старшим, озеро Севан, гора Арагат, Эчмиадзин, Гегард, гата
5. Китай	Китайская стена, шёлк, Конфуций, перенаселённость
6. Танзания	Резьба по дереву, маски, масаи, Занзибар
7. Лаос	

Национальная культура – это особая система ценностей, усвоенных народом в процессе его исторического развития. Разные культуры по-разному воспринимают и изображают действительность. Стороны, наиболее значимые в жизни культуры, находят более богатое воплощение, отображение, обозначение в её языке [2: 229]. Изучая культуру стран ИВС в иноязычной аудитории, необходимо помнить, что взаимодействие национальных культур – это диалог контактирующих культур в процессе изучения иностранного языка, в нашем случае русского. Именно диалог культур обеспечивает понимание и духовное взаимообогащение представителей разных лингвокультурных общностей. Чтобы лучше понимать других людей, необходима некая "третья культура". Она возможна только на основе взаимодействия двух культур, двух языков. В речи каждого из нас постоянно звучит множество голосов, впитанных и унаследованных нами из жизни и истории родной культуры [3: 231].

В языке – духовные ценности, жизненные приоритеты. Следовательно, основополагающим принципом в работе преподавателя при изучении подобных вопросов должен стать принцип диалога культур, который будет обеспечивать не только проникновение в иную систему ценностей, но и погружение в неё, преодоление сложившихся стереотипов, сопоставление с родными традициями и обычаями. И когнитивный подход в этом случае является обязательным условием и для успешного овладения иностранным языком, и для успешного межкультурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилова Г.И.* Мировая художественная культура. // Учебник для общеобразовательных учреждений. – М.: Дрофа, 2011. – СС. 199–204.
2. *Каленкова О.Н., Омельченко Е.А., Феоктистова Т.Л., Шорина Т.А.* Учимся жить в России. // Пособие по социальному-культурной адаптации. – М.: ГАОУ ВПО МИОО. – Этносфера, 2013. – СС. 156–160.
3. *Маттьиши О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В.* // Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб.: Речь, 2011. – С. 560.
4. *Попова О.И., Зиновьевна Е.В., Николаенко С.В.* Культура Лаоса. // Учебно-методическое пособие. – Благовещенск, ДВОКУ, 2021. – СС. 47–65.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАСТРОЙКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОПТИКИ

Маргарита Александровна Секерина
mseckerina@gmail.com

*К.ф.н., доцент
Доцент кафедры филологии и методики
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация. В статье выделяются и обосновываются в качестве объектов лингвистического исследования дискурсивная и метадискурсивная формы само-презентации участников социальной коммуникации. Описывается специфика сбоя языкового материала для изучения языка институций и сообществ и приемы его интерпретации.

Ключевые слова: социальная коммуникация, дискурс, метадискурс, само-презентация, язык институции, язык сообщества, социолингвистика.

SOCIAL COMMUNICATION: OBJECTS OF RESEARCH AND SETTINGS OF LINGUISTIC OPTICS

Margarita Sekerina
mseckerina@gmail.com

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Philology and Methodology
Pedagogical Institute
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia*

Abstract. The article highlights and substantiates discursive and meta-discursive forms of self-presentation of participants in social communication as objects of linguistic research. The specifics of collecting language material for learning the language of institutions and communities and methods of its interpretation are described.

Keywords: social communication, discourse, meta-discourse, self-presentation, institutional language, community language, sociolinguistics.

Данное исследование осуществляется в рамках проекта изучения проблемы коммуникативной адаптации и самоактуализации Субъекта, который, в условиях информационной энтропии, десакрализации и рассеивания традиционных идеологических дискурсов, вынужден конструировать себя сквозь множество противоречивых смыслов [5]. Традиционные дискурсы, значительно исчерпавшие линейный, синтаксический потенциал и поставившие под сомнение семантику своих концептов как преимущественно идеологических коннотаций, ослабив нарративные связи, "отпустили на волю" прецедентные продукты – концепты, фреймы, сценарии, формулы, превратившиеся в мощный прагматический ресурс.

Сегодня процесс успешного встраивания в культурное поле представляет собой перманентную интеракцию, а социальная самопрезентация на фоне принципиальной публичности существования – социокультурный перформанс, который становится все более популярной формой самоосуществления как разного рода институций и сообществ, так и отдельного субъекта как агента оных.

В этой связи методология социальной лингвистики может быть значительно обогащена исследованием языка самоописаний агентов социализации как важнейшей части социальной коммуникации.

Учитывая специфику стратегий речевой самопрезентации в современном коммуникативном пространстве, можно выделить две основные ипостаси агентов социализации, критерием разграничения которых на лингвистическом уровне выступает отношение к узнаваемому дискурсу как ценности, капиталу / антиценности, грузу, ограничителю. И вытекающие из этого способы взаимодействия с ним (воспроизведение, проблематизация, редуцирование, создание на его основе метадискурса, перформанса).

Это:

1. Институции и сообщества, принципиально использующие "готовый" дискурс, ценность которого фундирована длительностью функционирования в качестве обеспеченного культурой символического капитала [2]. Он используется либо в качестве самообоснования, имеющего признанный социальный вес в широкой аудитории, либо в качестве "мишени", "негатива", для создания собственно го дискурса (*артикуляции, риторики, речевой практики, истории, сленга, языка, интонации, версии*) путем дискредитации существующего, не выходя при этом за рамки линейности используемой дискурсивной системы (базовых концептов, схем, знакового пространства).

В этом случае основным вектором самопрезентации в коммуникативном пространстве становится оппозиция старый (традиционный, легитимный, заслуженный) / новый (модный, продвинутый, альтернативный), а основной стратегией – дискредитация. Для дискредитации "старого" создается смысловая оппозиция, вытекающая из семантического расширения концепта "готовый" и создающая коннотативный ореол: формальность (*искусственность, проформа, внешняя ори-*

ентированность, стандартизованность, шаблонность, клишированность, тотальность, глобальность, рутинность и пр.) – неформальность ("внутренняя ориентированность", "человеческое измерение", естественность, локальность, камерность, инаковость, альтернативность, разноплановость, искренность, живость и т.д.). Эта концептуальная оппозиция не позволяет новому дискурсу существовать самостоятельно, без перманентной актуализации дискурса-мишени, и иметь семантически независимые концептуальные сценарии.

2. Сообщества, выбирающие метадискурсивный способ [3] самопрезентации, принципиально не использующие "готовый" дискурс, подвергающие его метадискурсивной рефлексии, расчленению, редукции, рассеиванию, скрещиванию с другими дискурсами в попытке обретения недетерминированного языка. Эксплицитная универсализация языка открывает больше коммуникативных возможностей перед говорящим, позволяет уйти от ответственности за дискредитированные радикальные смыслы, избежать обвинений в жесткой детерминированности и редукции культурного пространства.

В исследовательской практике нам приходилось фокусироваться на способах самопрезентации каждой из названных групп.

При изучении языка самопрезентации социальной институции материалом может стать любое текстовое (звуковое, буквенное, семантическое, семиотическое) взаимодействие институции / субъекта влияния и аудитории в любой форме (афиша, объявление, пост, продукт, формулировки официальных документов, цели, задачи, миссия, саморефлексия агентов, интервью с ними, кодификация виртуального и реального пространства и прочее). Обычно социолингвистические исследования концентрируются на конкретных источниках, например, официальные сайты или социальные сети. При таком подходе приходится учитывать как дискурсивные рамки и нормы источника, так и экстралингвистические факторы – от возраста человека, создающего контент для сайтов, до содержания современных курсов SMM (маркетинг в социальных сетях). В результате акцент исследования смещается с дискурса институции на площадку вещания. Необходим отказ от дифференциации источников и нивелирование жанровых влияний на текст. В этом случае описание сбора и обработки материала становится частью исследования как постоянно обновляемая и создаваемая методологическая формула, адекватная коммуникативному полю. Под нашим руководством был выполнен ряд выпускных работ бакалавров, где предметом исследования выступили способы коммуникационного вещания (устные и письменные) как источники самоописания институции (музея, МДЦ "Артек", средней школы и др.). Наиболее интересные выводы позволяет получить сопоставление языка самопрезентаций институций одного типа. Кроме выводов лингвокультурного и социального характера, полученные результаты могут послужить поводом для саморефлексии конструирования учреждением собственного коммуникативного статуса в социальном пространстве. В частности, в работе

"Язык нового музея" описана специфика самонаименований, стиль самоописания, языковая самопрезентация трех ведущих иркутских музеев: ГБУК ИОХМ им. В.П. Сукачёва как государственного музея, за счет означивания разными способами концепта "вечные ценности"; ЧУК "Музей современного искусства Сибири Виктора Бронштейна" – художественной галереи, ориентированной на продажу "времяпрепровождения", престижного, респектабельного, современного, но лишенного маргинальности и возрастных рамок; центра современного искусства "Огонь", основной задачей которого является формирование ощущения принадлежности к модному (новому, "независимому") сообществу.

В качестве примера изучения самопрезентации легитимного/альтернативного сообщества, конструирующего себя с помощью готового дискурса, имеющего "социальную репутацию", приведу свое исследование дискурсов самоописаний писательских сообществ Иркутска. Подробнее – в статье "Социокультурная парадигма жизни нестоличного писательского сообщества" [4]. Исследовательское поле – писатели и писательские объединения Иркутска. Методы сбора материала – краткие и развёрнутые интервью, анкетирование, работа с архивами. В рамках данной статьи позволю себе привести несколько обобщений. В фокусе исследования находились дискурсивные способы встраивания современного иркутского писателя в социальное и культурное пространство, корреляция дискурсов самопрезентаций с мировоззрением и географией. Как показало исследование, институциональная иерархизация иркутского писательского сообщества, рефлексия и творческое означивание концептов "Русская литература", "Сибирская литература", "Восточно-Сибирская литературная школа", мотивов, практик напрямую связаны с событиями прошлого, с главным и громким расколом писательского сообщества Иркутска в период перестройки. Именно тогда идеологемы эксплицировались и превратились в триггеры. Особенность истории иркутской писательской институции такова, что разделение единого Союза писателей (а их на сегодняшний день четыре) рефлексируется и болезненно переживается до сего времени, влияет на самоактуализацию и самопрезентацию членов сообщества.

В географическом и социокультурном аспектах респонденты абсолютным большинством выбирают "глобальную" стратегию самопрезентации. Все писатели-респонденты определяли себя "русскими" (не "сибирскими") литераторами. Оперирование концептами "сибирская / региональная литература" ограничивает, не дает вписаться в более широкое культурное пространство, но одновременно выделяет / может выделить произведение в бескрайнем поле современной литературы.

В методологическом плане мы столкнулись с некоторыми особенностями дискурса представителей данного сообщества. В выборе метода сбора языкового материала интервьюказалось идеальным инструментом в силу возможности уточнений и относительной свободы создаваемого нарратива. Но на практике – исследователь использовался как личный биограф и фиксатор материалов для "ЖЗЛ".

Анкетирование же обнаружило ряд преимуществ для дальнейшего лингвистического анализа материала. Как акт "насильственный", оно позволяет респонденту сконцентрироваться и вербализовать, формулировать об общем (литературный процесс, значимые концепты), а не только повествовать о личных и межличностных перипетиях, переформулировать / редактировать непонравившийся вопрос, изменив и тем самым обнаружив для исследователя новый ракурс, мотивированно отказаться от вопроса – то есть совершив больше речевых актов и применить больше стратегий.

Вариант "недискурсивного" способа социальной самопрезентации проиллюстрируем материалом текущего исследования частной утопии как метадискурсивной игры. Исследованию подверглись документальные материалы, воссоздающие тридцатилетнюю историю крестьянской общины, неофициального реабилитационного центра "Доброта" в деревне Батхай Иркутской области: это-документы, документальный архив (аудиозаписи, фотографии, иллюстрации, книги, публикации в социальных сетях), интервью с основателем общины А.Д. Любимовым. Пользуясь коллективными "наработками" – готовыми дискурсами о крестьянской общине, А.Д. Любимов осуществляет "наивный" дискурс-анализ: деконструирует чуждые практики до коннотативных смыслов и выстраивает собственную иерархию значений, позволяющую обрести предпочтительную, а не предписанную идентичность. Учение, утопия, претендующая на частность, уникальность в современном мире неизбежно столкнется с идеологической исчерпанностью. Ключевые концепты крестьянских утопий давно сформулированы, поэтому вариации на тему персональных "учений" начинаются с поисков суворенитета, с дистанцирования от готовых и известных продуктов.

Необходимость исследования столь разнородных источников как единого текста связана с тем, что готовые, часто уже напечатанные кристаллизованные формулы учения неизбежно будут вести к прецедентным текстам. Частность утопии обеспечивается коммуникативным актом, обязательным перформативным действием – "беседой с Учителем". Коммуникативный акт создает глубину, обеспеченную недосказанностью, побегом от формул, перекладыванием гносеологической ответственности на "ученика". Только комбинация документа, семиотики пространства и устной речи, с указанием пауз, концептуальных лакун, отсутствием дефиниций позволяет раскрыть коммуникативную стратегию лидера общины в полном объеме.

Расширение информационного пространства и гуманитарного поля, инспирировавших процесс инфильтрования и коннотирования стандартных дискурсивных практик, превращение их в лучшем случае в призрачную погоню за ускользающим смыслом, с одной стороны, приват индивидуального опыта и частных обобщений, возникших на фоне дискредитации больших нарративов и доминирующих дискурсов – с другой, ставит перед социальной лингвистикой и лингвокультурологией новые теоретические и методологические задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. – М.: "Практис", 2013.
2. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. – СПб.: "Алетейя", 2007.
3. *Секерина М.А.* Метадискурс как вербальное воплощение рефлексии колективного субъекта над дискурсом об истории России. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Вып. №5. – Тамбов: Изд. "Грамота", 2013. – СС. 150–155.
4. *Секерина М.А.* Социокультурная парадигма жизни нестоличного писательского сообщества. // Сибирский филологический форум, Вып. №4. – Красноярск: Изд. Красноярского гос. пед. университета, 2021. – СС. 97–106.
5. *Сулимов. В.А., Фадеева Е.И.* Современный текст: реальность сознания. // Семиозис и культура: от реальности к тексту – от текста к реальности. – Вып. №7. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. – СС. 5–10.

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В. НАБОКОВА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Лариса Юрьевна Стрельникова
lorastrelnikova@yandex.ru

К.ф.н., доцент

*Доцент кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания
Армавирский государственный педагогический университет
Россия, Армавир*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем философии языка в художественных произведениях В. Набокова. Благодаря анализу языковых приемов расширяются границы существования философии языка, позволяя открывать новые перспективы изучения творчества писателя в контексте неклассической литературы модернизма и постмодернизма. Для Набокова важен не столько сюжет, события жизни и человек, сколько их языковое оформление. Художественный язык стилистически репрезентирует особый мифологизированный мир писателя, формируя эстетическую философию языка, реализуясь в творческих приемах, сочетающих онтологию, сакральность и игру.

Ключевые слова: Набоков, философия языка, модернизм, постмодернизм, эпистема, языковая игра.

THE LANGUAGE OF V.V. NABOKOV'S WORKS AS AN OBJECT OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Larisa Strelnikova
lorastrelnikova@yandex.ru

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Russian Language, Literature
and Methods of their Teaching
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of the philosophy of language in the works of V. Nabokov. Thanks to the analysis of linguistic techniques, the boundaries of the existence of the philosophy of language are expanding, allowing

new perspectives to be opened for the study of the writer's work in the context of non-classical literature of modernism and postmodernism. For Nabokov, it is not so much the plot, the events of life and the person that is important, as their linguistic design. Artistic language stylistically represents the special mythologized world of the writer, forming the aesthetic philosophy of language, being realized in creative techniques combining ontology, sacredness and play.

Keywords: Nabokov, philosophy of language, modernism, postmodernism, episteme, language game.

Культурологическая мысль начала XX века трактовала поэзию как особую форму эстетической игры, которая распространяется и на язык. Например, Й. Хейзинга настаивал на мысли о тождественности игры и поэзии: "тот, кто... называет поэзию игрой, а именно игрой со словами и языком, не прибегает к метафоре, схватывает глубочайший смысл самого слова поэзия" [10: 131]. Этой же формуле творческого релятивизма следовал и писатель русского зарубежья В. Набоков, используя театрально-игровой эффект приемов языка. Именно в игровом, театрально-карнавальном контексте, по мнению Б. Лённквист, формировался язык модернистской литературы: "Итак, слово – звуковая кукла, словарь – собрание игрушек" [6], что соответствовало задачам обновления художественного языка и мировоззрения в целом. Для авторов классической литературы язык становится средством выражения особого опыта, находящегося за пределами человеческого познания, в царстве мистического духа, призванного вызывать эстетические чувства. Писатель русского зарубежья Набоков органично вписался в эстетику модернизма и постмодернизма, создав оригинальную концепцию творчества, назвав главным критерием искусства "не общие идеи, а личный вклад" [8, т. 3: 576]. Писатель привнес принцип игры не только на языковой уровень, но и в структуру своих произведений. Понимая искусство как "божественную игру", Набоков, подобно своему творческому двойнику Годунову-Чердынцеву, в стремлении выйти за рамки повседневной реальности должен был "делать большие усилия как для того, чтобы не утратить руководства игрой, так и для того, чтобы не выйти из состояния игралища" [9, т. 3: 10].

Для Набокова существовала только одна вера – "абсолютная вера в свои литературные силы, в чудный дар" (отчаяние). Свою задачу писатель видел в том, чтобы с помощью языка создавать миражи и иллюзии, представляя литературу как "феномен языка, а не идей" [8, т. 1: 511]. В этих словах Набокова-модерниста отразилось не только его творческое кредо, но и принципы существования языка как философской категории неклассической эстетики. Современники Набокова нередко упрекали его в вычурности стиля и " злоупотреблении метафорами", но именно в этой нарочитой искусственности и заключалась специфика отношения писателя к языку: "Сирин отнюдь не щеголяет "образностью письма", он не может писать иначе, потому что так именно он видит мир" [2: 201]. Писатель считал, что задача

искусства – преодолеть здравый смысл, а это можно сделать только с помощью языковых приемов, придающих произведению метафорические и фантастические смыслы: "Я победоносно смешиваю метафоры, потому что именно к этому они и стремятся, когда отдаются ходу тайных взаимосвязей – что, с писательской точки зрения, есть первый положительный результат победы над здравым смыслом" [7: 467].

Философия языка Набокова нашла выражение в игровых приемах, классическое определение которым дали В. Ходасевич, П. Биццilli. "Сирин сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес", – таково суждение Ходасевича, считавшего, что Набоков ставит своей целью "показать, как живут и работают приемы" [2: 222]. Биццilli увидел в Набокове экспериментатора, который использует язык как средство возрождения, "казалось бы, давно обветшавшего и забытого "жанра" аллегорического искусства – некоторая отрешенность от жизни" [2: 219]. Предваряя постмодернистские языковые концепции Р. Барта, Набоков стремится вывести язык из социальной сферы, придав ему статус самостоятельной реальности, отождествляя художественный текст с авторским "искусственным" мифом, выражающим эстетические смыслы: "поскольку миф – это слово, то им может стать все, что достойно рассказа" [1: 72]. Писателю нужны были языковые игры как возможность показать, что "всякое искусство – обман" [8, т. 2: 569], не имеющий отношения к подлинной жизни человека. В духе Р. Барта Набоков считал, что "изнутри самого себя язык должен быть подорван, изобличен; это должно быть сделано отнюдь не при помощи сообщения, чьим орудием является язык, но посредством игры слов, сценической площадкой для которой он служит" [1: 550]. Набокову удалось вырваться из "рабства языка" [1: 550] через "спасительное плутовство, эту хитрость, этот блестательный обман, позволяющий расслышать звучание безвластного языка, во всем великолепии воплощающего идею перманентной революции слова" [1: 550].

Используя такие приемы, как игра ради игры, интертекстуальность, мир как текст, смешение высоких и низких жанров в сторону беллетризованной литературы, аллюзии, тотальная ирония, вторичность тем, образов и т.д., Набоков завоевал место среди основоположников эстетики не только модернизма, но и постмодернизма, когда главным становится понятие структуры художественного текста. В контексте структурализма художественный текст выступает как знак, моделирующий такой мир, "который походит на первичный, но не копирует его, а делает интеллигibleм" [1: 255], определяя содержание творческого замысла писателя. Набоков во всех произведениях старается проявить свою индивидуальность на уровне стиля: "Мне нравилось – и до сих пор нравится – ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставлять их врасплох [9, т. 3: 360].

Тексты Набокова по своему социальному и нравственному содержанию ли-

шены идеей, национальных традиций, как и сам автор, для которого главной целью творчества является постмодернистская концепция Р. Барта – получение удовольствия от текста, лишенного какого-либо иного содержания, кроме символического и эстетического: "... почему я написал любую из моих книг? Ради удовольствия, ради сложности... Я просто люблю составлять задачи с изящными решениями" [8, т. 2: 574]. К творчеству Набокова применим принцип постмодернизма, согласно которому произведение становится проблемой литературной формы, что делает исторический контекст бессмысленным. Постмодернисты пришли к выводу, что язык служит лишь художественному описанию мира, "функционируя по законам риторики и метафоры" [5: 5], тем самым уходя от познания жизни и человека. Все зависит от фантазии автора, не претендующего на достоверность. Деформация языка привела к стиранию границ между рациональным и художественным мышлением, о чем говорит и Набоков: "... в произведении искусства происходит как бы слияние двух вещей: точности поэзии и восторга чистой науки" [8, т. 2: 568]. Набоков превращает свои тексты в мифы-шарады, побуждая читателя разгадывать авторские замыслы.

Язык литературы как модернизма, так и постмодернизма насыщен интертекстами, превратившись в средство манипулирования культурными кодами. Произведения Набокова переходят в сферу деконструкции, другими словами, они разбираются на составляющие их интертекстуальные компоненты с целью последующей интерпретации, подтверждая мысль Ж. Деррида, что "вне текста не существует ничего" [3: 318], в том числе человек и его жизнь является всего лишь производными авторских фантазий, выраженных в тексте: "так называемая реальная жизнь существ "из плоти и крови" всегда была письмом и только письмом [3: 314]. В постмодернистском направлении текстам Набокова присуща двойственность, сосуществование несочетаемого, фантастичность, построенная на нонсенсе, то есть "бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни, – и ясное сознание изначальной фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта" [5: 5]. Интертекстуальность, переходящая часто в гипертекстуальность, давала Набокову возможность свободы творчества, вплоть до пародирования существующих текстов, не опираясь ни на какие авторитеты. Подрывая язык "изнутри", Набоков пародийно перепевает и переосмысливает известные произведения русской литературы: ""Дым, туман, струна дрожит в тумане". Это не стишок, это из романа Достоевского "Кровь и слюни". Пардон, "Шульд унд Зуне" [9, т. 3: 440], – так Герман из "Отчаяния" пародийно переиначивает название романа Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание".

В таком же пародийно-ироническом контексте Набоков использует пушкинскую тему в романе "Машенька". Взятый из "Евгения Онегина" эпиграф "... Вспомня прежние романы, воспомня прежнюю любовь..." [9, т. 1: 35] примени-

тельно к героям Ганину и Машеньке не соответствует реальной ситуации и отражает лишь ассоциации в памяти героя. Любовные воспоминания Ганина пародируют чувство любви, что подтверждает письмо, написанное с претензиями на стиль послания Татьяны Онегину: "Вам конечно странно, что я пишу вам, несмотря на ваше молчанье, – но я не думаю, не хочу думать, что и теперь вы не ответите мне" [9: 97]. Говоря об отношении Набокова к слову, следует отметить, что писатель с помощью языка создал особый художественный мир, смещая уровни текста за пределы логического восприятия изображаемого в сторону мифологизированной образности, абсурда, тотальной иронии и наслоения культурных кодов. Таким образом, эти аспекты в изучении философии языка Набокова позволяют нам сказать, что именно в неклассическую эпоху актуализируется эстетический потенциал языка, сочетающий в себе философский, сакральный и игровой смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: ИГ Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии. – М.: Издательство Новое литературное обозрение, 2000.
3. *Деррида Ж.* О грамматологии. – М.: Издательство Ad Marginem, 2000. – 512 с.
4. *Евреинов Н.Н.* Демон театральности. – М.: Летний сад, 2002. – 535 с.
5. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интранда, 1996. – 253 с.
6. *Лённквист Б.* Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ka2.ru/nauka/blnqst_3.html (Дата обращения: 30.09.2023 г.).
7. *Набоков В.В.* Лекции по зарубежной литературе. – М.: Издательство Независимая газета, 1998. – 512 с.
8. *Набоков В.В.* Собр. соч. американского периода. В 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1997.
9. *Набоков В.В.* Собр. соч. В 4 томах. – М.: Правда, 1990.
10. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КУЛИНАРНОЙ ТРАДИЦИИ
ВИЛЕГОДСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)**

Ольга Анатольевна Теуш

olga.teush@yandex.ru

К.ф.н., доцент

Ст. научный сотрудник кафедры русского языка,

общего языкознания и речевой коммуникации

Департамент "Филологический факультет"

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена историко-этнографическим истокам регионально специфичной кулинарной культуры одного из российских регионов – Вилегодского района Архангельской области. Выявляются оригинальные кулинарные блюда, анализируется происхождение названий этих блюд, характеризуются особенности их приготовления.

Ключевые слова: историко-этнографические истоки, кулинарная традиция, Вилегодский район, русский язык, прибалтийско-финские языки.

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ORIGINS OF THE CULINARY TRADITION OF THE VILEGODSKY DISTRICT OF THE ARKHANGELSK REGION (ACCORDING TO LINGUISTIC DATA)

Olga Teush

olga.teush@yandex.ru

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Senior Researcher at the Department of the Russian Language,
General Linguistics and Speech Communication
Faculty of Philology*

Abstract. The article is devoted to the historical and ethnographic origins of the regionally specific culinary culture of one of the Russian regions – the Vilegodsky district of the Arkhangelsk region. The original culinary dishes are revealed, the origin of the names of these dishes is analyzed, the peculiarities of their preparation are characterized.

Keywords: historical and ethnographic origins, culinary tradition, Vilegodsky district, Russian language, Baltic-Finnish languages.

Вилегодский район Архангельской области находится на юго-востоке области, граничит с республикой Коми. Культура этого региона, с одной стороны, является наследницей общерусской традиции, а с другой стороны, содержит специфические местные черты.

Свообразие кулинарной культуры определяется, с одной стороны, спецификой используемых продуктов, а с другой – способами их обработки. Названия приготовляемых блюд нередко диалектны: отражают особенности местной речи.

При любом приеме пищи ели хлеб и говорили: "*Нет хлеба – нет жизни*" [1: 164]. Основной вид хлеба – это *мекки*: пшеничный или ржаной хлеб, выпекаемый в виде небольших круглых булок. Название заимствовано из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *töykkä* ‘большой каравай’, карел. *töökkii* ‘хлебный комок, хлебный каравай’ [5: 2, 338].

Хлеб особой формы – в виде маленьких круглых булочек – называли катыши (ср. русск. литер. катыш ‘маленький круглый комок, скатанный из чего-нибудь мягкого’ [3: 330]): тесто замешивали на яичневой муке с добавлением сметаны [1: 237]. Такой хлеб, поскольку он долго хранился, брали с собой при дальних поездках (на сенокос, в гости к родственникам и т.п.)

В диалектных пословицах отражается крестьянское отношение к хлебу: “*Хлеб-соль – дар Божий. Не принять хлеба – значит прогневать*”, “*Хлеб-соль дружбу водит, ассору выводит*” [1: 178], “*Хлеба не станет, песни пой*” [1: 261].

Из хлеба готовили отдельное блюдо – *жарёшку*: ржаной хлеб разрезали на две части, подсыпали и запекали в печи [1: 172]. Наименование производно от глагола *жáрить* ‘подвергать действию сильного жара’ [3: 229].

Вместо хлеба нередко ели *гороховые хлопунцы* [1: 203] – название объясняется тем, что при приготовлении теста гороховую муку “хлопали” с рыхлым снегом. Иное название блюда – *колобушки гороховые* [1: 172].

Самостоятельным мучным блюдом являлись *колобы со сметаной*: из муки, дрожжей и сахара замешивали жидкое тесто, на противень ложкой выкладывали *колобы* (‘небольшие лепешки’) и запекали в печи, после чего подавали со сметаной [1: 251]. Такие колобы запекали также на капустных листьях [1: 173]. Слово *колоб*

производно от праслав. глагола **kъlbati* ‘рубить, резать’ [1: 349]: вилегодские говоры сохраняют более древнюю семантику лексемы.

Поскольку северные районы России богаты грибами, достаточно много блюд включают этот ингредиент. Одно из таких блюд – *гретые губы* [1: 211] (ср. русск. диал. *губа* ‘съедобный гриб’ (Арх., Вят.) [2: 7, 191]) или *бовденица* – готовится из соленых грибов и картофеля [1: 211]. Поскольку картофель толкнут, а затем смешивают с грибами, второе название блюда нужно связывать с диал. *вёлденица* ‘гриб’ (Арх., Влг., Костр., Яросл.) [2: 5, 37], которое возводится к праслав. *vol-* ‘набухать’ [3: 106]. Пирожки с сухими грибами называют *обабоиники* [1: 220], поскольку в русских диалектах лексема *обабок* имеет значение ‘гриб’ [2: 21, 340].

Широко используется в рационе питания рыба. *Рыбник* (рыбный пирог из крупной рыбы) оформляется особым образом: треска или зубатка выкладывается на слой теста, вырезанный по контуру рыбы, сверху пирог оплетается косичкой из теста [1: 222]. Круглый закрытый пирог из мелкой рыбы называется *молёвик* [1: 223], ср. диал. *мольё* ‘самая мелкая свежая рыба разных сортов’ (Влг., Олон.) [2: 18, 250].

Одним из любимых лакомств на Вилеми считается *тёртая картошка* [1: 247], *дракёна* [1: 223] или *тёртая дракёна* [1: 235] – блюдо из тертого картофеля, запеченного в печи с добавлением молока и яиц. Название блюда образовано от глагола *драть* ‘тереть на терке (картофель)’ (Смол.) [2: 8, 175]. Если смесь для запекания сделать достаточно густой (например, добавив муку), то ее можно выложить на противень в форме калачей; такое блюдо носит название *картофельный калач* [1: 223]. По способу приготовления близка *селянка*: в смеси молока и яйца замачивается сухой белый хлеб и запекается в печи [1: 245]. Наименование производно от глагола *сесть* ‘разместиться, поместиться где-либо’ [2: 37, 238].

Из картофеля, порезанного на кусочки (*бобки*), готовили *бобоиницу*: кусочки картофеля заливали подсоленой смесью из молока и яиц и запекали в печи [1: 241]. Название кусочков картофеля вторично к *боб* ‘плод растения семейства бобовых’ [3: 51]. С добавлением нарезанного лука из картофеля готовили *ринник* (картофельное пюре) [1: 212]. С диалектным переходом Ъ > и название блюда можно связывать со словом *répa* ‘корнеплод с округлым корнем светло-желтого цвета’ [3: 829]: до появления в Европе картофеля, репа являлась главным овощем, используемым в крестьянской кулинарии.

Вилегодским супом являлся *суп из кисленок* [1: 212], который готовился на основе ячневой крупы с добавлением картофеля и щавеля. Название супа связано с диалектным наименованием щавеля – *кисленка* (Вят., Киров., Перм.) [2: 13, 229].

Поскольку вилегодские леса изобилуют ягодами, в местной кулинарии распространены блюда с добавлением ягод. Одно из них носит название *шуротовиха* [1: 237] (ср. *шуровать* ‘делать что-либо быстро, энергично’ [3: 1115]): толченую чернику смешивают с толокном и сахаром, добавляют воды и едят, запивая свежими

сливками. С использованием солода (муки из пророщенной и высущенной ржи) и ягод брусники или черники с добавлением сахара варят *китришиху* [1: 205]: название блюда производно от *кипеть* с использованием архаического суффикса *-р-* и более поздних суффиксальных элементов, ср. этимологию названия растения *кипрей* в [4: 2, 236]. О такой каще говорится в поговорке: "*Горе наше – ржаная каша, а поел бы и такой, дак нет никакой*" [1: 260]. Со сладким раствором ягод брусники едят кашу-подымницу, приготовляемую из ячневой муки [1: 205]. Наименование каши образовано от глагола *подыматься* ‘о тестообразной массе: вспучиться’ [3: 670]. Иное название этой каши – *кисель* [1: 204].

В качестве десерта в вилегодском регионе едят *парницу* [1: 204] (название образовано от глагола *пáрить* ‘приготовлять что-нибудь в закрытом сосуде на пару’ [3: 614]): очищенную морковь нарезают кружочками и запекают в печи в глиняном горшке на протяжении дня, затем раскладывают на противни и высушивают. Парницу употребляют вместо конфет.

Одним из популярных напитков в вилегодском регионе являлся *сбитень народный*: при приготовлении в напиток добавлялся хмель [1: 193]. Однако народная мудрость предостерегала от чрезмерного употребления этого напитка: “*Хмель не вода, а человеку беда*” [1: 196].

В целом, кулинарная культура Вилегодского района Архангельской области представляет собой оригинальную местную традицию, характеризующуюся специфическим набором блюд, отличающихся рецептурно от распространенных в российской кулинарии, имеющих историко-этнографические особенности и номинируемых диалектными названиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байгородина Е.Г. Вилегодская говоря. Вилегодская кухня. М.: Издательский дом "Сказочная дорога", 2019. – 288 с.
2. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1. – М.; Л., 1965.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М., 2008. – 1175 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1964-1973.
5. Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 s.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Языки и диалекты.
карел. – карельский язык
праслав. – праславянский язык

русск. – русский язык

фин. – финский язык

2. Административные районы и области.

Арх. – Архангельская область

Влг. – Вологодская область

Вят. – Вятская губерния

Киров. – Кировская область

Костр. – Костромская область

Олон. – Олонецкая губерния

Перм. – Пермская область

Смол. – Смоленская область

Яросл. – Ярославская область

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТУЛЕ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА¹

Григорий Валериевич Токарев

grig72@mail.ru

Д.ф.н., профессор

Зав. кафедрой документоведения и стилистики русского языка

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Тула, Россия

Аннотация. В статье приведены результаты психолингвистического эксперимента, состоящего в анализе реакций на стимул Тула. В эксперименте приняли участие лица разного возраста и пола, проживающие в настоящее время в городе. Реакции распределены по денотативным областям.

Ключевые слова: региональная культура, город, стереотип, представление, коннотация, символарий культуры.

STEREOTYPICAL IDEAS ABOUT TULA: BASED ON THE RESULTS OF A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT

Grigory Tokarev

grig72@mail.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor

Head of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language

Tolstoy Tula State Pedagogical University

Tula, Russia

Abstract. The article presents the results of a psycholinguistic experiment consisting in the analysis of reactions to the stimulus of Tula. The experiment involved people of different ages and genders currently living in the city. Reactions are distributed across denotative regions.

Keywords: regional culture, city, stereotype, representation, connotation, symbolarий culture.

¹ Исследование "Символарий региональной идентичности" выполнено за счет средств гранта Российской научного фонда № 22-28- 20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Изучение симболария (Телия, 1999, 21) региональной культуры ставит задачи изучения ключевых знаков культуры, их семантики, а также объективируемых ими категорий культуры (Токарев, 2022, 19). В данной статье приведены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление стереотипных представлений, закреплённых за знаком Тула. Эксперимент проводился в виде фиксации реакций на данный знак, их обобщения и категоризации. В эксперименте приняло 100 жителей города разного возраста и пола. По итогам эксперимента составлена когнитивная модель, отражающая представления туляков о родном городе в 2023 году. Приведём результаты эксперимента.

ТУЛА – ключевой знак, связанный с представлениями о городе в европейской части России; символ защиты Отечества и мастерства; бренд, связанный с оружейным производством, а также изготовлением пряников, самоваров, гармоний.

Для коллективной памяти актуальны следующие представления и стереотипы о городе:

- географическое положение: Тула располагается в европейской части России к югу от Москвы, Тулу называют южными воротами столицы, Тула лежит на возвышенностях, которые называют горами: *Петровская Гора, Косая Гора, Мыльная Гора, Горелки*; город образован на реке Упе, не являющейся судоходной; Тула – типичный город средней полосы России. Времена года соответствуют календарю;
- история: Тула является старинным русским городом, она старше Москвы на один год, упоминания Тулы относятся к 1146 году. Тулу называют южным форпостом столицы. История Тулы связана с тремя эпохальными событиями. Первое: 8 сентября 1380 года произошла Куликовская битва с полчищами Золотой Орды, итогом стало постепенное освобождение Руси от монголо-татарского ига. Защитой города были непроходимые лесные полосы – засеки, валы – завитай, Кремль, которые в обыденном сознании становятся символом неприступности города. Второе: восстание 1607 года под руководством Болотникова, в ходе которого город был сдан. Третье: героическая защита Тулы в течение 43 дней (с 24 октября по 5 декабря 1941 года). Тула носит звание города-героя. Перечисленные знания формируют стереотип о неприступности города, о том, что Тула всегда могла дать отпор врагу;
- облик: благодаря тому, что Тула была включена в план регулярной застройки, город имеет прямые, симметрично расположенные улицы. Старый город был разделён на слободы по социальному признаку. Это деление отражено в названиях улиц. Центр современной Тулы застроен одноэтажными домами XVIII – XIX века, поэтому город называют столицей ветхого жилья. Тула – зелёный город, с большим числом парков, частных садов. На окраинах современной Тулы появляются спальные районы;
- жизнь города: Тула известна своими производствами. В городе получили раз-

вение металлургическое, оружейное производство, которые дали толчок зарождению самоварного, гармонного промыслов. Тула известна своими пряниками. Эти знания положены в основу стереотипа: *Тула – город мастеров, Тула оружейная, самоварная, пряничная столица*. В современной Туле получила развитие химическая промышленность, приобрели известность на всю страну швейная, обувная фабрики. Продолжены традиции металлургии и оружейного дела. Тула – город музеев. Сформирован стереотип, что Тула по числу музеев занимает третье место после столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее известными музеями являются Ясная Поляна, Куликово Поле, музей Оружия, музей Самоваров, музей Пряников. В наивном сознании представлены знания о двух главных высших учебных заведениях: *политехе* (Тульском государственном университете, образованном на базе политехнического университета) и *педе* (Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого). Тула – родина Льва Толстого. Имя писателя используется в брендинге города. Тула – город богатый: *Живет в Туле, да ест дули*. Дуля – сорт местной груши. В пословице подчёркивается, что несмотря на то, что человек живёт в богатом городе, питается он недорогой едой;

- промышленность: Тула – город заводов и фабрик. К наиболее древним производствам относятся металлургическое и оружейное. На их основе были развиты гармонное и самоварное производство: этому способствовали изобретательность, умения, предпримчивость тульского оружейника. Тула знаменита пряниками, конфетами, сахаром. В современной Туле многие предприятия выполняют государственный оборонный заказ, поэтому во второй половине XX века город считался закрытым.
- экология: Большое число предприятий отрицательно влияют на экологическую ситуацию в городе. В Туле и пригородах немало водоёмов с чистой водой.

Итогом проведения подобного эксперимента может стать словарь, отражающий обыденные представления о региональной культуре на определённом витке её развития. Ценность такого лексикографического издания заключается в том, что оно попытается зафиксировать бытие повседневности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. // Фразеология в контексте культуры. – М: "Языки русской культуры", 1999. – СС. 13–24.
2. Токарев Г.В. Словарь лингвокультурологических терминов. – Тула: ТППО, 2022. – 57 с.

**"МИР ВЕЩЕЙ" В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСЕМ ГРУППЫ
"КРУПЯНЫЕ И ХЛЕБОБУЛОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ" (НА МАТЕРИАЛЕ
ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Елена Викторовна Флянтикова
alena-flint@mail.ru

*Ст. преподаватель кафедры русского и белорусского языков
Гродненский государственный медицинский университет
Гродно, Беларусь*

Аннотация. В рамках работы на материале данных, полученных из Национального корпуса русского языка, было проанализировано метафорическое использование лексем, входящих в лексическую группу "Крупяные и хлебобулочные изделия", в частности, у части данных лексем в хранении закодированной информации, имеющей отношение к "миру вещей" (группы *натурфакты* и *артефакты*).

Ключевые слова: метафора, Национальный корпус русского языка, лексема, крупяные и хлебобулочные изделия.

**"THE WORLD OF THINGS" IN THE METAPHORICAL MEANING OF
LEXEMES OF THE GROUP "CEREAL AND BAKERY PRODUCTS" (BASED
ON DATA FROM THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)**

Elena Flyantikova
alena-flint@mail.ru

*Senior Lecture at the Department of the Russian and Belarusian Languages
Grodno State Medical University
Grodno, Belarus*

Abstract. As part of our work, based on data obtained from the National Corpus of the Russian Language, the metaphorical use of lexemes included in the lexical group "Cereal and bakery products" was analyzed, in particular, the role of these lexemes in storing encoded information related to the "The World of Things" (groups of natural facts and artifacts).

Keywords: metaphor, National Corpus of the Russian Language, lexeme, cereal and bakery products.

Лингвокультурология рассматривает триаду *язык – человек – культура* и представляет собой, по мнению В.А. Масловой, науку, "возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке" [2: 28]. Одним из центральных понятий лингвокультурологии является понятие лингвокультуры, которая "по своей сути есть феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных, так сказать, одеждах. Иначе говоря, акцент смещается – и это смещение принципиально важно – с языка, овнешняющего образы, на образы, овнешняемые в языке. Или, другими словами: с означающего – на означаемое" [1: 17]. Лингвокультура включает в себя культурно нагруженные элементы языка, те, в которых происходит сращение языкового значения и культурно-ценностной информации. Культуроносная информация, по мнению исследователей, закодирована в языковом материале языковой картины мира и лингвокультуры с помощью культурных кодов. В.А. Маслова считает перспективным лингвокультурологическое исследование языка сквозь призму кодов, где "кодом задается значимость знака, а интерпретатор (пользователь) эту информацию расшифровывает" [3: 46]. Взаимосвязь языка и культуры наиболее полно можно проследить на лексическом уровне на материале культурно маркированной лексики. В качестве такой лексики могут выступать и метафоры. По мнению В.Н. Телия, в них может быть реализован код культуры [7: 233]. Автор отмечает важную роль метафоры в механизмах концептуализации мира, в создании языковой картины мира [6: 34].

В рамках нашей работы мы проанализируем возможность номинаций, которые можно отнести к семантической подгруппе "крупяные и хлебобулочные изделия" семантической группы "еда и напитки",

Выбор номинаций семантической группы "еда и напитки" объясняется важной ролью обозначаемых ими фактов культуры в жизни человека. Будучи участниками не только повседневной жизни, но и многочисленных обрядов, праздников и ритуалов, данные номинации веками обогащались культурными смыслами, приобретали символическое значение. А определение фокус-группы "крупяные и хлебобулочные изделия" объясняется тем, что, во-первых, номинации данной группы обозначают традиционные блюда русской кухни, которые в том числе являются частью многих обрядов и ритуалов, а во-вторых, Ю.С. Степанов в своей книге "Константы. Словарь русской культуры" [5] к константам – "устойчивым концептам культуры" [5: 78] – относит только один пищевой продукт – хлеб. Поэтому считаем возможным рассмотреть все номинации, принадлежащие к той же группе, что и "хлеб". Также рассматривая эволюционный семиотический ряд, автор отмечает, что хлеб изначально представлял собой "жидкий хлеб, род каши или похлебки из муки из какого-либо съедобного злака" [5: 204]. Поэтому крупяные блюда были объединены в одну группу с хлебобулочными изделиями.

Для выявления метафорических значений, в которых используются или потенциально могут быть использованы лексемы данной группы, нами использовались не только материалы толковых словарей, но и контекстуальный анализ. Для выявления контекстов, на базе которых проводилось исследование, мы обратились к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) [4]. Благодаря использованию семантической разметки НКРЯ нами был составлен список номинаций, принадлежащих к группе "крупяные и хлебобулочные изделия", и составлен подкорпус контекстов, содержащих данные номинации, а затем данные контексты были проанализированы на предмет использования в них лексем, обозначающих крупяные и хлебобулочные изделия, в метафорическом значении.

Анализ метафорически уподобляемых явлений позволил выявить несколько групп явлений, одной из которых является группа, условно названная "Мир вещей". В рамках этой группы были выделены следующие подгруппы: объекты и явления, относящиеся к миру природы ("натурфакты"); объекты и явления, в создании которых принимает участие человек ("артефакты"). Ниже будут перечислены объекты и явление, метафорически описанные в рамках выделенных подгрупп, лексемы, используемые в метафорическом значении, приведены примеры.

1. Натурфакты:

- небесные светила (каравай, блин):

Каравай солнца повис на её кривом роге, готовый вот-вот сорваться. [Гузалия Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // "Бельские просторы", 2018];

- явления окружающей среды, растения (блин, каша, лепешка, калач, пряник, корж, оладья, пирог):

Вышли на улицу, на тротуар, густо покрытый снежной кашей [И. Грекова. Перелом (1987)];

Снег еще неглубок, зима не жмет особо, морозы ухнут позже разом, видать, завернет землю в белый калач, держись тогда. [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)];

- продукты жизнедеятельности животных / части тела, позы животных (лепешка, лепеха, баранка, бублик, блин, калач, калачик, крендель, кулич):

И вдруг лошадка стала вываливать из себя темно-зеленые лепешки. [Фазиль Искандер. Курортная идиллия (1999)];

2. Артефакты:

- транспорт и части транспорта (баранка, ватрушка, блинчик, бублик, батон):

Крохотная спортивная баранка чутко реагирует на движения водителя, а потому руки в идеале должны составлять с рулем единое целое. [Аксессуары: Что натянуть на руки // "Автопилот", 2002.03.15];

На одном из круtyх спусков работает аттракцион: дети катаются на

пластмассовых надувных "ватрушиках". [С.Н. Есин. Дневник (2007)];

- маршрут / дорога (баранка, крендель):

В конце каждой баранки (от конечной до конечной и обратно) у машиниста есть 15-20 свободных минут. [Степан Мухин. Психи подземелья (1997) // "Столица", 1997.02.17];

- предметы и орудия (баранка, батон, блин, бублик, булка, лепешка, лепешечка, оладья, плюшка, рогалик):

[BeloChka151 (жен.)] Запомните, все, кто собирается в тренажерный зал, всё, что вам нужно, так это штанга, блины, гантели. [Отзывы о фитнес-клубе Спарта (12.06.2013)];

У каждого игрока была бита – круглая плоская лепешечка, отлитая из свинца, или царский медный пятачок и даже советский серебряный полтинник. [Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // "Бельские Просторы"];

- механизмы и части механизмов (баранка, бублик, блин, лепешка, калач, корж):

В таком случае магнитная силовая линия будет, подобно бесконечной нити или спирали, наматываться на тор (баранку), образуя поверхность, называемую магнитной. [М. Рабинович. Размышления о проблемах современной управляемого термоядерного синтеза // "Химия и жизнь", 1967];

Из широкой трубной пасти? С пляшущего по блину кончика иглы? Тут-то Васька и пропал. [Гузель Яхина. Дети мои (2018)];

Он предлагал с этой целью построить врачающейся "космический бублик" 20 метров в диаметре, чтобы в нем во время вращения возникала искусственная сила тяжести (центробежное ускорение), и можно было ходить по нему внутри. [Л.А. Китаев-Смык. "В лесу, откуда обратного пути нет, мы готовили космические полеты" (2015)]

Чугунные экономайзеры, применяемые для невысоких давлений до 2,2 МПа (22 кгс/кв. см), представляют собой систему ребристых чугунных труб, соединенных "калачами". [Типовая инструкция по безопасному ведению работ для персонала котельных РД 10-319-99 (1999) // 19.08.1999];

- здания и части здания / город (кулич, пирог, пряник);

Котыка предпочитала идти по мокрой траве, то ступая осторожно, высоко задирая лапы, то вдруг прытью устремляясь за чем-то невидимым, то отставала, заглядывая под заборы, принюхиваясь к новым запахам, то стрелой летела далеко вперед, впрочем, вовремя тормозя и озираясь. Вот он, магазин, домик-пряник. Поднялись по ступенькам крыльца. [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // "Дальний Восток", 2019];

- объекты, созданные человеком (каравай, баранка, калач);

Левенталь сделал на сцене такой круг – клумбу-каравай, вокруг которой все вертится. [А.С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)];

- одежда (пирожок):

Отец Вознесенского, Андрей Николаевич, носил шапку-пирожок, как у Пастернака. [И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)];

- произведения искусства (бублик):

Колюше было поручено ехать по Карелии собирать эти "бублики" по монастырям и церквам. [Даниил Гранин. Зубр (1987)];

- украшения (калач):

С днем рождения все было более-менее понятно: обязательный ресторан, мать в чем-нибудь светлом, брючном, с золотым, обсахаренным бриллиантами калачом на ключницах, ее болтливые гости, все друг другу знакомые, а Веденникову неизвестные, подарок в коробке с кукольным бантом, который никогда не позволялся выбрать самому. [О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014-2016)];

- строительные материалы (батон);

Как бы молодая строительница ни старалась улучшить кладку из батонов, все равно стены не получаются, как из кирпичей. [Селиванов И.Е., Катаева Н.Г. И была жизнь... (1981)];

- отметка (баранка):

В заключительной встрече экс-чемпион мира вновь оказался у разбитого корыта, и лишь давняя традиция матчей на первенство мира – при удачном раскладе не добивать соперника в последней партии – позволила ему избежать ещё одной "баранки" и разгромного счёта. [Евгений Гик. Виши Ананд – шахматный король // "Наука и жизнь", 2008]

- сломанные предметы и механизмы (блин, лепеха):

Вот баня оказалась на льду, под ней таяло, и она лепехой плавала в навозной жиже, соря черной сажей и фукая пламенем в трубу. [Виктор Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль (1967-1989)].

Лексемы, обозначающие крупяные и хлебобулочные изделия, характеризуют целый спектр явлений. Так как крупяные и хлебобулочные изделия, с одной стороны, являются реальными объектами, а с другой, задействованы в большом количестве ритуалов, обрядов, принадлежащих к духовной части культуры, то лексемы, их обозначающие, образно описывают и отсылают к миру как материальной, так и духовной культуры. Анализ метафорических значений лексем, имеющих отношение к миру материальной культуры, позволил отметить важную роль номинаций семантической группы "крупяные и хлебобулочные изделия" в экспликации и семантизации фоновых знаний культурологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии. // Вестник Московского университета, Сер. 9. Филология. № 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та,

2013. – СС. 17–18.
2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие : для студентов вузов. – М.: Academia, 2004.
 3. *Маслова В.А.* Национальный характер сквозь призму языка. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2011.
 4. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения 30.08.2023 г.).
 5. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. – М.: Акад. проект, 2001.
 6. *Телия В.Н.* Метафора в языке и в тексте. – М.: Наука, 1988.
 7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.; Языки русской культуры, 1998.

РЕСУРСНОСТЬ ЭКРАНИЗАЦИЙ СКАЗОК О. ТУМАНЯНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Любовь Викторовна Чернова

lolache@mail.ru

K.ф.н., доцент

Доцент кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания

Институт русской и иностранной филологии

Армавирский государственный педагогический университет

Армавир, Россия

Ольга Алексеевна Дорофеева

kokak3082@mail.ru

Ст. преподаватель кафедры русского языка,

литературы и методики их преподавания

Институт русской и иностранной филологии;

начальник отдела информационной политики

Армавирский государственный педагогический университет

Армавир, Россия

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования экрализаций сказок О. Туманяна на уроках русского языка как иностранного. Авторы обращают внимание как на особенности функционирования языковых единиц, так и на интертекстуальность.

Ключевые слова: сказка, метатекст, контекст, синонимия, эпитет, мульти-
пликация.

RESOURCEFULNESS OF FILM ADAPTATIONS OF O. TUMANOV'S TALES WHEN STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Lyubov Chernova

lolache@mail.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Associate Professor at the Department of the Russian Language, Literature

and Methods of Their Teaching

*Institute of Russian and Foreign Philology
Armavir State Pedagogical University
Armavir; Russia*

Olga Dorofeeva
koka3082@mail.ru

*Senior Lecturer at the Department of the Russian Language,
Literature and Methods of their Teaching
Institute of Russian and Foreign Philology;
Head of Information Policy Department
Armavir State Pedagogical University
Armavir; Russia*

Abstract. The article discusses the possibility of using film adaptations of O. Tumanyan's fairy tales in the lessons of Russian as a foreign language. The authors pay attention both to the peculiarities of the functioning of linguistic units and to intertextuality.

Keywords: fairy tale, metatext, context, synonymy, epithet, animation.

Говоря о языковой подготовке, мы понимаем, что любая технология, применяемая на занятии, должна принести максимум практической пользы и результативности при минимальной материальной и энергозатратности. По различным данным, от 35% [5] до 65% [4] населения Земли являются визуальными обучающимися, или так называемыми визуалами. Естественно, что при работе с такими обучающимися наиболее эффективными становятся различные средства наглядности. Согласно исследованиям, в 2020 году видео составляло около 82% всех потребляемых пользователем-визуалом продуктов. Ожидается, что это соотношение увеличится в будущем [там же]. Очевидно, что одной из продуктивных форм работы с текстовым материалом становится обращение к метатексту видеопродуктов, в их числе мультипликации.

Целый ряд поколений советских, а затем и российских детей выросли на шедеврах мультипликации, снятых по мотивам сказок О. Туманяна, таких как "Три синих-синих озера малинового цвета..." (1981, режиссер Р. Саакянц), "Кто расскажет небылицу?" (1982, режиссер Р. Саакянц), "Ух ты, говорящая рыба!" (1983, режиссер Р. Саакянц), "В синем море, в белой пене..." (1984, режиссер Р. Саакянц) и "Ишь ты, Масленица!" (1985, режиссер Р. Саакянц). Ресурсность этих мультфильмов при изучении русского языка как иностранного огромна. Во-первых, в их основе лежит литературный текст, наполненный юмором. Во-вторых, сюжеты и поступки героев основаны на общепонятных ценностях: доброе, справедливости, честности.

Согласно Т.П. Meer и Е.Н. Кривошеевой, при отборе аутентичных фильмов для использования на занятиях по русскому языку как иностранному должны учитываться следующие критерии:

- 1) соответствие языкового содержания фильма уровню лингвистической подготовки студентов;
- 2) тематическая актуальность фильма;
- 3) качество фильма;
- 4) соответствие содержания фильма учебным целям и задачам, интересам студентов;
- 5) содержание социокультурной и социолингвистической информации в фильме;
- 6) информационная и художественная ценность;
- 7) популярность фильма;
- 8) жанрово-композиционное разнообразие;
- 9) сюжет фильма, который способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции [3: 184].

Экранизации сказок О. Туманяна в полной мере соответствуют указанным критериям. Сказки имеют определенную идеиную направленность, и прежде всего гуманизм, в котором кроется их долголетие и жизнеспособность в наши дни. Условно сказки подразделяются на следующие виды: волшебные, авантюрные, бытовые и сказки о животных. Большая часть сказок О. Туманяна – бытовые. Причем традиционно в них присутствуют добрые и злые герои, трудолюбивые и те, кто хочет воспользоваться плодами чужого труда: рыбаки и крестьяне, землевладельцы и правители.

Сам О. Туманян убежденно писал, что сказки – "высшее проявление литературы, все в них – вечные символы" [1: 56]. Дидактизм его сказок во многих случаях завуалирован, и тогда воспитательный эффект оказывается не менее, а может даже и более сильным, ибо передается через ненавязчивый пример. В сказках Туманяна, как и в фольклорных, возносятся и идеализируются добродетели и нравственные принципы, считающиеся основополагающими на протяжении веков: уважение к старшим, верность традициям, дружбе и любви, умение прощать, милосердие. Счастливый финал здесь важен не только как дань традиции, но и как проявление искони присущей человеку веры в торжество справедливости. Так, например, мудрецы из сказки "Кувшин с золотом" говорят жадному царю: "Этот кувшин с золотом дарован бедным пахарям за их трудолюбие и честность. Когда идут они – находят золото, это награда им за честный труд. А когда идешь ты и хочешь похитить чужое счастье – вместо золота находишь змей" [6].

Бесценно, на наш взгляд, обращение Туманяна именно к сказочному жанру, поскольку сказка является языком общения и познания, понятным людям самого разного возраста: от ребенка – до взрослого, зрелого человека, а также объясняет

сложные нюансы человеческих взаимоотношений, нравственные и моральные нормы и ценности, модели поведения человека в различных ситуациях. Это позволяет в свою очередь создать на уроке РКИ среду для общения обучающихся, предполагающую взаимообогащающий диалог представителей различных культур.

Не случайно обращение О. Туманяна к армянской народной сказке, которая изначально служила источником сохранения и передачи духовного, нравственного и эмоционального опыта вековых армянских традиций, не теряющих своей актуальности как способ и средство воспитания и обогащения культуры не только ребенка, но и взрослого.

Герои его сказок убедительно доказывают: на смену страданиям главных героев всегда приходит радость, упорный труд вознаграждается, а добро, умение, смекалка побеждают зло.

Сказки О. Туманяна чрезвычайно занимательны и обладают добрым юмором.

Широка и разнообразна система языковых образных средств, применяемых Туманяном в сказках. А. Вартанян приводит слова Туманяна: "Надо писать так, чтобы показать речь, душу и сердце народа" [1: 155]. К частотным в системе средств образности Туманяна отнесем эпитеты. В сказках Туманяна как будто сам народ говорит, народный сказитель, только его речь очищена от диалектизмов и доведена до кристальной чистоты и выразительности, и этот дар свойствен очень немногим писателям, которые являются народными в самом точном и высоком смысле этого слова [2: 237].

Так, в мультфильме "В синем море, в белой пене..." встречаем следующие эпитеты, связанные с образом морского царя-колдуна: неуловимый кувшин, старый бандит, проклятый колдун. Безусловно, они потребуют разъяснения для неносителя русского языка на уровне словарной работы, что позволит поработать с синонимами.

Диалоги персонажей просты, структурно понятны зрителю и воспроизведимы в речи, что очень важно для освоения языка.

Интересный культурологический материал дают таинственные заклинания, произносимые колдуном. Однако, завеса таинственности падает, когда мы говорим с обучающимся о том, что слова "айб, бен, гим" – это не что иное, как наименование первых трех букв армянской азбуки, а "эрек уон чорс" – аналог русского "три-четыре" по-армянски. Эти символы позволяют провести культурологические параллели: например, армянское "айб, бен, гим" и русское "от А до Я".

Еще один интересный аспект, который открывает мультфильм, – это развенчание главным героям-мальчиком контекстной синонимии, навязываемой колдуном "богатый = счастливый". Для мальчика счастье – вернуться к семье, где его любят!

"Ух ты, говорящая рыба!" во многом необычный мультфильм. И это каса-

ется не только характера прорисовки персонажей, но и того факта, что повествование ведется собственно сказочником, при этом автор передает слово героям, скрывается за лицом то одного, то другого, меняет маски. Таким образом достигается эффект полифонии, многоголосия. Итак, что интересного дает нам этот фильм на уроке РКИ? С первых секунд мы сталкиваемся с постоянным эпитетом "добрый человек". Его можно встретить в фольклоре большинства народов. В оппозиции с ним до финала фильма будет находиться характеристика волшебника "добрый", используемая в переносном значении.

Еще один важный элемент – это неверbalный знак, которым персонаж изображает размер пойманной им рыбы: раздвигающиеся до нереального размаха руки. Он понятен и близок большинству культур, в которых есть сказки о лгунах.

Важное место в языке экранизаций сказок О. Туманяна занимают междометия. Их коннотация становится понятна неноносителю, благодаря мастерской игре актеров озвучивания. Так, например, "ух ты" – восхищение, удивление, "ага" – согласие, "эх" – разочарование, печаль, "ишь" – осуждение, упрек.

При просмотре мультильма "Ух ты, говорящая рыба!" можем также проверить обучающихся на внимательность. Чёрный кот, сидящий на голове "доброго" волшебника Эээха, издает нехарактерный для него звук: каркает. Об этом можно поговорить на уроке, вспоминая звукоподражания.

Также при просмотре данного мультильма следует обратить внимание на роль интонации для создания контекста. Фразы "век тебя помнить буду" и "век меня помнить будете", произнесенные соответственно стариком и волшебником, являются "анттиподами", именно благодаря интонационному рисунку.

А затем мы сталкиваемся с невероятной силы игрой слов. Каждая фраза, произнесённая молодым героем (говорящей рыбой), является предметом для отдельного разговора. Например, контекстная синонимия "море – лужа"; использование глагола "выйти" в значении "получиться": тулуп вышел, а затем его дефразеология.

Наконец, поговорим о мультильме "Ишь ты, Масленица!" и некоторых аспектах его использования на уроках РКИ. Во-первых, важен культурологический контекст. Масленица и её празднование могут стать отдельной темой для урока, разработки учебного проекта. Во-вторых, использование идиоматических выражений: "Что на носу?", " нашел дураков", "какая птица". Разбор переносных значений, подбор синонимических слов и выражений – важная часть лексической работы.

Помимо самого сюжета, фильм изобилует материалами о быте и традициях, в данном случае армянского народа.

Итак, работа над метатекстом на основе мультиликации, в частности экранизаций сказок О. Туманяна, позволяет педагогу и обучающимся сопоставлять существующие в другой культуре представления со своим опытом; видеть события и их участников с точки зрения другой культуры, понимать внутренние причины

событий.

Сформированность таких умений приводит в дальнейшем к слаженному взаимодействию участников диалога, относящихся к разным культурам, но имеющих общую цель – взаимопонимание. Кроме того, работа с метатекстами открывает большие возможности для использования такого метода, как сторителлинг, метода проектов и других интерактивных форм работы в рамках изучения РКИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варташян А.* Сказки Ованеса Туманяна. Вопросы творческой истории. – Ереван: Изд. АН АрмССР, 1986. – 215 с. (на армянском языке).
2. *Егиазарян А.* Писатель и народная сказка. // Вопросы литературы. – 1988. – № 4. – С. 236–239.
3. *Меер Т.П., Кривошеева Е.Н.* К вопросу об использовании фильмов в обучении английскому языку студентов медицинских специальностей. // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61–1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovaniii-filmov-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku-studentov-meditsinskikh-spetsialnostey> (Дата обращения: 01.10.2023 г.).
4. Процент визуалов в мире: статистика и тенденции. // Информационный онлайн журнал. – 24 августа 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsnslnr.su/faq/procent-vizualov-v-mire-statistika-i-tendencii> (Дата обращения: 01.10.2023 г.).
5. *Семенова Е.Е., Лебедева О.А., Сотникова Е.А.* Приемы и методы воздействия на потребителя для повышения эффективности рекламного обращения. // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-6. – С. 1255–1259. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37015> (Дата обращения: 01.10.2023 г.).
6. *Туманян О.* Кувшин с золотом. // Вини-Пух – сказки для детей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vini-puh.ru/tumanyan-o/kuvshin-s-zolotom-ovanes-tumanyan/2/> (Дата обращения: 01.10.2023 г.).

Для заметок

Для заметок

Для заметок

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ЭПОХ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РУСИСТИКЕ

VI Международная научно-практическая
конференция (12-14 октября 2023 г., Ереван)

Сборник научных статей Часть 1

Главный редактор издательства РАУ – М.Э. Авакян.

Ответственный редактор – К.С. Акопян.

Компьютерная вёрстка и техническая редактура – В.В. Акопян.

Корректируя – К.С. Акопян, В.В. Акопян.

Перевод – В.В. Акопян.

Заказ № 40. Подписано к печати – 16.06.2025 г.

Формат 70x1001/16. Бумага офсетная № 1.

Объём 17,7 усл. п. л. Тираж 350 экз.

Отпечатано в типографии: ООО "BMB-Принт"
г. Ереван, пр. Азатутяна 24/11 Тел: (+374 10) 28-54-28
e-mail: vmv_print@yahoo.com